

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
ФОРМАТ**

№ 3-4 / 2023

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

**HISTORICAL
FORMAT**

№ 3-4 / 2023

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

ОСНОВАН В 2015 ГОДУ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

* * *

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Меркулов Всеволод Игоревич, канд. ист. наук
главный редактор

Жих Максим Иванович
заместитель главного редактора

Колтырин Сергей Анатольевич
ответственный редактор

Лобачева Ирина Ивановна
редактор-переводчик

Артамонов Герман Анатольевич, канд. ист. наук, проф. (Россия)

Афанасьев Михаил Николаевич, докт. соц. наук (Россия)

Богданов Андрей Петрович, докт. ист. наук, проф. (Россия)

Грот Лидия Павловна, канд. ист. наук (Швеция)

Кулаков Владимир Иванович, докт. ист. наук (Россия)

Лубков Алексей Владимирович, докт. ист. наук, проф. (Россия)

Майоров Александр Вячеславович, докт. ист. наук, проф. (Россия)

Пузанов Владимир Дмитриевич, докт. ист. наук, проф. (Россия)

Фомин Вячеслав Васильевич, докт. ист. наук, проф. (Россия)

* * *

Е-mail редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: <http://histformat.com/>

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

ESTABLISHED IN 2015

SCIENTIFIC PUBLICATION

* * *

EDITORIAL BOARD:

PhD in History Vsevolod Merkulov

Editor-in-Chief

Maksim Zhikh

Deputy Editor-in-Chief

Sergey Koltyrin

Managing Editor

Irina Lobacheva

Editor-Translator

PhD in History, Professor German Artamonov (Russia)

Doctor of Sociology Mikhail Afanasiev (Russia)

Doctor of History, Professor Andrey Bogdanov (Russia)

PhD in History Lidia Groth (Sweden)

Doctor of History Vladimir Kulakov (Russia)

Doctor of History, Professor Aleksey Lubkov (Russia)

Doctor of History, Professor Alexander Maiorov (Russia)

Doctor of History, Professor Vladimir Puzanov (Russia)

Doctor of History, Professor Vyacheslav Fomin (Russia)

* * *

E-mail: mail@histformat.com

Website: <http://histformat.com/>

© Historical Format, 2023-2024

ISSN 2411-9415

ПОПЕЧИТЕЛИ ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ»

2022-2023:

Анзимиров Лев Владиславович (независимый исследователь)
Барейша Илья Сергеевич (адвокат)
Вотрин Дмитрий Вячеславович (Академия ДНК-генеалогии)
Зиновьев Станислав Валерьевич (предприниматель)
Ковпак Алиса Игоревна (кандидат психологических наук)
Кривошеин Александр Васильевич (адвокат)
Матвейчев Олег Анатольевич (кандидат философских наук)
Присекина Лариса Александровна (кандидат технических наук)
Рычков Александр Константинович
Самусев Дмитрий Николаевич (Академия ДНК-генеалогии)
Семенов Александр Сергеевич (кандидат физико-математических наук)

**Редакция «Исторического формата» благодарит всех,
кто поддержал журнал на краудфандинговой платформе «Планета.ру»,
и персонально:**

Базлова Григория Николаевича,
Васильева Игоря Юрьевича,
Викторова Ивана Владимировича,
Голубева Александра Николаевича,
Зуба Сергея Алексеевича,
Козлова Александра Васильевича,
Кошелева Дмитрия Евгеньевича,
Лосева Сергея Петровича,
Пайора Евгения Викторовича,
Савенко Викторю Викторовну,
Смирнова Владимира Александровича,
Суржика Дмитрия Викторовича,
Щербинину Екатерину Викторовну

Международный научный журнал «Исторический формат» посвящён публикации результатов актуальных научных исследований по истории России и других стран мира. Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях.

The international science magazine «Historical Format» is dedicated to the publication of the results of relevant scientific research on the history of Russia and other nations. The magazine publishes original articles in Russian, English, French and German, presenting the results of scientific research on historical themes, as well as notifications of research conducted under the umbrella of the magazine or with its direct participation.

Die internationale wissenschaftliche Zeitschrift «Historisches Format» veröffentlicht aktuelle Ergebnisse der wissenschaftlichen Forschung zur Geschichte Russlands und weiterer Länder. Die Zeitschrift veröffentlicht Publikationen zu historischen Themen in russischer, englischer, französischer und deutscher Sprache, sowie Berichte über wissenschaftliche Veranstaltungen unter Leitung oder Beteiligung der Zeitschrift.

La Revue internationale scientifique «Format historique» est consacrée à la publication des résultats des recherches scientifiques actuelles sur l'histoire de la Russie et d'autres pays du monde. La Revue publie des articles originaux sur les résultats des recherches scientifiques en russe, anglais, français et allemand et aussi l'information sur des activités scientifiques organisées sous la tutelle de la Revue ou avec sa participation.

Журнал нуждается в Вашей поддержке

«Исторический формат» – это научный журнал, который был, есть и будет оставаться бесплатным. Мы принципиально не хотим взимать плату с авторов за публикации и навязывать читателям платную подписку.

Нас никто не финансирует, и одновременно мы – независимая, свободная площадка. Но нам нужны средства на подготовку новых выпусков и функционирование редакции.

Если у Вас есть возможность поддержать «Исторический формат», то это очень нам поможет. По ссылке ниже – форма для добровольного пожертвования. Можно выбрать наиболее удобный способ платежа: из кошелька ЮMoney, с карты или с мобильного. Сумму пожертвования можно изменить по Вашему желанию.

ПЕРЕХОДИТЕ ПО ССЫЛКЕ: <http://histformat.com/donate/>

<http://histformat.com/donate/>

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

С.Н. Беззаконов, М.И. Жих <u>ДРЕВНЕЙШИЕ ИЗВЕСТИЯ О РУСАХ</u>	
Sergey Bezzakonov, Maksim Zhikh OLDEST INFORMATION ABOUT THE RUS PEOPLE	10
И.А. Гагин <u>ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД А.Г. КУЗЬМИНА И «ИСТОРИЯ РОССИЙСКАЯ» В.Н. ТАТИЩЕВА</u>	
Igor Gagin A.G. KUZMIN'S DIALECTICAL METHOD AND V.N. TATISHCHEV'S HISTORY OF RUSSIA	31
Д.С. Логинов <u>ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЯЗАНСКОМ ПООЧЬЕ В ЭПОХУ НЕОЛИТА</u>	
Dmitry Loginov ETHNIC PROCESSES IN THE RYAZAN REGION IN THE NEOLITHIC ERA	36
В.И. Кулаков <u>ГЕРМАНСКИЙ РИТУАЛ ЭПОХИ МЕРОВИНГОВ – В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ</u>	
Vladimir Kulakov GERMANIC RITUAL OF THE MEROVINGIAN ERA IN EASTERN EUROPE.	45
С.Б. Чебаненко <u>ВЕЧЕВОЕ ПРАВОСУДИЕ И МОТИВ МЕСТИ В КИЕВСКИХ СОБЫТИЯХ 1147 Г.: СМЕРТЬ ИГОРЯ ОЛЬГОВИЧА</u>	
Sergey Chebanenko VECHE JUSTICE AND THE MOTIVE OF REVENGE IN THE KIEV EVENTS OF 1147: THE DEATH OF IGOR OLGOVICH	55
С.В. Томсинский <u>НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ УГЛИЧА: О ВОЗМОЖНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ПОЛЕМИКИ</u>	
Sergey Tomsinsky SOME CONTROVERSIAL ISSUES OF THE HISTORY OF UGLICH: ON POSSIBLE BACKGROUND OF POLEMICS.	68
А.В. Парунин <u>СПИСКИ СОЧИНЕНИЯ УТЕМИША-ХАДЖИ В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ</u>	
Alexey Parunin MANUSCRIPT COPIES OF WORK BY UTEMISH HAJJI FROM THE POINT OF VIEW OF MODERN HISTORIOGRAPHY	78
И.Ю. Васильев <u>ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ ВЫЖИВАНИЯ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ</u>	
Igor Vasiliev TERRITORIAL SURVIVAL COLLECTIVES OF KUBAN COSSACKS	85
С.Н. Азбелев <u>НЕИЗДАННАЯ КРУПНЕЙШАЯ ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И КАК ПАМЯТНИК ИСТОРИОГРАФИИ</u>	
Sergey Azbelev THE UNPUBLISHED LARGEST CHRONICLE OF NOVGOROD THE GREAT AS A HISTORICAL SOURCE AND A HISTORIOGRAPHICAL MONUMENT	96

М.И. Жих

О НЕКОТОРЫХ ДИСКУССИОННЫХ ВОПРОСАХ ПОХОДА РУСОВ НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ В 860 Г.

Maksim Zhikh

SOME DEBATABLE ISSUES OF THE RUS' CAMPAIGN TO CONSTANTINOPLE IN 860 **104**

НОВАЯ КНИГА

NEW BOOK **114**

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL. **115**

ДРЕВНЕЙШИЕ ИЗВЕСТИЯ О РУСАХ

С.Н. Беззаконов¹, М.И. Жих²

¹Независимый исследователь (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: bezzakonov@mail.ru

²Международный научный журнал «Исторический формат»

(Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: max-mors@mail.ru

Scopus Author ID: 55358941500

Researcher ID: F-3154-2014

<http://orcid.org/0000-0003-2212-6416>

SPIN-код: 6149-3974

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются древнейшие известия о народе «рос»/«рус», жившем в I тысячелетии н.э. предположительно на юге Восточной Европы, как аутентичные, так и ретроспективные, проводится анализ этих известий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: источники, русы, Плиний Старший, Псевдо-Захария, Иордан, схолия к Аристотелю, ас-Са'алиби, Захир ад-дин Мар'аши, Бал'ами, Фирдоуси, Мирхонд.

OLDEST INFORMATION ABOUT THE RUS PEOPLE

Sergey Bezzakonov¹, Maksim Zhikh²

¹Independent researcher (Rostov-on-Don, Russia)

e-mail: bezzakonov@mail.ru

²International Scientific Journal «Historical Format»

(Saint Petersburg, Russia)

e-mail: max-mors@mail.ru

ABSTRACT

The article considers and analyzes the oldest information, both authentic and retrospective, about the “Ros”/“Rus” people who lived in the 1st millennium AD presumably in the south of Eastern Europe.

KEYWORDS: sources, Rus, Pliny the Elder, Pseudo-Zacharias, Jordan, scholia to Aristotle, as-Sa'alibi, Zahir ad-din Mar'ashi, Bal'ami, Firdousi, Mirkhond.

Обзор арабо-персидских источников¹ показал, что первые упоминания об активности русов в Предкавказье и на юге Восточной Европы в них датируются VI-VII вв., причем имеются они только у персидских авторов: «Иранский филолог и историк ас-Са'алиби (961-1038) в своем сочинении “Китаб ал-гурар ахбар ал-мулук ал-фарси ва-сийарухум” (“Лучшее из жизнеописаний персидских царей и известий о них”), рассказывая о постройке Хосровом I Ануширваном Дербентской стены, среди враждебных персам северных народов упоминает наряду с турками и хазарами русов. Другой автор, прикаспийский историк Захир ад-дин Мар'аши, составивший во второй половине XV в. “Тарих-е Табаристан ва Руйан ва Мазандаран” (“Историю Табаристана, Руйана и Мазандарана”), также помещает русов в VI в. где-то к северу от Кавказа. Еще одно раннее упоминание о русах принадлежит саманидскому вазиру Мухаммаду Бал'ами, который в 60-х гг. X в. перевел на персидский

язык “Историю пророков и царей” (“Та'рих ар-русул ва-л-мулук”) арабского ученого и богослова начала X в. ат-Табари, значительно переработав это сочинение. Интересующее нас известие Бал'ами связано с событиями 643 г., когда подступившие к Дербенту арабы заключили соглашение с правителем Дербента, по которому тот освобождался от уплаты дани, взамен чего брал на себя обязательство охранять Дербентский проход от воинственных северных народов, в числе которых названы русы» (Коновалова 2001: 177).

Написаны эти источники между X-XV вв., что у исследователей, отрицающих южную локализацию русов, вызывает скепсис. Нет уверенности в том, что автор рассказа о столкновениях русов и правителя Дербента Шахриара в 643 г. не воспользовался обычным для восточных, да и не только восточных, писателей приемом переносить современные им географические и этнографические понятия на времена отдаленной древности (Dunlop 1954: 48; Артамонов 1962: 177-178; Кулешов

1 Публикация подготовлена при поддержке гранта А. Костылева.

2009: 444-445; Калинина 2020: 171-185). Другая группа ученых указывает, что нельзя исключать вероятность достоверности этих сообщений (Дорн 1875: 379-388; Новосельцев 1965: 363-364; Седов 2002а: 27-28; Кузьмин 2003: 251; Трубачев 2005: 152; Максимович 2006: 34-35). Это тем более вероятно, что, как показала И.Г. Коновалова, древнейший пласт сведений о русах, включая рассказ об «острове русов», «восходит к персидским источникам, опирающимся на местную мифо-эпическую и историческую традиции» (Коновалова 2001: 178). Авторы X и последующих веков вполне могли «обращаться к произведениям более раннего времени» не дошедшим до наших дней (Коновалова 2001: 178). Правда исследовательница оговаривается, что из вышесказанного «не следует, будто информация о русах в указанных сочинениях действительно восходит к сасанидскому периоду, не говоря уже о более отдаленных временах» (Коновалова 2001: 178), но следуя контексту ее работы, вероятность этого есть.

К такому выводу склоняют и результаты недавнего исследования В.С. Кулешовым использования имени «русь» в поэме Фирдоуси (ок. 940 – ок. 1020) «Шахнаме»: «Автор эпоса почерпнул сведения о стране Rōs не из арабоязычных памятников IX-X вв., где сведения о русах этнографически рельефны и географически конкретны, а из памятников на среднеперсидском языке» (Кулешов 2021: 193).

Получается, что страна и/или народ «рос»/«рус», существующие в Восточной Европе, были известны персидским авторам сасанидского времени, то есть в VI-VII вв., откуда соответствующая информация попала в «Шахнаме» и, возможно, в сочинения вышеназванных иранских авторов. Со скандинавской гипотезой происхождения Руси это решительно не согласуется, зато возвращает нас к проблеме древнейших свидетельств о росах (или русах), относящихся к первой половине – середине I тыс. н.э., среди которых есть не только указанные выше ретроспективные, но и, что важно, ауθενтические.

Сирийский автор середины VI в. Псевдо-Захария помещает русов где-то на север от Кавказа: «Базгун земля (Абхазия – М.Ж., С.Б.) со (своим) языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, которые (находятся) в пределах гуннских. За воротами живут бургары, со (своим) языком, народ языческий и варварский, у них есть города, и аланы, у них пять городов. Из пределов Даду живут в горах, у них есть крепости. Аунагур, народ, живущий в палатках, аугар, сабир, бургар, куртаргар, авар, хазар, дирмар, сиругур, баграсик, кулас, абдел, ефталит, эти тринадцать народов, живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием. Вглубь от них (живет) народ амазонки (amazonides), женщины с одной грудью, они живут сами по себе и воюют с оружием и на конях. Мужчин среди них не находится, но если они желают прижить, то они отправляются мирно к народам по соседству с их землей и общаются с ними около месяца и возвращаются в свою землю. Если они рожают мужской пол, то убивают его, если женский, то оставляли и таким образом

они поддерживали свое положение. Соседний с ними народ ерос (Hros/Hrus), мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей. Дальше на восток, у северных краев, есть еще три черных народа» (Пигулевская 2011: 595). Местонахождение амазонок, как указывает Н.В. Пигулевская, обычно приурочивается к южнорусским степям (Пигулевская 2011: 387).

Относительно формы, в которой имя русов зафиксировано у Псевдо-Захарии, А.П. Дьяконов писал: «Названия варварских народов, звучавшие для сирийцев так же непривычно, как и для греков, и произносившиеся по-разному, имели у сирийских авторов такую же неустойчивую и причудливую орфографию, как и у византийских. В этом нетрудно убедиться, сравнивая список Псевдо-Захарии с соответствующими названиями народов у Приска, Прокопия, Менандра и других. В данном случае дело сводится к тому, что передаваемое как “h” придыхание при “r” ставится не после этой буквы, как обычно в сирийском письме, а впереди. Здесь возможна также простая ошибка переписчика, которую нет возможности проверить, так как наш источник (в данной части) сохранился в единственной, хотя и древней (нач. VII в.) рукописи, и имя hros встречается здесь только один раз. Не исключена возможность, что Псевдо-Захария приводит это имя в греческой форме οὐ Ρῶς и что под h в начале имени скрывается греческое οἱ (hi)» (Дьяконов 1939: 86-87).

Ученый пришел к выводу, что «имя hros или росиев (росае) носили антские племена, занимавшие северо-восточную часть той огромной территории от Дона до Тисы, которая была заселена антами и славянами» (Дьяконов 1939: 88); «они могли воспринять в свою среду готские, аланские и другие этнические элементы и образовать вместе с ними на некоторое время сложный племенной комплекс, получивший название тавро-скифов; но с течением времени “росии” ассимилировали другие элементы в отношении языка и культуры, а вместе с тем и старое название “росии” или “русии” вытеснило все другие названия (Дьяконов 1939: 89).

Очень важно следующее наблюдение А.П. Дьяконова: «Имя “росиев” или “русиев” (rusaye), которым позднейшие сирийцы XII-XIII вв. называли “русских”, действительно, было известно сирийцам не только в VI в., но еще в IV в. Весьма популярный у сирийцев автор IV в. Ефрем Сирийский (306-373), живший в Нисибине и Эдессе, в своем толковании на книгу “Бытия”, сохранившемся в рукописи VI в., пишет следующее: “Потомки сыновей Ноя... Яфет родил сыновей: Гамера, Магога, Таугарму, Мадая, Иавана, Елишу, Тобела, Машека и Тираса. Иаван стал отцом греков (yaunaye). Сыновья Иавана: Елиша, Таршиш, Кетим и Роданим. Кетим есть отец росиев (rosaye). Роданим есть отец родиев (rodaye), т.е. тех, что на острове Родосе”. Подчеркнутые слова представляют толкование Ефрема, остальное заимствовано из текста сирийской библии (пешитты). Генеалогия, конечно, вполне фантастическая, тем более, что Кетим (библ. Киттим), как и Роданим, есть множественное число – имя народа, а не лица. Но ясно, что эту генеалогия автор приводит для того, чтобы объяснить происхож-

дение не выдуманных им, а действительно тогда существовавших народов, и что “росии” были тогда столь же реальны и известны, как и греки, и родосцы. Относительно “родиев” автор считает еще нужным сделать пояснение: “те, что на острове Родосе”. Для “росиев”, как и для греков, такое пояснение оказывается излишним. Значит, эти имена были достаточно понятны. Замечательно, что именно росии не имеют в тексте библии эпонима, по которому можно бы “выдумать” имя народа, как можно было выдумать из имени Иаунае – “иаунае”, т.е. греков, или по имени Роданим – “родае”: между Кетим и “росае” нет никакого созвучия. Нет сомнения, что какая-то легендарная связь между росиями и Кетим существовала, но о ней можно только догадываться. В греческом переводе библии “70-ти”, появившемся на пять столетий раньше пешитты и хорошо известном также и в Сирии, в книге пророка Иезекииля два раза возвещается гнев божий на страшные народы севера: “на Гога и на землю Магога, князя Рос (Ῥώς), Мосоха и Тобела” (38,2), или: “на Гога, князя Рос, Мосоха и Тобела” (39,1). В данном случае имя “Рос” есть простое недоразумение переводчика: еврейское слово “roš” (князь, глава) он принял за собственное имя; но сама эта ошибка дает повод думать, что это имя уже переводчику Библии было известно как имя какого-то северного народа. Но раз это имя появилось в данной связи в древнем и авторитетном источнике, каким был перевод “70-ти”, возникла необходимость прикрепить народ Рос к одному из потомков Ноя, перечисляемых в книге “Бытия” и родственных Магогу, Мосоху и Тобелу, а таким и был, между прочим, Кетим. По всей вероятности, эту версию имел в виду и Ефрем, называя Кетима отцом “росиев”. Здесь важно отметить, что Ῥώς, как и hros у Псевдо-Захарии, определенно считается народом крайнего Севера, как и легендарные Гог и Магог. Поэтому нет никаких оснований читать у Ефрема вместо “росае” – “ромае” (римляне)» (Дьяконов 1939: 87).

Ныне Х. Станг также считает, что в упоминании Ефрема Сирина о «русых» (росайе), «очевидно, речь идет о настоящем народе, имеющем сношения с Византией в IV веке н.э.» (Станг 1999: 127).

Н.В. Пигулевская полагала, что народ Hros обитал где-то на Дону, за Азовским морем. Исследовательница считала, что Псевдо-Захарии имя «народа рос» было известно не из греческого источника, а в транскрипции, принятой в кавказских языках: «Имеются основания считать, что имя hrus (hros) могло стать известным автору приписки 555 г. от вернувшихся из гуннских пределов после 50-летнего отсутствия амидян. Гуннские народы были христианизованы клиром, пришедшим из земли Аран, о которой говорится, что она “в той же земле Армении, со [своим] языком, с народом верующим и крещеным; у них есть царек, подчиненный персидскому царю”. Возвратившиеся амидяне должны были испытать некоторое влияние кавказских языков, в частности армянского, через традиционную транскрипцию которого прошло и имя hrus (hros). Буква *vav* в сирийском тексте, не имеющем огласовки и диакритических знаков, может читаться и как *o*, и как *u*, поэтому произношение имени может быть и hrus, и hros.

Трудность для объяснения представляет то, что буква *h* в сирийском предшествует *r*. Широко известное на всех языках имя Рима, перешедшее потом для наименования Византии Roma, Ῥώμα, передается в сирийском, как Rhoma, где *h*, следующее за *R*, передает густое придыхание, которое сопровождает *P* в греческом в начале слова. Между тем в армянском языке греческое Ῥώμα транскрибируется как hroma, где густое придыхание *h* предшествует *r*. В таком написании и имя “Рус” (hrus) передано и в сирийском тексте псевдо-Захарии. Обычным для сирийской транскрипции было бы написание hrus, но, пронесенное через армянскую традицию, это имя соответственно и передано как hrus» (Пигулевская 2011: 388-389); «Таким образом, можно говорить о том, что имя “Рус” было известно еще в первой половине VI в. и относилось к рослому и мощному народу, местом жительства которого считались области, лежащие по Дону, за Азовским морем. Сирийская приписка 555 г. отражала современные ей географические представления о расположении народов, в том числе и славян. Ее автору было известно имя “Рус” в транскрипции, принятой в кавказских языках, и нет надобности искать в нем испорченное имя герулов, розоменов или роксолан. Имя “Рус” для племен, населявших южнорусские степи, оказывается засвидетельствованным еще в VI в. сирийской хроникой» (Пигулевская 2011: 389).

Б.Д. Греков, вслед за А.П. Дьяконовым, видел в «народе рос» Псевдо-Захарии славян-антов, живших к западу от Дона (Греков 1959: 301-302, 303-304, 341, 356, 561).

Г. Ловмянский признал этноним Hros у Псевдо-Захарии «первым подлинным упоминанием о руси, не вызывающим оговорки» (Ловмянский 1985: 188).

Б.А. Рыбаков помещал народ Hros в Приднепровье и относил его к славянам-антам, смешавшимся с сарматами: «Народ Рос противопоставлен кочевникам... отсутствие оружия у богатырей-руссов следует понимать не дословно, а лишь по сравнению с кочевниками, живущими, по словам автора, постоянным разбоем... Географически область народа рос должна соответствовать юго-восточной окраине антских племен, где древние венеты со времен Тацита смешивались с сарматами. Здесь, в лесостепной полосе, мы находим и Русскую землю наших летописей, и культуру пальчатых фибул, которая может помочь в географическом приурочении народа рос (рус) середины VI в.» (Рыбаков 1953: 60-62; 1982: 73-75).

М.И. Артамонов писал: «Сирийский источник знает в Восточной Европе народ “Hros” еще в VI в., т.е. задолго до появления здесь руси-порманнов. Бесспорно, что характеристика этого народа у Захария Ритора носит все признаки литературного сочинительства, питающегося сказочными образами, что самое имя этого народа, точно соответствующее греческому “рос”, библейского происхождения. Тем не менее упоминание в этом сочинении во вполне реалистическом перечне народов Восточной Европы особого народа “рос” говорит за то, что задолго до появления норманнов-руси здесь существовал народ с созвучным наименованием... Народ “рос” Захария Ритора не был славянским, но благодаря тому, что он жил в Поднепровье и даже, вероятно,

ко времени появления славян – в лесостепной полосе среднего течения Днепра, связанное с норманнами имя “русь” быстро и прочно закрепилось именно за этой областью... Кто были “росы” Среднего Поднепровья, по имени которых эта область стала называться с указанным выше видоизменением “Русской землей”, сказать трудно. Весьма вероятно, что именно этим “росам” принадлежат своеобразные серебряные вещи, которые в виде кладов находят в этой области и которые, судя по всему, попали в землю в условиях вражеского нападения в конце VII – начале VIII вв. Сюда же относится единственное в своем роде Пастерское городище в Поросье, где наряду с такими же серебряными вещами обнаружены остатки жилищ и массовый бытовой, производственный и военный материал в виде керамики, железных, в том числе земледельческих, орудий и оружия» (Артамонов 1962: 290-293).

В.В. Седов, считал, что Hros Псевдо-Захарии – это одно из сармато-аланских племен, этноним которого был усвоен поднепровскими славянами: «Племя русь, или рось, было известно в Среднем Поднепровье или на его периферии еще до прихода туда славян. Впервые этноним “рус” (hros) упоминается в сирийской хронике VI в. псевдо-Захарии Митиленского. Там говорится, что племя русь – рослый и сильный народ – обитало в первой половине VI в. севернее Азовского моря, где-то по Дону или за Доном... Очевидно, в процессе славянизации местного ираноязычного населения этническое название его было воспринято славянами» (Седов 1982: 111-113; 1999: 65; 2002а: 26-27).

Сармато-аланское племя в «народе рос» Псевдо-Захарии видел Г.В. Вернадский (Вернадский 1996: 268). Ученый обратил внимание на то, что «в пятом веке патриарх Прокл, комментируя гунно-аланское вторжение, ссылается на пророчество Иезекииля о народе “рос” (Ρῶς)» и заключил, что «народ рос» Псевдо-Захарии – это «по всей видимости, то самое племя, которое имел в виду Прокл» (Вернадский 1996: 268). Реальный сармато-аланский этноним по сходству актуализировал библейское пророчество.

Согласна с интерпретацией «росов» Псевдо-Захарии как ираноязычного народа юго-восточной Европы Е.С. Галкина (Галкина 2002: 252-257; 2006: 102-107).

По оценке О.Н. Трубачева, «созвучие этого hros или hrws и имени народа Ρῶς несколько более поздних византийско-греческих источников, приурочиваемого к смежным или тем же самым районам Северо-Восточного Причерноморья, конечно же, неслучайно... упоминание сирийским автором VI в. Захарией Ритором где-то к северу от Кавказа, близ Дона, народа рос имеет под собой довольно реальную почву» (Трубачев 2005: 152).

По мнению К.А. Максимовича, «данный этноним действительно относится к народу, жившему в Предкавказье или в Северном Причерноморье. При этом совершенно не имеет отношения к разбираемой теме вопрос о достоверности внешнего описания великанов из народа Hros, хотя в ученой литературе эти две проблемы – достоверности этнонима и достоверности этнографического описания – нередко путают. Из сказанного сле-

дует, что старое мнение о тождестве Hros с приазовской Русью (А.П. Дьяконов) отнюдь не утратило своей актуальности... очевидно, что вопрос о народе Hros/Hrus отнюдь не связан с библейской экзегезой (roš) и не сводится к проблеме фантастической длины конечностей у сказочных людей-великанов, соседствующих с мифическими амазонками» (Максимович 2006: 34-35).

Как и следовало ожидать, у сторонников отождествления народа Hros с исторической Русью, и, тем более, со славянами, нашлись и противники. И если немецкий востоковед Й. Маркварт видел в Hros герулов и прочих германцев, дошедших до Причерноморья (Marquart 1903: 353-390), в чем с ним ныне согласен Х. Станг (Станг 1999: 127), то современные российские норманисты, ничтоже сумняшеся, записывают народ Hros Псевдо-Захарии в разряд фантастических существ, по той простой причине, что вместе с вполне историческими народами, автор «Хроники» упоминает и известные с античных времен «народы-монстры» вроде карликов-амазратов, песьеглазцев, амазонок. А поскольку у Hros-«росов» естественно крупные конечности и совсем нет оружия, то значит и они не более чем мифологический пассаж и/или библейская реминисценция.

В.Я. Петрухин по этому поводу довольно витиевато пишет: «Длинные конечности указывают на хтоническую (змеиную) природу. Ср. змееногую богиню – родоначальницу скифов (Геродот IV, 9) и т.п. Автохтонистский историографический миф смыкается здесь с автохтонным первобытным. Очевидно, перед нами не исторический народ рос, а очередной народ-монстр. Недаром список продолжают три черных народа “у северных краев”: их чернота может быть интерпретирована в соответствии с распространенными космологическими и цветовыми классификациями, по которым север – страна тьмы, связанная с черным светом, Сатурном и т.п... Итак, “народ рус” сирийского источника остается за “стеной”, в царстве фантастических существ на краю ойкумены. Пассаж о фантастических народах у Захарии Ритора не удревяет русской истории» (Петрухин 2014: 105-108).

Имеется и другая интерпретация появления народа Hros в сочинении Псевдо-Захарии. Предполагается, что автор хроники под этим именем подразумевал северный народ «рос» из греческого перевода Книги Иезекииля («сын человеческий! обрати лицо твое к Гогу в земле Магог, князю Роша, Мешеха и Фувала»: Иезекииль 38:2), который, согласно библейским пророчествам, разрушит Иерусалим в конце времен (Dvornik 1949: 307-309; Дворник 2018: 371; Thulin 1981: 181-182; Бибииков 2004: 44).

Подобные аргументы едва ли можно рассматривать всерьез: никаких библейских реминисценций ни сообщение о «народе рус», ни его контекст не содержат (более того, прямо им противоречат: описание безлошадных и безоружных Hros’ов никак не соответствует агрессивным намерениям Гога), а приписывать реальным народам разные легендарные черты – норма для античной и средневековой историографии.

Допустим, сближение византийского Ρῶς с библейским roš (древнееврейск. «голова, главный») еще мож-

но списать на восприятие византийским духовенством библейского термина в качестве этнонима, обозначающего северных варваров, главой которых был Гог, что, в известной степени, было им на руку, так как способствовало нагнетанию страха у прихожан о приближении последних времен. А вот зачем сирийскому автору требовалось вставлять в описание народов Кавказа и Восточной Европы «народ», якобы заимствованный из библейского сюжета вне контекста его связи с Гогом и Магогом, непонятно.

Непонятно и другое. Амазонки, песьеглавцы и прочие мифические народы встречаются в сочинениях и куда более поздних европейских и восточных авторов, и частенько соседствуют с вполне себе исторической Русью и прочими, не менее реальными народами. Так, например, Адам Бременский в XI в. все тех же амазонок, вместе с аланами, находит на берегах Балтийского моря. А кинокефалы, то есть песьеглавцы, у него, как и у Псевдо-Захарии, живут по соседству с Русью: «Говорят, что где-то около этих берегов Балтийского моря обитают амазонки, страну которых называют ныне “Краем женщин”. Некоторые рассказывают, что они становятся беременны от глотка воды. Другие говорят, что они зачинают либо от проезжающих купцов, либо от живущих среди них пленников, либо от других чудовищ, которые там нередки; и это мы полагаем наиболее вероятным. Когда же дело доходит до родов, то дети мужского пола становятся кинокефалами, а женского – прекраснейшими женщинами. Живя все вместе, они презируют общество мужчин, и даже, если те приходят, мужественно прогоняют их от себя. Кинокефалы – это те, которые носят голову на груди. Их часто видят пленниками на Руси, и они громко лают вперемежку со словами. Там есть также те, которые зовутся аланами или альбанами, а на своем собственном языке – виссами; они – безжалостные амброны и рождаются с седыми волосами» (IV.19; Славянские хроники 2011: 105). За кинокефалами, свидетельствует историк, живут «бледные, зеленые и макробии, то есть длинные люди, которых называют гузами; и, наконец, те, которых именуют антропофагами, ибо они едят человеческое мясо» (IV.19; Славянские хроники 2011: 105), а также циклопы, имантоподы и прочие троглодиты (IV.25; Славянские хроники 2011: 108). В непосредственной близости от Руси кинокефалы помещены на Солийской карте («Карте Генриха Майнцского») конца XII – начала XIII в. (Чекин 1999: 127-129).

Как указывает Л.Р. Прозоров, «есть и более интересные случаи, когда средневековые авторы отождествляли с мифическими народами своих собственных предков: чех Козьма Пражский – с амазонками, а лангобард Павел Диакон – с людьми-псами» (Прозоров 2018: 247-248).

Следуя логике В.Я. Петрухина, если у Адама Бременского Русь берет в плен песьеглавцев, а свеоны, земля которых простирается до Рифейских гор, то есть Урала, там соседствуют с циклопами, имантоподами и троглодитами, то и свеонов и русь тоже надо записать в мифические народы. А заодно и тюркское племя гузов, ведь Адам назвал их макробиями (греч. *makrobios*, от *makros* – «большой», и *bios* – «жизнь»), тем самым причислив

к мифологическому народу древнегреческих писателей.

Как справедливо указал А.П. Дьяконов, «собственные имена народов обычно не создаются фантазией даже в легендах, а скорее являются реальной точкой отправления для создания легенд. В данном случае Псевдо-Захария говорит о стране, хотя и отдаленной от Месопотамии, но соседней с гуннскими областями, с которыми он имел все-таки некоторую связь через гуннскую миссию» (Дьяконов 1939: 84). Безусловно, различать вымышленные и реальные народы необходимо, но записывать в мифические народы народ Hros только потому, что он жил рядом с амазонками и прочими троглодитами и имел длинные конечности, нет оснований. Тем более, что даже его внешний вид имеет, на самом деле, вполне разумные объяснения.

Когда, ссылаясь на античных авторов и скандинавские саги, пишут о наличии крупных тел и, соответственно, конечностей у герулов, сомнений эти свидетельства и утверждения обычно не вызывают (Станг 1999: 121). Однако, немало аналогичных известий есть и о славянах. Согласно Прокопию Кесарийскому (конец V – середина VI в.), когда славяне и анты вступают в битву, «большинство идет на врагов пешими, имея небольшие щиты и копья в руках, панциря же никогда на себя не надевают; некоторые же не имеют [на себе] ни хитона, ни [грубого] плаща, но, приспособив только штаны, прикрывающие срамные части, так и вступают в схватку с врагами... внешностью они друг от друга ничем не отличаются, ибо все они и высоки, и очень сильны, телом же и волосами не слишком светлые и не рыжие, отнюдь не склоняются и к черноте, но все они чуть красноватые» (Свод I: 185).

Вот еще один любопытный пример. В «Истории» Феофилакта Симокатты (конец VI – первая половина VII в.) говорится о том, что в 591 г. «телохранителями императора были захвачены три человека, родом славяне, не имевшие при себе ничего железного и никакого оружия: единственной их ношей были кифары, и ничего другого они не несли. Император [принялся] расспрашивать их, какого они племени, где им выпало жить и почему они оказались в ромейских землях. Они отвечали, что по племени они славяне и живут у оконечности Западного океана; что хаган отправил послов вплоть до тамошних [племен], чтобы собрать воинские силы, и прельщал старейшин богатыми дарами. Но те, приняв дары, отказали ему в союзе, уверяя, что препятствием для них служит длительность пути, и послали к хагану их, захваченных [императором], с извинениями: ведь дорога занимает пятнадцать месяцев. А хаган, забыв о законе, [защищающем] послов, начал-де чинить им препятствия к возвращению. Они же, наслышанные, что племя ромеев, если дозволено так сказать, очень славится богатством и человеколюбием, ушли во Фракию, обманув в подходящий момент [хагана]. А кифары они, мол, несут потому, что не обучены носить на теле оружие: ведь их страна не знает железа, что делает их жизнь мирной и невозмутимой; они играют на лирах, не знакомые с пением труб. Ведь тем, кто о войне и не слыхивал, естественно, как они говорили,

заниматься безыскусными мусическими упражнениями. Автократор, [услышав] все сказанное, восхитился их племенем и, удостоив самих попавших к нему варваров гостеприимства и подивившись размерам их тел и огромности членов, переправил в Ираклию» (Свод II: 14-17). Практически тоже самое в «Хронографии» сообщает и Феофан Исповедник (ок. 760 – ок. 818)².

В сообщениях Прокопия Кесарийского и Феофилакта Симократы о славянах налицо совпадение с тем, как описал внешний вид народа Hros Псевдо-Захария, если не полное, то близкое к нему.

Остается разобраться с конями. Представление о том, что где-то в северных степях живут люди высокого роста, которых не могут носить кони, отразилось и в ряде более поздних мусульманских источников: в анонимной рукописи Британской Библиотеки Адд. 5928 (прибл. 685 г.; предположительно, автор этой рукописи – ал-Хасан ал-Басри) говорится «о том, что жители некой страны С-д-рха (видимо, от Самарканда) – великаны, с такими длинными языками (!), что никто их никогда не видел верхом» (Станг 1999: 128); в рукописи безымянного араба-мориска (содержание которой восходит к Ибн Ан'ум, VIII в.) говорится, что «жители Хорасана – великаны с такими длинными копьями, что никто их никогда не видел верхом» (Станг 1999: 128).

Большинство историков, разбирая свидетельство сирийского анонима, вероятно, представляют коней, не способных нести на себе «росов» эдакими современными ахалтекинцами и другими породами современных спортивных лошадей, высота в холке которых колеблется от 165 до 175 см. (встречаются особи, достигающие и 190 см в холке). Реальности того времени были несколько иными. В.Б. Ковалевская, в частности, пишет: «Древние лесные лошади Восточной Европы, использовавшиеся в качестве мясомолочного скота, в холке в среднем не превышали 115-118 см; ненамного выше были до римского завоевания лошади Германии и Британии – они имели рост 120-125 см; славянские кони достигали в среднем 122,5 см. В Риме, куда доставлялись лучшие лошади Запада и Востока, средний рост кавалерийского коня составлял всего 136-140 см и только для состязаний в цирке применялись самые крупные кони, доходящие до 150 см. Античные авторы считали мелкими коней сигиннов (Геродот), гетов и иллириков (Оппиан), венетов (Страбон) и всегда подчеркивали крупный рост несейских, а позднее парфянских и персидских коней. На этом фоне большой интерес представляет высокий рост коней из евразийских степей, составлявший в среднем 139 см (для коней поздне-срубных и андроновских памятников). Отдельные кони в Причерноморье и на Алтае превышали даже 150 см: из Деревки (150 см), Луки Врублевецкой (153 см), Пазырыка (152 см), Шибе (152 см), Неаполя Скифского (154 см)» (Ковалевская 1977: 133).

2 «На другой день были схвачены ромеями три мужа, славяне родом, совершенно ничем железным не пользующиеся и несущие только кифары... А кифары они несут, поскольку не умеют пользоваться каким-либо оружием, так как страна их не знает железа. Автократор же, подивившись их здоровью и величине их тела, похвалив, отослал их в Ираклию» (Свод II: 248-324).

Не сильно ситуация изменилась и в раннем средневековье. В массе своей лошади кочевников южнорусских степей, славянских племен лесной и лесостепной зоны, по своим размерам были близки к дикому тарпану или гибридной форме, получившейся в результате скрещивания домашней лошади с тарпаном. В работе, посвященной лошадям из Рюрикова городища, авторы пишут: «Небольшие размеры черепов раннесредневековых лошадей из Рюрикова городища дают и соответственно невысокий рост в холке, рассчитанный по коэффициентам Неринга и Кизевальтера – в среднем 140.5-143.5 см – по современной классификации конских пород это размерный класс “пони”; группа среднерослых лошадей по В.О. Витту. Рассчитанные по литературным данным размеры средневековых лошадей также попадают в класс “пони”. Возможно, что использование для расчетов метаподиальных костей дало бы еще более мелкие размеры... Морфометрическими исследованиями установлено, что городищенские лошади были грубой конституции, некрупные (размерный класс “пони”), не были элитными, т.е. принадлежали к “рядовому” составу. По морфологии они оказались сходны с современными аборигенными (примитивными) породами» (Спасская, Саблин, Михайлов 2011: 52-63). Безусловно, и у кочевников и у оседлых племен имелись лошади и более крупных размеров, выше 145 см, что сблизало их с арабскими скакунами, высота в холке которых достигала 146-150 см. Но вряд ли эти кони делали «погоду».

Геродот писал о жившем к северу от Дуная народе сигиннов: «Об одной только народности за Истром я могу получить сведения: эта народность – сигинны. Одеваются они в мидийскую одежду. Кони у сигиннов, как говорят, покрыты по всему телу косматой шерстью в 5 пальцев длины. [Кони эти] маленькие, низкорослые и слишком слабосильные, чтобы возить на себе человека. Запряженные же в повозку, они бегут очень резво. Поэтому люди в этой стране ездят на колесницах» (Hist. V.9; Геродот 1972: 240).

Возвращаясь к народу Hros: так может причина того, что этих рослых людей не могли носить кони, не в мифологичности сюжета, а в малых размерах самих коней?

Интересно, что впоследствии Ибн Русте³ и Лев Диакон⁴ тоже говорят об отсутствии у русов конницы. Видимо, по каким-то причинам об этом народе существовал подобный устойчивый стереотип.

Вероятно, отголоски тех же сведений, которые имеются у Псевдо-Захарии, нашли отражение в труде персидского историка Абу Ханифа ад-Динавари (ок. 815 – ок. 895) «Книга долгих рассказов». Повествуя о походах Александра Македонского, персидский энциклопедист

3 Русы «смелы в нападениях. Но смелости этой на коне не обнаруживают: все свои набеги и походы производят они на кораблях» (Заходер 1967: 97).

4 Русы «сражаются в пешем строю; они не привыкли воевать на конях и не упражняются в этом деле» (История. VIII.4; Лев Диакон 1988: 70), они «сражаются в пешем строю и вовсе не умеют ездить верхом» (История. VIII.10; Лев Диакон 1988: 74) и даже не умеют «управлять лошадьми при помощи поводов» (История. IX.1; Лев Диакон 1988: 75). При этом археологический материал показывает, что русы X в. имели конницу (Кирпичников 1973: 5, 25).

утверждает, что после завершения строительства стены против Гога и Магога, Александр пришел к некому «красному народу», имеющему красные (или рыжие) волосы. Мужчины и женщины этого народа жили отдельно, кроме трех дней в году. В течение этих дней, те, кто хотел жениться, сходились в пары. Потом, если в результате этой связи рождался мальчик, женщины отдавали его отцу, если девочка, оставляли себе (Nöldeke 1890: 41; Marquart 1903: 360; Станг 1999: 128-129).

Скорее всего, «красный народ» ад-Динавари появился как осмысление того же имени, которое Псевдо-Захария передал как Hros/Hrus, через греческое ρουσιοι («красные»). Если так, то в греческом (или персидском) протографе «Александрии» ад-Динавари речь шла о русах, упоминаемых в паре с амазонками, с той разницей, что у Псевдо-Захарии русы и амазонки разделены, а в «Александрии» они представлены как один народ, где женщины и мужчины живут отдельно.

Х. Станг привел ряд параллелей к известию «Александрии» ад-Динавари: в анонимной рукописи Британской Библиотеки Адд. 5928 «описываются соседи амазонок как голубоглазые, весьма волосатые, отважные и чрезвычайно высокие», «амазонки свидетельствуют о том, что их мужчины – мореплаватели, храбры, жестоки», «говорится, что амазонки очень высоки ростом, с тяжелым телосложением, черты их лиц красные, русые и синие» (Станг 1999: 128); в рукописи безымянного араба-арагонца (без датировки) говорится, что «после окончания строительства Вала, Александр Македонский покидает Гог-Магог и встречает “народ красного цвета с красными волосами, где мужчины и женщины проживают обособленно друг от друга”, а потом в связи с Ферганой и Самаркандом встречают еще один “народ с (крупными) телами, красивый”» (Станг 1999: 128); рукопись так называемого Нихаяту л-Араб (безымянная, без датировки) повествует, как «в стране славян “в Океане” Александр Македонский встречается “с народом с красными лицами и рыжими волосами, имеющим (крупные) тела и крепость телосложения”. Их король впоследствии верно служит и помогает Александру» (Станг 1999: 128); Ал-Ша’би (прибл. 700 г.) рассказывает, что «в районе Гог-Магога Александр Македонский видит “народ с красными волосами и синими очами”» (Станг 1999: 128).

Существует гипотеза, согласно которой известие Псевдо-Захарии восходит непосредственно к одному из вариантов персидской «Александрии» (Czeglédy 1963: 337-338), а форма Hrus является отражением персидского *hrōs, передающего, в свою очередь, греческое ῥως. Принимая ее, В.С. Кулешов пишет: «Вопрос, который имеет действительно важное значение... – это появление ῥως в традиции об Александре, именно в позднеантичное время пополнившейся сведениями о Восточной Европе» (Кулешов 2009: 443). Таким образом, даже если рассматривать известие о народе Hros в литературном контексте, принципиальный вопрос о появлении данного этнонима в источниках ранневизантийского и сасанидского времени сохраняет актуальность.

Следы представлений, аналогичных имеющимся в «Александрии» ад-Динавари, обнаруживаются у Иси-

дора Севильского (ок. 565 – 636): «В “Этимологиях” испано-готского епископа Исидора соседями амазонок являются так наз. “белые”, отождествляемые с народом Албании (Albani). Далее следует непосредственное упоминание о гуннах и о нашествии диких племен на Ближний Восток через укрепления, построенные против них Александром Македонским... Видимо, Исидор знал о предании, согласно которому соседи амазонок определяются как “русые, белокурые”, а для того, чтобы показаться более ученым, он делает заключение о том, что имеются в виду классические албаны, некогда обитатели Северного Кавказа» (Станг 1999: 124).

М.Я. Сюзюмов обоснованно считал, что изначально греки называли русов ῥοῦσιος – «красные». Несклоняемая форма ῥῶς, нашедшая отражение в византийских церковных и светских официальных документах, по его мнению, восходит не к живому греческому языку IX-X вв., а к эсхатологическим легендам о библейском «народе Рос» (ῥῶς) из пророчества Иезекииля (Сюзюмов 1940: 121-123). Аналогично мнению Х. Станга: «Два интересующих нас византийских термина: “Рус-“ (“русый, красноватый”) и “Рос”, отраженные в вариациях терминологии “Русь, русский” и “Россия, российский”: “рус-“ использовалось как чисто техническое цветообозначение, а “Рос” фигурирует в греческом тексте Ветхого Завета (книга пророка Иезекииля)» (Станг 1999: 120); «Господствующие донныне переводы ибн-Фадлана, ибн-Русте, ибн-Хаукаля и других авторов о “русских”, во многих случаях ошибочны. Дословно речь нередко идет о “русых” (по-арабски ар-Русия, от греческого ἡοῖ ρουσιοῖ)» (Станг 1999: 130).

Интересно в этой связи, что в рассказе «Хронографии» Феофана Исповедника о кампании Константина V (741-775) против болгар в 774 г. упоминается особая флотилия из ρουσιᾶ χελανδία (Чичуров 1980: 46). Эти ρουσιᾶ χελανδία с равной вероятностью могут интерпретироваться и как «росские хеландии» (Феофан 1884: 327; Мишулин 1941: 280; Вернадский 1996: 287-288; Мавродин 1949: 18-19) и как «красные (или пурпурные) хеландии» (Чичуров 1980: 69, 143-144; Бибииков 2004: 44), что вызвало в историографии дискуссию о правильном понимании этого места. Учитывая краткость известия и отсутствие параллельных материалов, вопрос, видимо, неразрешим, но показательна сама двойственность: «русские»/«красные».

По словам Г.В. Вернадского, «латинский переводчик хроники Феофана, библиотекарь папы Анастасий, который писал в конце девятого века, перевел греческое слово ρουσιᾶ не как “русские”, а как “красные” (rubea). Мы можем вспомнить, что, согласно русским эпическим поэмам (былинам), красный был типичным цветом русских боевых кораблей. Таким образом, вполне может быть, что “русские корабли” были охарактеризованы как “красные корабли”. Что касается возможности присутствия русских кораблей или моряков в византийском флоте в 773 г., то ее не следует отмечать без надлежащего изучения проблемы... Следует принять во внимание, что в более поздний период, то есть в десятом веке, у нас есть точные свидетельства о русских моряках, находившихся на византийской службе. Согласно книге

Константина Багрянородного «О церемониях», семьсот русских приняли участие в походе на Крит в 903 г., семь русских кораблей присоединились к византийскому флоту также в походе на Италию в 935 г. Говоря о русских моряках на службе империи, Константин Багрянородный ведет об этом речь, как о само собой разумеющемся, так что в этом не было для него чего-то нового или необычного. Поэтому мы можем предположить, что такая практика началась значительно раньше. Ничто не противоречит гипотезе, что первый случай сотрудничества русских моряков с Византией имел место в 773 г.» (Вернадский 1996: 287-288). И.С. Чичуров и М.В. Бибииков настаивают на чтении «красные хеландии», но никаких аргументов не приводят.

«Библеизированные» греческие формы Ῥῶς/Ῥῶς, на которые ориентировались русские книжники, в свою очередь, могли повлиять на древнерусскую традицию, способствуя утверждению имени народа и страны в книжной форме «Русь», которая заслонила более древние варианты самоназвания. Опираясь на представленные в немецких латиноязычных источниках (в частности, в «Баварском географе») формы с парным согласным (*Ruzzi, Rusci*), свободные от греческого посредства и связанные с непосредственными контактами германцев с русами (которые при этом, из-за удвоения согласных, не могут быть отражением славянского «русь»), и сопоставив их известными по древнерусским источникам формами *русици* (Слово о Полку Игореве) и *роусци* (Ипатьевская летопись), Л.В. Милов пришел к выводу, что в живом древнерусском языке самоназвание народа звучало как *русьци* (*русьци*) (Милов 2000: 94-101).

Что касается «черных народов», живущих за «народом рос», то в связь с ними можно поставить позднейших северян. Это имя образовано по одной из характерных для славян моделей, производящей этнонимы от мест проживания: «жители страны Север». Название самой земли «Север» (Севера/Север/Северская земля/Severia; с ней же связаны такие названия как Новгород-Северский и Северский Донец), сохранявшееся вплоть до XVI-XVII вв. (Рыбаков 1974: 82, 83. Карты 12, 13, 196), видимо, восходит к иранскому **seu, sew* – ‘черный’ (в зоне расселения северян есть несколько гидронимов, образованных от того же апеллятива – реки Сев, Сава и т.д.: Топоров, Трубачев 1962: 226) (Седов 1995: 197; 1999: 80)⁵.

Еще Геродот писал о том, что к северу от царских скифов живет некое племя, именуемое «меланхлены» (Μελαγχλαῖνοι), то есть буквально «черноодетые» (Hist. IV.20; Геродот 1972: 192). Очевидно, это греческая калька с какого-то местного иранского этнонима, так «в одной греческой надписи, найденной в Ольвии, упомянут народ савдараты, а это иранское слово по смыслу идентично греческому меланхлены» (Петрухин, Раевский 2004: 105).

Деление сармато-аланских племен на «белые» и «черные» может быть истолковано либо в контексте

⁵ Славянское название стороны света «север» представляет собой здесь просто случайную омонимию, которая, однако, могла привести к вторичному осмыслению этнонима «северяне» как «северные жители» уже на почве народной этимологии.

«цветовой символики» географического ориентирования, в рамках которой белый цвет был традиционно связан с западом, а черный – с севером (Майоров 2006: 31-36), либо в контексте социальной структуры, где белый цвет связывался с обладанием властью, а черный – с зависимостью и подчинением.

Добавим еще один важный момент. Плиний Старший (ок. 23 – 79) в «Естественной истории» перечисляет скифские племена, живущие за рекой Яксарт (Сырдарья), и среди прочих упоминает племя *Chroasai* (Естественная история. VI.50; Плиний Старший 2022). Название этого племени на основе санскрита обычно переводят как «сыроядцы». С куда большей вероятностью *Chroasai* – «хроасы» – это все те же «росы», имя которых в такой форме было записано Плинием, а в VI в. в форме *Hrws* (*Hros/Hrus*) было снова упомянуто у Псевдо-Захарии.

Рассматривая сюжет о войне Александра Македонского с русами в поэме Низами Гянджеви (ок. 1141 – ок. 1209) «Искандер-Намэ», С.П. Толстов пришел к выводу, что «учитывая ряд выступающих в рассказе Низами моментов, в частности, настойчивую связь между руссами и аланами и появление как синонима обоих этих имен загадочного имени арков... можно выдвинуть гипотезу, что руссы в рассказе Низами поставлены на место народа, упомянутого в одном из ранних источников о походах Александра и носившего имя, звучащее близко к имени Рус. Такой народ мы знаем. В непосредственном соседстве с Хорезмом, на запад от Аральского и на север от Каспийского морей, по нижней Волге и далее на запад в эпоху, близкую к Александру, античные, а еще ранее китайские источники фиксируют народ аорсов или аланов, в китайской транскрипции Яньцай» (Толстов 1947: 42).

Очень важное наблюдение сделала Е.Ч. Скржинская, отметив, что Псевдо-Захария зафиксировал процесс превращения основы *ро(к)с*, до этого входившей в составные иранские этнонимы, в самостоятельное имя: «По-видимому, первая часть названия “роксоланы” всплыла как самостоятельное этническое имя в сообщении сирийской хроники Захарии Ритора (“Псевдо-Захарии”), записавшего в середине VI в., что по соседству с амазонками, – а легенда всегда помещает их близ Мэотиды, – живет “народ ерос” (или “рос”, если откинуть дополнительный алеф в сирийской транскрипции)» (Иордан 2013: 242).

Другой автор середины VI в., гот Иордан, рассказывает о народе росомонов – *Rosomoni* (то есть буквально о «народе рос» или «людях рос»: *ros + mon* – «человек». Ср. осетинское *тојнæ* – «муж»: Абаев 1949: 172), враждовавших с готским королем Германарихом: «Вероломно же племени росомонов, которое в те времена служило ему (Германариху – М.Ж., С.Б.) в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему. Одну женщину из вышеназванного племени [росомонов], по имени Сунильду, за изменнический уход [от короля], ее мужа, король [Германарих], движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав ее к диким коням и пустив их вскачь. Братья же ее, Сар и Амми, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечом. Мучимый этой раной,

король влачил жизнь больного» (Get. 129; Иордан 2013: 86). Названные Иорданом имена росомонов *Сар* и *Аммий* иранисты В.И. Абаев и А.Н. Карсанов объясняют из сармато-аланских языков (*sar* – «глава»; *ama* – «могучий») (Абаев 1949: 153, 180-181; Карсанов 1989: 25-31)⁶.

Г.В. Вернадский полагал, что имя *росомоны* «в описании Иордана, если оно не искажено устной традицией, является другой формой произношения имени роксоланы. Изначально *рухс* могло на некоторых местных диалектах звучать как *рос*, *росс* или *русь*, в свете чего могут быть поняты источники греческого *ρως* и славянского *русь*»; росомоны «могут быть идентифицированы как роксоланы, то есть *рухс-ас*» (Вернадский 1996: 127, 147).

По мнению Б.А. Рыбакова, «в слове росомоны вторая часть соответствует осетинскому “мойне” – “муж”, “человек”. Тогда слово “росомоны” означает “русские люди”, “росы”. Следует учесть, что в эпоху, предшествующую описанным событиям, славянское население Среднего Поднепровья (в южной его части) в значительной мере было пронизано сарматскими вклиниваниями, что могло содействовать смешению славян с сарматами, начавшемуся еще во времена Тацита» (Рыбаков 1953: 95; 1982: 86).

Е.Ч. Скржинская допускала, что «быть может, роксоланов надо усматривать и в названии племени росомонов, росомонов (“Rosomonorum gens”), упомянутых Иорданом один раз в § 129» (Иордан 2013: 241-242).

В рассказе о Германарихе (Ярмерике) и Сунильде (Свавильде) у Саксона Грамматика (ок. 1150 – ок. 1220) братья-мстители именуются «геллеспонтцами» (VIII.10.7-14; Саксон Грамматик 2021: 301-304), что явно указывает на их происхождение с юго-востока Европы и связь с Русью, которая после крещения воспринималась в тесной связи с Византией. Так, по словам Адама Бременского, Киев – это «соперник Константинопольской державы, прекраснейшее украшение Греции» (II.22 (19); Славянские хроники 2011: 41)⁷.

Такая интерпретация подтверждается другими рассказами о «Геллеспонте» в труде Саксона Грамматика. Впервые «Геллеспонт» упоминается им в связи

6 И.В. Зиньковская недавно выдвинула гипотезу, согласно которой росомоны – это не народ, а придворные короля Германариха, организовавшие против него заговор (Зиньковская 2018: 353-356). Такое объяснение не может быть принято, поскольку у Иордана они четко обозначены как gens (Rosomonorum gens infida), термином, которым в «Гетике» маркируются именно народы, либо родовые общины. Также И.В. Зиньковская игнорирует проблему соотношения росомонов Иордана и «народа рос» Псевдо-Захарии.

7 Интересно, что уже у Равеннского анонима (ок. 700 г.) Дардания оказывается как бы перенесенной на юго-восток Европы в Приазовье: «В девятом часу ночи находится страна амазонок, как ее называли древние после того, как амазонки, как мы прочли, спустились с Кавказских гор. Позади нее – [непроходимый океан], а перед ней располагается обширная древняя Дардания, а за ней, или лучше сказать, – сбоку, находятся большие болота, которые называются Меотийскими (Азовское море – М.Ж., С.Б.); как рассказывают иные историографы, человек может пройти какую-то часть названных [болот] на расстояние во много миль [посуху]» (I.12; Подосинов 2002: 181); «Около той же области Меотиды находится большая страна, которая называется Дарданией. В ней различные страны прилегают к Великому морю Понтийскому (Черному – М.Ж., С.Б.)... Мы [читали], что в ней [т.е. в Дардании] находились различные страны и много городов» (IV.5; Подосинов 2002: 194).

с походом легендарного короля данов Хадинга против Хандвана «короля Геллеспонта» (I.6.10; Саксон Грамматик 2021: 45-46). Хадинг при помощи хитрости с подожженными птицами победил Хандвана, «после этого, победив сильные воинства стран Востока, он решил вернуться в Светию» (I.6.11; Саксон Грамматик 2021: 46). Город Хандвана носит имя *Duna*, что, по мнению Х. Станга, может быть интерпретировано как «Дунаборг, т.е. крепость на Дону. Предполагается, что она расположена там, где Дон впадает в Азовское море, в “Болото”... Примечательно и утверждение Саксона о том, что геллеспонтцы связаны по материнской линии со скифами» (Станг 1999: 143). Согласно другой версии, речь здесь идет о поселении на Западной Двине (Саксон Грамматик 2021: 450), но и в этом случае очевидна связь «Геллеспонта» с Восточной Европой и Русью.

Затем «город Хандвана» снова упоминается Саксоном Грамматиком уже прямо в связи с войной данов на землях Руси. Еще один легендарный король данов, Фродо I, сначала нападает на куршей («куретов»), затем на «рутенов», побеждая в морской битве их короля Трано, потом хитростью захватывает город Роталу «в Русции» (*Rusciae*), идет дальше к городу Палтиска (Полоцку) и побеждает здешнего короля Веспасия (II.1.4-7; Саксон Грамматик 2021: 60-63). После этой победы Фродо I, «желая покорить себе весь Восток направился к городу Хандвана... некогда сожженному Хадингом» и завоевал его (II.1.8; Саксон Грамматик 2021: 63).

Еще одно упоминание «Геллеспонта» у Саксона Грамматика связано с походом Регнера (Рагнара Лодброка) и снова он оказывается тесно связан с Русью. Согласно рассказу Саксона Грамматика, Регнер завоевывает «Геллеспонт» и убивает его короля Диана (IX.4.20; Саксон Грамматик 2021: 330), однако сыновья последнего, Диан и Даксон, продолжают сопротивление, получив помощь от «рутенов», будучи женаты на дочерях их короля (IX.4.21; Саксон Грамматик 2021: 330). При этом Даксон был по матери связан родством с королем скифов, которые также приходят ему на помощь, и когда Регнер хитростью побеждает войско Даксона, то страну скифов он отдает в управление своему сыну Видсерку, а «неуверенный в своих силах король рутенов, испугавшись войска Регнера, поспешил отступить» (IX.4.21; Саксон Грамматик 2021: 330). Через некоторое время Даксон заманивает Видсерка в ловушку при помощи своих людей, спрятанных «под видом торговцев», и казнит (IX.4.29-30; Саксон Грамматик 2021: 333-334). И тут, опечаленный гибелью сына, Регнер, словно «забыл», что Даксон – король «Геллеспонта», и «отправился со своим флотом в Русцию. Взяв Даксона в плен, в наказание за его поступок Регнер заковал этого человека в цепи, после чего отправил его в Утгард, где впредь тот и должен был содержаться под стражей... Проявленное Регнером милосердие заставило устыдиться рутенов и вынудило их оставить свою вражду к королю». История заканчивается тем, что Регнер вернул Даксану владения на условиях выплаты дани (IX.4.32; Саксон Грамматик 2021: 334). Понятия «геллеспонтцы» и «рутены», таким образом, оказываются взаимозаменяемыми в тексте Саксона Грамматика.

Возможно, что «самое слово *геллеспонт* здесь представляет собой будто бы ученое “улучшение”, искажение Саксоном (под влиянием классического “Геллеспонтус”) подлинного варяжского названия Эллипалта... В саге о Харальде у Снорри Азовское море описывается под именем Эллипалта. Это слово разделяется на два: греческое *ели* “болото”, повторенное по-славянски (видимо, в скандинавской передаче) *палта*, т.е. “болото”. Подобные конструкции: *taparyx* (от славянского топор, заимствованного от ирландского, плюс скандинавское *yx* “топор”), *polutasvart* (от *полюдие* + *svarf* “обход”») (Станг 1999: 143).

Как бы там ни было, в германо-скандинавском эпосе, по крайней мере в Дании, сохранились вполне явные «этноопределяющие» следы в сюжете о Сунильде (Свавильде) и ее братьях-мстителях, позволившие Саксону Грамматику отнести их к «геллеспонтцам», которых он связывает с «Востоком» и Русью, что существенно усиливает интерпретацию рассказа Иордана о росомонах как одного из древнейших упоминаний этнонима «русь».

Таким образом, имеется два независимых друг от друга и принадлежащих к разным традициям (сирийской и готской) известия VI в. о народе рус/рос, принадлежавшем, видимо, к числу сармато-аланских племен и проживавшем где-то в Северном Причерноморье.

Упоминание о «скифах-рос» встречаем в анонимной схолии к Аристотелю: «Мы, говорят, заселяем среднее пространство между арктическим поясом, близким к северному полюсу, и летним тропическим, причем скифы-русь (Σκίθας τοὺς Ῥώς) и другие гиперборейские народы живут ближе к арктическому поясу, а эфиопы, арабы и другие – к летнему» (Латышев 1890: 385). Судя по употреблению этнонима «арабы», который с началом арабских завоеваний вытесняется этнонимом «сарацины» (а сами арабы распространяются до мест обитания самих византийцев и уже не подходят как пример «крайне южного» народа наравне с эфиопами), схолия должна датироваться временем до арабской экспансии.

Учитывая рассмотренную совокупность источников, совершенно справедливым является вывод С.П. Толстова: «Если мы отправляемся от исторических свидетельств, говорящих о роксоланах, и будем двигаться дальше, то мы увидим, что нить исторической преемственности между Русью и роксоланами не прерывается ни на один век» (Толстов 1947: 54).

Приведенные факты позволяют вернуться к известиям о русах, содержащимся в трудах Абу ‘Али Мухаммада ас-Са‘алиби, Захир ад-дина Мар‘аши, Мухаммада Бал‘ами, где русы оказываются связаны с Дербентской стеной, которая рядом восточных писателей сопоставлялась с «легендой о преграде – стене в ущелье и воротах, залитых Александром железом и камнями (“Железные ворота”»)» (Калинина 2020: 179). Эти известия могут отражать ту же восходящую к сасанидскому времени раннюю традицию о русах («красном народе») к северу

от Кавказа и от «стены Александра», которая отразилась у Псевдо-Захарии и в «Александрии» ад-Динавари⁸.

Упоминания об активности русов в третьей четверти I тыс. н.э. говорят в пользу того что под этими русами «нельзя разуметь ни норманнских Ros (как это полагал Румянцев, а впоследствии Френ), ни крымских и азовских Готов, ни славянских Русских... Жилища или становища Руссов, упоминаемых в персидском изречении из Табари, во всяком случае следует искать в степи к северу от Кавказа и непосредственно возле обиталища Алан (Оссов), которые в то время вероятно простирались еще дальше. Эти так называемые Руссы занимали, может быть, все пространство к западу от Хазарии до Азовского моря, почему их называют азовскими Руссами» (Дорн 1875: 382).

В знаменитом блоке арабо-персидских известий об «острове русов» только в персидской традиции сохранились рассказы о том, как русы получили свой «остров». Анонимное персоязычное сочинение «Муджмал ат-таварих» («Собрание историй», ок. 1126 г.) повествует: «Рассказывают также, что Рус и Хазар были от одной матери и отца. Затем Рус вырос и, так как не имел места, которое ему пришлось бы по душе, написал письмо Хазару и попросил у того часть его страны, чтобы там обосноваться. Рус искал и нашел место себе. Остров не большой и не маленький, с болотистой почвой и гнилым воздухом; там он и обосновался. Место то лесистое и труднодоступное, и никогда ни один человек не достигал того места, разве что Гуштасф по приказу отца своего Лехрасфа в то время, когда Кей-Хосров его послал к хазарам и аланам, и об этом будет сказано в своем месте, если захочет Бог» (Новосельцев 1965: 401).

Только что умер Владимир Мономах, совершивший последний русский поход на Византию. Русь хорошо известна на Кавказе, но персидский автор почему-то «вспомнил» о кровном родстве русов и хазар. И не просто «вспомнил», а еще и рассказал историю о том, как Рус добыл себе «остров» и воевал за него со Славянином: «Славянин пришел к Русу, чтобы там обосноваться. Рус ему ответил, что это место тесное (для нас двоих). Такой же ответ дали Кимари и Хазар. Между ними началась ссора и сражение, и Славянин бежал и достиг того места, где ныне земля славян. Затем он сказал: “Здесь обособлюсь и им легко отомщу”» (Новосельцев 1965: 391).

Вероятно, здесь мы имеем дело с отражением какой-то древней традиции о русах, живших на юго-востоке Европы, между хазарами и славянами.

Персидский автор Мирхонд (XV в.) «возвел поселение русов на острове или на островах ко времени распределения Яфетом земли среди своих сыновей» (Заходер 1967: 80). По словам Мирхонда, «что касается до Руса, то он был человек беспощадный. После долгих странствий он пришел в окрестности Хазара и потребо-

⁸ К сожалению, Т.М. Калинина в своей недавней работе, посвященной упоминанию русов у Бал‘ами, не учла этот важный момент (Калинина 2020: 171-185). Исследовательница считает сведения Бал‘ами анахронизмом лишь на том основании, что их нет в параллельных текстах ат-Табари и Ибн ал-Асира, но не учитывает того, что они могли происходить из оригинальной персидской традиции, использованной Бал‘ами.

вал от брата юрты, чтобы поселиться, и Хазар обласкал его посланца и уступил ему некоторые из островов, которые были землею теплой и имели хороший воздух» (Вестберг 1910: 231).

По мнению Б.А. Рыбакова, легенды, передаваемые автором «Муджмал ат-таварих» и Мирхондом, возникли в хазаро-персидской среде в VIII-X вв. (Рыбаков 1953а: 134).

Д.Т. Березовец подчеркнул, что из этих легенд следует, «что хазары и русы считались генеалогически близкими народами и жили вблизи друг друга, более того, они были побратимы» (Березовец 1970: 67).

Согласно Б.Н. Заходеру, «легенда об островной территории русов имеет какое-то касательство к самым древнейшим представлениям о Восточной Европе, где библейские сказания смешались с легендами позднейших времен» (Заходер 1967: 80).

И.Г. Коновалова обратила внимание на то, что «перед нами фольклорное предание, где главными действующими лицами являются культурные герои-эпони́мы – Рус, Хазар, Славянин. О древности источников, использованных составителем “Муджмал ат-таварих” для рассказа о народах Восточной Европы, свидетельствует и упоминание в одном контексте с русами героев иранской эпической традиции... Этот “иранский” контекст рассказа об “острове русов” далеко не случаен, ибо наряду с другими источниками персоязычный аноним опирался на иранскую мифопоэтическую традицию. Последняя была необычайно популярна в государстве Саманидов, возводивших свою официальную родословную к сасанидским царям, и достигла своего наивысшего воплощения в эпической поэме Фирдоуси “Шах-наме” (начало XI в.). Ономастика, этно- и топонимика рассказа об “острове русов” в “Муджмал ат-таварих” имеют многочисленные параллели в “Шах-наме”, где, в частности, говорится о походах сасанидских царей в края аланов, а также об отношениях, которые поддерживали иранцы с восточноевропейскими народами: аланами, хазарами, славянами, русами, буртасами... Таким образом, можно сказать, что древнейший пласт сведений в составе рассказа об “острове русов” восходит к персидским источникам, опиравшимся на местную мифо-эпическую и историческую традиции» (Коновалова 2001: 176-178).

Если сопоставить тот факт, что ретроспективные упоминания русов применительно к событиям VI-VII вв. сохранились только у персидских авторов (ас-Са‘алиби, Мар‘аши, Бал‘ами) с тем, что только персидская традиция сохранила рассказы об «обретении» русами «острова» («Муджмал ат-таварих», Мирхонд), то вывод о том, что древнейший пласт соответствующей информации восходит к персидским источникам сасанидского времени, выглядит весьма вероятным.

В той или иной мере иранской этимологии имени «русь» придерживалось большое количество ученых, как тех, кто видел в русах более позднего времени славян (Артамонов 1962: 302; Седов 1982: 111-113; 1999: 50-82; 2002: 255-295), так и тех, кто видел в них скандинавов (Новосельцев 1965: 363-364; Вернадский 1996: 270-293). Все эти исследователи сходились в одном: имя «русь»

происходит от иранского корня *ruxs/roxs* в значении «свет, светлый, сияние».

О.Н. Трубочев выдвинул и в течении многих лет развивал близкую к иранской, индоарийскую версию происхождения Руси. Изучая топонимику, гидронимику и онамастику Северного Причерноморья, академик пришел к выводу, что имя «русь» восходит к индоиранскому **Roka-*, **Ruka-*, **Ruksa-***Russa-***Rossa-*, **Ruksi-*/**Russi-*/**Rusia*, в значении «светлый, белый». Носители этого имени на юге, по мнению лингвиста, первоначально были реликтами местного индоарийского населения (О.Н. Трубочев относил к индоариям приазовских и причерноморских синдов и меотов, а также тавров Крыма), постепенно смешавшегося с другими иноэтничными пришельцами в эти края, включая славян. Отголоски этого имени О.Н. Трубочев видит в народе *Hros* Псевдо-Захарии, в росомонах (*Rosomoni*)⁹ и *Rocas/Rogas*¹⁰ Иордана, а заодно и в топонимах и гидронимах с основой на **Roka-*/**Rauka* в значении «светлый, белый». К ним О.Н. Трубочев относит «название местности по Нижнему Днепру **Ruk-osta-*/**Ruk-usta-* 'светлое устье', откуда Уркуста, Рукуста, деревня в Юго-Западном Крыму... **Ruksa-tar*/**Rossa-tar-* 'белый берег', откуда *Rosso Tar*, место на западном берегу Крыма в средние века... записанные Птолемеем (II в. н.э.) и писателем уже раннего византийского времени Стефаном Византийским, – города *Κοροουσία*, *Γέρουσα*, *Ἀστέρουσία*, в нашей догреческой реконструкции – **Ko-rusia*, **Ge-rusa*, **Asta-rusia*, все – с значащим компонентом **Rusa*, **Rusia* в составе» (Трубочев 2005: 158-160). По мнению филолога, в этих, равно как и в других, приведенных им названиях, невозможно не видеть цветообозначений, имеющих, как полагал исследователь, в том числе, и пространственно-географическую ориентацию: «белая» в значении «западная сторона».

Другой, немаловажный аспект, на который обращает внимание О.Н. Трубочев: «Сходство между употреблением титула свет-малик 'свет-царь' у южных русов Ибн-Русте начала X в. и троекратным упоминанием светлых князей в договоре Руси с греками 911 года» (Трубочев 2005: 162). В этом он видит указание на глоссовое осмысление перевода «русский=светлый» (Трубочев 2005: 162). Не ускользнула от внимания академика и сохранявшаяся очень долго «традиция понимания значения Русь 'светлая сторона'» (Трубочев 2005: 158).

Рассуждая о времени появления имени «русь», О.Н. Трубочев приходит к выводу, что «на Севере, даже на русском, новгородском Севере имя Русь было распространено слабо и прижилось уже на глазах письменной истории, что уже априори, кстати, делает сомнительным попытки исконно русской этимологии Русь < Руса, Старая Руса, Неруса, русло или, скажем, русский – светлый, светловолосая», в тоже время, по его мнению, именно на юге датировка появления этого имени «имеет неуклонную тенденцию к удревнению» (Трубочев 2005: 158). «Таким образом, – пишет исследователь,

9 О.Н. Трубочев допускал, что это негерманское название («светлые люди») могло быть усвоено какой-то германской племенной группой (Трубочев 2005: 153).

10 О.Н. Трубочев помещает упомянутый Иорданом народ *Rocas/Rogas* на берега Черного моря (Трубочев 2005: 140, 159).

– Русь имеет хорошую привязку, максимально древнюю хронологию и получает осмысленную этимологию (прочтение первоначального значения) именно на Юге» (Трубачев 2005: 162). На юге как «отражение древнего индоевропейского чередования гласных в его местном, индоарийском, варианте Rok-(*rauik-), Ruks-, Ross-/Russ-» находит объяснение и «двойственность» о/у встречающаяся в написании корня рус/рос, поскольку, пишет О.Н. Трубачев, «оба варианта – на -о- и на -у- изначально представлены на юге» (Трубачев 2005: 163).

С юга на север, а не наоборот, по версии ученого, имя «русь» в форме «ruotsi» и близких к нему через посредство славян попало и к финнам, через земли которых скандинавы, связавшие с югом свою судьбу, возвращались в свою Скандинавию (Трубачев 2005: 174)¹¹. На юге, в Подонье, на территории полиэтничной СМК, О.Н. Трубачев размещал и первое «древнерусское» государство: «И хотя здесь была уже зона хазарского влияния, население всегда оставалось разноплеменным конгломератом из славян, иранцев-алан и тюрок. Есть вероятность, что именно здесь начал шириться этноним Рус, Русь, почему говорят о Донской Руси» (Трубачев 2005: 148).

Вместе с тем, соглашаясь с выводами Д.Т. Березовца, который «идентифицировал этническое имя Рус, рус как имя, охватившее значительную часть носителей салтовской культуры» (Березовец 1970: 59-74; Жих 2018: 176-245), О.Н. Трубачев, тем не менее, отказывался признавать, что «это название вначале было свойственно только какой-то группе аланского населения, жившего в западной части Северного Кавказа, возможно, вблизи Таманского полуострова» (Трубачев 2005: 153), видя в носителях этого имени «синдов, дандариев “и всех мотов”... праиндийских по своей языковой принадлежности» (Трубачев 2005: 153).

При этом, подчеркивал ученый, «название Русь органично включилось как собирательное в ряд таких же собирательных имен русского языка, в число которых входят, наряду с аппеллативной лексикой, также этнонимические обозначения: *знать, чернь, челядь, Чудь, Вель, Корсь*. Нельзя не видеть чисто славянского, славянорусского словообразовательно-морфологического облика этих образований. Примеры вроде польск. *Siewierz* (из древнего **sěverь*), центр старинного княжества к западу от Вислы, и др.-русс. *сербь* 'сербы, Сербия' начисто опровергают мнение, будто названия с конечным -ь обозначают только неславянские народы, а Русь как название славянского народа составляет среди них единственное исключение» (Трубачев 2005: 166).

Учитывая, что индоарийские и иранские диалекты весьма близки, а о специфике языков северопричерноморских народов мы знаем в силу скудости источников очень мало, не исключено, что те элементы, которые О.Н. Трубачев рассматривал как индоарийские, могут оказаться иранскими (Грантовский, Раевский 1984: 14-16; Кулланда 2016: 143-144), возможно, имеющими специфические диалектные черты. Поэтому построения О.Н. Трубачева и его индоарийские этимологии мы рассматриваем в контексте индоиранской версии начала Руси в «широком» ее понимании (более «узкое», на котором

настаивал ученый, едва ли возможно сформулировать в силу дефицита источников).

Возражения оппонентов иранской этимологии сводятся, в основном, к двум спорным моментам. Во-первых, считается, что иранское *š в древнерусском языке звучало бы как ш или ч. На этом настаивал О.Н. Трубачев, продвигая свою индоарийскую этимологию. На этом настаивают и норманисты, доводы которых сформулировал В.С. Кулешов: «Сопоставление руси с роксоланами – Ῥωξολανοί < ср.-иран. *rōxš-aryan-, где греч. Ῥωξ- передает ср.-иран. *rōxš 'светлый, блестящий' из более раннего *rauxšna- < и.-е. *leuk-sn-o- 'свет, сияние' – наталкивается на отсутствие у предполагаемой деривации *rōxš / ruxs > русь надежного словообразовательного контекста (неправдоподобно развитие слав. существительного из иран. прилагательного, встречающегося либо в сложных словах, либо в суффиксальных производных), на отсутствие в источниках намеков на идентификацию исторической руси (эпохи сложения ранней русской государственности) как 'светлой, блестящей' и, наконец, на отсутствие в славянских языках – в первую очередь, в древнерусском – пласта аланских лексических заимствований, относившихся бы ко времени не позднее конца I тыс. н.э. и демонстрировавших бы осетинский фонетический процесс *š > s, без учета которого соответствие ср.-иран. *š : др.-рус. с не может быть признано убедительным (ожидалось бы ш)» (Кулешов 2009: 454).

Эта аргументация, на наш взгляд, не выдерживает критики.

Во-первых, вопреки утверждению В.С. Кулешова, источники X в. вполне ясно указывают на связь этнонима «русь» со «светлой» цветовой семантикой (зато не содержат ни малейших ассоциаций руси с «гребцами» и «греблей», что ожидалось бы, если бы скандинавская гипотеза была верна). Лиутпранд Кремонский пишет: «Ближе к северу обитает некий народ, который греки (Greci) по внешнему виду называют русью, ρουσιός, мы же по местонахождению именуем норманнами» (Ant. V.15; ДРЗИ IV: 38. Следует отметить, что в комментариях к приведенной цитате греческое ρουσιός А.В. Назаренко переводит как «светлый»). Ал-Мас'уди утверждает, что «византийцы называют их (русов – М.Ж., С.Б.) «русийа», что означает «красные»» (ДРЗИ III: 118).

Аналогичная семантика значения этнонима «русь» предстает в русско-византийском договоре 911 г.: «в договоре Олега (1. иже послани от Олга, великого князя Русаго, и от всѣх, иже суть под рукою его, свѣтлых и великих князь... 2. ...от сущих подъ рукою наших князь свѣтлых... 3. Ко княземъ нашим свѣтлым руским...), мы видим замечательное соседство свѣтлым руским, которое еще сохраняет характер глоссового осмысления, перевода: руский = свѣтлый» (Трубачев 2005: 162).

В живом русском языке ассоциация Руси с понятиями «светлый»/«белый» сохранялась до XIX в. В словаре В.И. Даля: «Русь ж. в знач. мир, белсвет. Совсем на руси, твер. на виду, на открытом месте, на юру. Все вывела на русь, распахнула душу, все высказала» (Даль III: 1746). Выше было сказано о том, как «народ рос» Псевдо-Захарии превратился в «красный народ» у ад-Динавари.

11 Эту идею поддержал К.А. Максимович (Максимович 2006: 53-54).

Во-вторых, есть пример фонетического процесса *š > s, показывающий соответствие ср.-иран. *š : др.-рус. с – переход иранск. *xuršē* в слав. *Хърсъ-Хорс* (данная этимология древнерусского теонима была и остается наиболее правдоподобной).

Интересно, что в южнославянских житиях княгини Ольги этноним «русь» передается через *с* и *ш* одновременно: «Въ ть же день преставление святыя царицу рушьские Ольгы, прематере всехъ кнезь рушких... Обновисе въ Рушьстеи земли крестъ от Ольгы, благоверные кнегиню, матере Святославлю» (Карпов 2012: 351). То есть в славянской языковой среде могли быть разные варианты произношения, пока некоторые из них не стали, скажем так, каноническими.

Характерно, что в 2019 г., в лекции «Истоки Руси в историко-лингвистическом освещении», прочитанной В.С. Кулешовым в рамках научно-просветительского форума «Эра познания»¹², он уже называет иранскую, или среднеиранскую, алано-осетинскую этимологию, выводящую русь из *ruxs/roxs*, «хорошей», лингвистически равной версии, выводящей русь из финского *ruotsi*. Вопросы у В.С. Кулешова теперь вызывает лишь, на его взгляд, историческая необоснованность иранской версии.

Среднеперсидское и аланское *ruxs/roxs* на славянской почве закономерно позволяет получить слово «русь». Этнонимы с корнем *рухс/рохс* среди скифо-сарматских племен источниками зафиксированы¹³, из чего А.П. Новосельцев сделал вывод, что в сочинениях арабских и персидских авторов под русами в VI-VII вв. могли понимать «какой-то народ аланской (иранской) группы, который связан и со славянами, известными в то время в Закавказье и Иране, и который вместе с гуннами, болгарами и хазарами тревожил во второй половине VI в. северо-западные границы Сасанидской державы» (Новосельцев 1965: 363-364).

В пользу этого свидетельствует сообщение Ибн Русте, писавшего о том, что «аланы состоят из четырех племен, но почет и царство принадлежат у них племени, называемому *Д.хсас*» (или «*Р.хсас*») (Минорский 1963: 221). Большинство исследователей полагает, что *Д.хсас/Р.хсас* – это арабская передача иранского *Rohs-as*, т.е. «светлые асы» («светлые» в значении «благородные»), что соответствует названию роксолан (Bleichsteiner 1918: 15; Минорский 1963: 221; Hudud 1970: 445; Вернадский 1996: 268; Алемань 2003: 34, 36-37, 343).

В дополнительных известиях составленного в конце IX в. королем Альфредом (872-899) или кем-то из его окружения перевода на англосаксонский язык «Истории против язычников» Павла Орозия (ок. 385 – 420) в Подонье помещены «рохоуаски» (*rochouasco*): «Европа начинается, как уже сказано, от реки Даная (Дона – М.Ж., С.Б.), которая стекает с северной части гор Риф-

фенг (Рифейские горы – Урал – М.Ж., С.Б.), лежащих близ того гарсекга, который зовется Сармондийским (Сарматским – М.Ж., С.Б.). И эта река Данай течет оттуда на юг, на запад от алтарей Александра, в [землю] народа Рохоуасков (*рухс-асов* – «светлых асов» – М.Ж., С.Б.). Она образует то озеро, которое называется Меотедийским (Азовское море – М.Ж., С.Б.), и [течет] далее многими потоками, близ того города, который называется Феодосия, [и] на востоке впадает в море, которое называется Эвксином (Черное море – М.Ж., С.Б.)» (Матузова 1979: 23).

Вероятно, здесь говорится именно о *рухс-асах*, а не об античных роксоланах, как предполагает В.И. Матузова (Матузова 1979: 27). В оригинальном тексте Павла Орозия в соответствующем месте названы «робаски» (Oros. I.2.4; Павел Орозий 2009: 88-89). Простая описка Альфреда выглядит исключенной, поскольку наименования *robasco* и *rochouasco* отличаются слишком сильно. Видимо, мы здесь имеем дело с сознательным исправлением древнего непонятного этнонима на известный Альфреду актуальный.

Нельзя не коснуться вопроса о возможном археологическом соответствии русам середины I тыс. н.э. Первым такую попытку предпринял Б.А. Рыбаков. Ученый попытался найти материальное, археологическое, соответствие предполагаемому им славянскому племенному союзу русов и обратил внимание на то, что выделенные А.А. Спицыным «древности антов» VI-VII вв., представленные кладами, содержащими оружие и предметы убора (пальчатые и зооморфные фибулы, поясные наборы, височные кольца и т.д.) (Спицын 1928: 492-495), удивительно точно соответствуют «Русской земле в узком смысле», обрисовываемой по летописным известиям XI-XIII вв. Исходя из этого, Б.А. Рыбаков сделал вывод, что это и есть материальная культура древних русов, и предложил именовать ее не «древностями антов», а «древностями русов» (Рыбаков 1953: 23-104; 1982: 55-90).

Дальнейшее археологическое изучение Среднего Поднепровья привело к открытию синхронных «антских кладов» поселений и погребений, объединенных археологами в пеньковскую и колочинскую культуры (Седов 1982: 19-34), границы которых оказались существенно шире как ареала, в котором произошло выпадение кладов, так и летописной «Русской земли» в Среднем Поднепровье. Исходя из новых данных, В.В. Седов заключил, что если считать русов одним из антских племен, то очертить его ареал в VI в. археологически невозможно (Седов 1982: 112).

Ныне в работах археологов выпадение «антских кладов первой группы» (типа Мартыновка) во второй половине VII в. связывается с некими катастрофическими событиями в регионе Днепровского Левобережья, вызванными либо вторжением сюда новой группы славян (Гавритухин, Обломский 1996: 133, 144-147; Обломский, Родинкова 2014: 381-404; Седов 1995: 186-197; 1999: 50-52, 86; 2002: 255-256), либо нашествием степных кочевников (Комар 2005: 207-218; 2012: 141; Казанский 2013: 53-58, 74-75), после чего в регионе формируется новая культура – волынцевская, в точности соответствующая

12 Электронный ресурс: https://youtu.be/vbud_RSuXFI (Дата обращения - 12.11.2022), 10.34.

13 Известны и антропонимы с этой основой. Имя одного из аланских военачальников на службе у византийцев в XII в. было *Росмик* (Ρωσμικης). В начальной части данного антропонима, вероятно, мы имеем дело с реминисценцией основы *ρωξ*, представленной в названии роксолан (иран. **rauxšna* – «свет», «светить» > осет. *рохс/рухс* – «свет», «светлый») (Алемань 2003: 320).

географически «Русской земле в узком смысле». Соответственно, если искать соответствие носителям этнонима «русы» в славянском мире, то ими могли быть только носители волынцевской культуры (Седов 1999: 50-82; 2002: 255-295).

Точку зрения о существовании некой полиэтничной руси в Среднем Поднепровье в VI-VII вв. в свое время высказывал М.И. Артамонов, писавший: «Кто были “росы” Среднего Поднепровья, по имени которых эта область стала называться с указанным выше видоизменением “Русской землей”, сказать трудно» (Артамонов 1962: 293). Сам он полагал, что археологические памятники, принадлежавшие этим русам, указывают на то, что они вели оседлый или полуоседлый образ жизни. В материальной же культуре этих поднепровских русов, по его мнению, «обнаруживаются, с одной стороны, некоторые традиции черняховской культуры или, точнее, сарматской культуры Поднепровья периода Готского объединения, и, с другой, – элементы, роднящие ее с салтовской культурой Донца и Среднего Дона более позднего времени и до некоторой степени с культурой Дунайской Болгарии. В формах среднеднепровской культуры VI-VII вв. имеется много общего с современными ей культурами горного Крыма и Северного Кавказа, где удержалось население готского времени и где уцелели некоторые традиции сармато-аланского происхождения. По крайне ограниченному археологическим данным в настоящее время еще нельзя решить вопрос об этнической принадлежности среднеднепровской культуры VI-VII вв., но совершенно несомненно, что она не славянская, хотя некоторые элементы ее и прослеживаются в славянской культуре VIII-IX вв.; славяне, обосновавшиеся на той же территории, по-видимому, восприняли ее, ассимилировав часть местного населения» (Артамонов 1962: 293).

П.Н. Третьяков полагал, что «общность культуры, связывающая воедино население Русской земли, была результатом общности его происхождения, общности судьбы. Это были племена, расселившиеся в послечерняховский период в плодородных областях Среднего Поднепровья, что в беспокойной обстановке того времени было невозможно без какого-либо союза. И понятно, что этот союз охватывал не только группировки новоселов, но и родственное им население, оставшееся на старых местах. Границы древнейшей Русской земли включали районы Стародуба, Трубчевска, Курска, т.е. охватывали не только Среднее Поднепровье, но и Среднее Подесенье и бассейн Сейма. Вот какие соображения можно высказать относительно славянского населения древнейшей Русской земли, исходя из новых археологических данных. К сожалению, эти данные не содержат никаких определенных сведений о русах, некогда давших этой земле свое имя. Были ли русы особым племенем – славянским или неславянским, жили ли они между полянами и уличами – на эти вопросы пока нет ответа. Нам пока неизвестно, расселились ли поляне, северяне и уличи в безлюдных областях или, что более вероятно, там имелось какое-то местное население, сохранившееся от черняховского времени. Население восточных черняховских областей, вероятнее всего, было сарма-

то-аланским... И не принадлежали ли русам (далеким потомкам роксоланов, росомонов?) остатки материальной культуры аланского (салтово-маяцкого) облика из Пастырского городища и поясной набор с сарматскими по происхождению “знаками Рюриковичей” из Мартыновского клада?» (Третьяков 1968: 187; 1970: 104-110).

Е.А. Горюнов, отметив значительное сходство материалов Пастырского городища, крупного ремесленного центра в бассейне Тясмина, а также некоторых других поднепровских памятников (Канцерка, Таранов Яр и т.д.), с материалами салтово-маяцкой культуры, предлагал выделить древности типа Пастырского в ее отдельный вариант (Горюнов 1987: 3-7), однако, этому мешает хронологическая нестыковка: салтовская культура формируется в VIII в., а пастырское городище датируется VII в.

Идеи П.Н. Третьякова и Е.А. Горюнова были развиты Е.С. Галкиной, которая, указывая на вероятную связь Пастырского городища с русами, предположила генетическую преемственность между памятниками типа Пастырского и последующей салтово-маяцкой культурой (Галкина 2002: 150, 168, 219, 275-276, 280-284, 321).

Гипотеза о существовании особой «пастырской культуры» вызвала критику со стороны А.В. Комара (Комар 2007: 35-52), однако, недавно М.М. Казанский выступил с новыми аргументами в ее поддержку: «Заключения М.И. Артамонова и Е.А. Горюнова о существовании на Среднем Днепре в VII в. некоей общности, связанной по происхождению с неславянским югом и культурно родственной населению, впоследствии оформившемуся в салтово-маяцкую культуру, мне представляются вполне правомерными. Речь идет, скорее всего, о довольно гетерогенных группах, продвинувшихся на Днепр с юга (Кавказ, Крым, Дунай, черноморско-каспийские степи), его общая культура находилась в интересующий нас период в стадии формирования. Может быть этому археологическому явлению и стоит вернуть название “пастырская культура”», которая «синхронна финалу пеньковской культуры и времени возникновения славянских древностей круга Сахновка-Волынцево. Она, как бы, вклинивается между пеньковскими и сахновско-волынцевскими древностями» (Казанский 2013: 71).

Не исключено, что памятники типа Пастырского городища представляют собой материальную культуру русов середины I тыс. н.э., народа, истоки которого уходят в сармато-аланскую среду Северного Причерноморья.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев 1949 - Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1949. 604 с.
- Алемань 2003 - Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 608 с.
- Артамонов 1962 - Артамонов М.И. История хазар. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. 524 с.
- Березовец 1970 - Березовец Д.Т. Про ім'я носіїв салтівської культури // Археологія. Т. XXIV. К., 1970. С. 59-74.
- Бибииков 2004 - Бибииков М.В. BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси. Т. I. М.: Языки славянской культуры, 2004. 736 с.
- Вернадский 1996 - Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь: ЛЕАН, 1996. 448 с.
- Вестберг 1910 - Вестберг Ф. Записка Готского топарха // Византийский Временник. Т. XV. Вып. 2-3. СПб., 1910. 124 с.
- Гавритухин, Обломский 1996 - Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. 296 с.
- Галкина 2002 - Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. 428 с.
- Галкина 2006 - Галкина Е.С. Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н.э.). М.: Прометей, 2006. 548 с.
- Геродот 1972 - Геродот. История в девяти книгах / Перевод и примечания Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.
- Горюнов 1987 - Горюнов Е.А. Пеньковская и салтовская культуры в Среднем Поднепровье // Краткие сообщения Института археологии. 1987. Вып. 190. С. 3-7.
- Грантовский, Раевский 1984 - Грантовский Э.А., Раевский Д.С. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 14-16.
- Греков 1959 - Греков Б.Д. Избранные труды. Т. II. М.: Издательство АН СССР, 1959. 624 с.
- Даль I-IV - Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Третье, исправленное и значительно дополненное издание / Под редакцией И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. I-IV. М.; СПб., 1903-1909.
- Дворник 2018 - Дворник Ф. Центральная и Восточная Европа в Средние века. История возникновения славянских государств / Перевод с английского Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2018. 383 с.
- Дорн 1875 - Дорн Б.А. Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. СПб., 1875. 781 с.
- ДРЗИ III - Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. III. Восточные источники / Составители Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2009. 264 с.
- ДРЗИ IV - Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. IV. Западноевропейские источники / Составление, переводы и комментарии А.В. Назаренко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 512 с.
- Дьяконов 1939 - Дьяконов А.П. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // Вестник древней истории. 1939. № 4. С. 83-90.
- Жих 2018 - Жих М.И. Работы Дмитрия Тарасовича Березовца и проблема локализации Русского каганата // Исторический формат. 2018. № 3-4. С. 176-245.
- Заходер 1967 - Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука, 1967. 213 с.
- Зиньковская 2018 - Зиньковская И.В. Готланд Эрманариха: остроготы в Восточной Европе на рубеже древности и Средневековья. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 464 с.
- Иордан 2013 - Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Вступительная статья, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. Второе издание. СПб.: Алетей, 2013. 512 с.
- Казанский 2013 - Казанский М.М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху великого переселения народов (Раннеславянский мир. Вып. 15). М.: Институт археологии РАН, 2013. С. 45-142.
- Калинина 2020 - Калинина Т.М. Шахрибараз/Шахрийар – наместник Дербента и русы в произведении Бал'ами // Древнейшие государства Восточной Европы. 2019-2020. Дипломатические практики античности и средневековья. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2020. С. 171-185.
- Карпов 2012 - Карпов А.Ю. Княгиня Ольга. М.: Молодая гвардия, 2012. 417 с.
- Карсанов 1989 - Карсанов А.Н. Об этнической принадлежности росомонов // Имя – этнос – история. М., 1989. С. 25-31.
- Кирпичников 1973 - Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. / Свод археологических источников. Вып. Е1-36. Л.: Наука, 1973. 138 с.
- Ковалевская 1977 - Ковалевская В.Б. Конь и всадник (пути и судьбы). М.: Наука, 1977. 152 с.
- Комар 2005 - Комар А.В. Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным // Хазары. Евреи и славяне. Т. 16. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. С. 207-218.
- Комар 2007 - Комар А.В. Что такое «пастырская культура»? // Проблеми на прабългарската история и култура. Т. 4-1. София, 2007. С. 35-52.
- Комар 2012 - Комар А.В. Поляне и северяне // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. С. 128-191.
- Коновалова 2001 - Коновалова И.Г. Состав рассказа об «острове русов» в сочинениях арабо-персидских авторов X-XVI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999. Восточная и Северная Европа в средневековье. М.: Восточная литература, 2001. С. 169-189.
- Кузьмин 2003 - Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М.: Вече, 2003. 432 с.

- Кулешов 2009 - Кулешов В.С. К оценке достоверности этимологий слова русь // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб.: Издательство государственного Эрмитажа, 2009. С. 441-459.
- Кулешов 2021 - Кулешов В.С. Rōs в «Книге царей» Абū-л-Кāсима Фирдаусī // *Disablót*. Сборник статей коллег и учеников к юбилею Е.А. Мельниковой. М.: Квадрига, 2021. С. 190-194.
- Кулланда 2016 - Кулланда С.В. Скифы: язык и этногенез. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 232 с.
- Латышев 1890 - Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890. 946 с.
- Лев Диакон 1988 - Лев Диакон. История / Перевод М.М. Копыленко; статья М.Я. Сюзюмова; комментарий М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова. М.: Наука, 1988. 240 с.
- Ловмянский 1985 - Ловмянский Г. Норманны и Русь. М.: Наука, 1985. 302 с.
- Мавродин 1949 - Мавродин В.В. Очерки по истории феодальной Руси. Л.: Издательство ЛГУ, 1949. 204 с.
- Майоров 2006 - Майоров А.В. Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. 209 с.
- Максимович 2006 - Максимович К.А. Происхождение этнонима «Русь» в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // *KANISKION*: Юбилейный сборник в честь 60-летия проф. И.С. Чичурова. М.: Издательство ПСТГУ, 2006. С. 14-56.
- Матузова 1979 - Матузова В.И. Английские средневековые источники IX-XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1979. 268 с.
- Милов 2000 - Милов Л.В. Ruzzi «Баварского Географа» и так называемые «русичи» // Отечественная история. 2000. № 1. С. 94-101.
- Минорский 1963 - Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 265 с.
- Мишулин 1941 - Мишулин А.В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. // Вестник древней истории. 1941. № 1. С. 230-280.
- Новосельцев 1965 - Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 355-419.
- Обломский, Родинкова 2014 - Обломский А.М., Родинкова В.Е. Этнокультурный перелом в Поднепровье в VII в. н.э. Хронология событий // Краткие сообщения Института археологии. 2014. Вып. 235. С. 381-404.
- Павел Орозий 2009 - Павел Орозий. История против язычников. Кн. I-VII / Перевод, статьи и комментарии В.М. Тюленева. Третье издание, исправленное и дополненное. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2009. 544 с.
- Петрухин 2014 - Петрухин В.Я. Русь в IX-X веках. От призвания варягов до выбора веры. Второе издание, исправленное и дополненное. М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014. 464 с.
- Петрухин, Раевский 2004 - Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. Второе издание, переработанное и дополненное. М.: Знак, 2004. 416 с.
- Пигулевская 2011 - Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография: исследования и переводы. Второе издание, исправленное и дополненное / Составитель Н.А. Мещерская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 832 с.
- Плиний Старший 2022 - Плиний Старший. Естественная история. Книга шестая (Компиляция переведенных фрагментов). 2022 / Электронный ресурс: http://annales.info/ant_lit/plinius/06.htm (Дата обращения - 12.11.2022).
- Подосинов 2002 - Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002. 488 с.
- Прозоров 2018 - Прозоров Л.Р. К вопросу о «народе рос» у Псевдо-Захарии Ритора // Исторический формат. 2018. № 3-4. С. 246-255.
- Рыбаков 1953 - Рыбаков Б.А. Древние русы // Советская археология. Т. XVII. М., 1953. С. 23-104.
- Рыбаков 1953а - Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // Советская археология. 1953. Вып. XVIII. С. 128-150.
- Рыбаков 1974 - Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV– начала XVI века. М.: Наука, 1974. 112 с.
- Рыбаков 1982 - Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука, 1982. 590 с.
- Саксон Грамматик 2021 - Саксон Грамматик. Деяния данов. В двух томах (шестнадцати книгах). Т. I: Книги I-X. Издание второе, стереотипное / Перевод с латинского языка и комментарии А.С. Досаева, под редакцией И.А. Настенко. М.: Русская панорама, 2021. 608 с.
- Свод I - Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М.: Восточная литература, 1994. 474 с.
- Свод II - Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. М.: Восточная литература, 1995. 592 с.
- Седов 1982 - Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982. 328 с.
- Седов 1995 - Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М.: Фонд археологии, 1995. 416 с.
- Седов 1999 - Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 320 с.
- Седов 2002 - Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 2002. 622 с.
- Седов 2002а - Седов В.В. Русы в VIII – первой половине IX века // Краткие сообщения Института археологии. 2002. Вып. 213. С. 26-38.
- Славянские хроники 2011 - Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники / Перевод с латинского И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовской; редактор-составитель И.А. Настенко. М.: Русская панорама, 2011. 584 с.
- Спасская, Саблин, Михайлов 2011 - Спасская Н.Н., Саблин М.В., Михайлов К.А. Раннесредневековые лошади второй половины IX – начала X в. на Рюриковом городище // Российская археология. 2011. № 4. С. 52-63.

- Спицын 1928 - Спицын А.А. Древности антов // Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского. Л., 1928. С. 492-495.
- Станг 1999 - Станг Х. Наименование Руси (герульская версия) // *Stratum plus*. 1999. № 5. С. 119-147.
- Сюзюмов 1940 - Сюзюмов М.Я. К вопросу о происхождении слова 'Ρῶς, 'Ρωσία, Россия // *Вестник древней истории*. 1940. № 2. С. 121-123.
- Толстов 1947 - Толстов С.П. Из предистории Руси (Палеоэтнографические этюды) // *Советская этнография*. Т. VI-VII. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1947. С. 39-59.
- Топоров, Трубачев 1962 - Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Издательство АН СССР, 1962. 270 с.
- Третьяков 1968 - Третьяков П.Н. О древнейших русах и их земле // *Славяне и Русь*. К 60-летию Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1968. С. 179-187.
- Третьяков 1970 - Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности / *Материалы и исследования по археологии СССР*. № 179. Л.: Наука, 1970. 156 с.
- Трубачев 1999 - Трубачев О.Н. *Indoarica* в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М.: Наука, 1999. 320 с.
- Трубачев 2005 - Трубачев О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. Третье издание, дополненное. М.: Наука, 2005. 286 с.
- Феофан 1884 - *Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта* / Перевод с греческого В.И. Оболенского и Ф.А. Терновского с предисловием О.М. Бодянского. М., 1884. 374 с.
- Чекин 1999 - Чекин Л.С. Картография христианского средневековья VIII-XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М.: Восточная литература, 1999. 366 с.
- Чичуров 1980 - Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1980. 216 с.
- Bleichsteiner 1918 - Bleichsteiner R. Das Volk der Alanen // *Berichte des Forschungen Institut für Osten und Orient*. № 2. Wien, 1918. S. 4-16.
- Czeglédy 1963 - Czeglédy K. Notes on some problems of the early Khazar history // *Труды XXV Международного конгресса востоковедов* (Москва, 9-16 августа 1960 г.). Т. III. М.: Издательство восточной литературы, 1963.
- Dunlop 1954 - Dunlop M. *The history of the Jewish Khazars*. New Jersey, 1954. 298 s.
- Dvornik 1949 - Dvornik F. *The Making of Central and Eastern Europe*. London, 1949. 350 s.
- Hudud 1970 - Hudud al-'Alam. *The regions of the World. A Persian Geography 372 a.h. – 982 a.d.* / Translated and explained by V. Minorsky. E.J.W. Gibb Memorial Series. New Series. Vol. XI. London, 1970.
- Marquart 1903 - Marquart J. *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts*. Leipzig, 1903. 612 s.
- Nöldeke 1890 - Nöldeke Th. *Beiträge zur geschichte des Alexanderromans*. Wien, 1890. 66 s.
- Thulin 1981 - Thulin A. 'The Southern Origin of the Name Rus'. Some Remarks // *Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance)*. Actes du colloque nordique et international de byzantinologie tenu a Upsal 20-22 avril 1979. Uppsala, 1981. S. 175-183.

REFERENCES

- Abaev 1949 - Abaev V.I. *Osetinskij yazyk i fol'klor [Ossetian language and folklore]*, Vol. I, Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1949, 604 p. [in Russian].
- Aleman' 2003 - Aleman' A. *Alany v drevnih i srednevekovyh pis'mennyh istochnikah [Alans in ancient and medieval written sources]*, Moscow, Menedzher Publ., 2003, 608 p. [in Russian].
- Artamonov 1962 - Artamonov M.I. *Istoriya hazar [The history of the Khazars]*, Leningrad, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 1962, 524 p. [in Russian].
- Berezovec' 1970 - Berezovec' D.T. *Pro im'ya nosiiv saltivs'koï kul'turi [About the name of the Saltovo culture bearers]*, in: *Arheologiya [Archaeology]*, Vol. XXIV, Kyiv, 1970, pp. 59-74 [in Ukrainian].
- Bibikov 2004 - Bibikov M.V. *BYZANTINOROSSICA: Svod vizantijskih svidetel'stv o Rusi [BYZANTINOROSSICA: A set of Byzantine testimonies about Russia]*, Vol. I, Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004, 736 p. [in Russian].
- Bleichsteiner 1918 - Bleichsteiner R. *Das Volk der Alanen [The people of the Alans]*, in: *Berichte des Forschungen Institut für Osten und Orient [Reports of the Forschungen Institut für Osten und Orient]*, № 2, Wien, 1918, pp. 4-16 [in German].
- CHekin 1999 - CHekin L.S. *Kartografiya hristianskogo srednevekov'ya VIII-XIII vv. Teksty, perevod, kommentarij [Cartography of the Christian Middle Ages of the VIII-XIII centuries. Texts, translation, commentary]*, Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1999, 366 p. [in Russian].
- CHichurov 1980 - CHichurov I.S. *Vizantijskie istoricheskie sochineniya: «Hronografiya» Feofana, «Breviarij» Nikifora. Teksty, perevod, kommentarij [Byzantine historical works: "Chronography" by Theophanes, "Breviary" by Nikephoros. Texts, translation, commentary]*, Moscow, Nauka Publ., 1980, 216 p. [in Russian].
- Czeglédy 1963 - Czeglédy K. *Notes on some problems of the early Khazar history*, in: *Trudy XXV Mezhdunarodnogo kongressa vostokovedov (Moskva, 9-16 avgusta 1960 g.) [Proceedings of the XXV International Congress of Orientalists (Moscow, August 9-16, 1960)]*, Vol. III, Moscow: Izdatel'stvo vostochnoj literatury Publ., 1963 [in English].
- Dal' I-IV - Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. Tret'e, ispravlennoe i znachitel'no dopolnennoe izdanie / Pod redakciej I.A. Boduena-de-Kurtene [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. The third, revised and significantly expanded edition / Edited by I.A. Baudouin-de-Courtenay]*, Vol. I-IV, Moscow; Saint-Petersburg, 1903-1909 [in Russian].

Dorn 1875 - Dorn B.A. Kaspij. O pohodah drevnih ruskikh v Tabaristan, s dopolnitel'nymi svedeniyami o drugih nabegah ih na pribrezh'ya Kaspijskogo morya [The Caspian Sea. About the campaigns of the ancient Russians in Tabaristan, with additional information about their other raids on the shores of the Caspian Sea], Saint-Petersburg, 1875, 781 p. [in Russian].

DRZI III - Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov: Hrestomatiya. T. III. Vostochnye istochniki / Sostaviteli T.M. Kalinina, I.G. Konovalova, V.Ya. Petruhin [Ancient Russia in the light of foreign sources. Anthology. Vol. III. Oriental sources / Compiled by T.M. Kalinina, I.G. Konovalova, V.Ya. Petrukhin], Moscow, Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2009, 264 p. [in Russian].

DRZI IV - Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov: Hrestomatiya. T. IV. Zapadnoevropejskie istochniki / Sostavlenie, perevody i kommentarii A.V. Nazarenko [Ancient Russia in the light of foreign sources: A Textbook. Vol. IV. Western European sources / Compilation, translations and comments by A.V. Nazarenko], Moscow, Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2010, 512 p. [in Russian].

Dunlop 1954 - Dunlop M. The history of the Jewish Khazars, New Jersey, 1954, 298 p. [in English].

Dvornik 1949 - Dvornik F. The Making of Central and Eastern Europe, London, 1949, 350 p. [in English].

Dvornik 2018 - Dvornik F. Central'naya i Vostochnaya Evropa v Srednie veka. Istoriya vozniknoveniya slavyanskih gosudarstv / Perevod s anglijskogo L.A. Igorevskogo [Central and Eastern Europe in the Middle Ages. The history of the Slavic states / Translated from English by L.A. Igorevsky], Moscow, Centrpoligraf Publ., 2018, 383 p. [in Russian].

D'yakonov 1939 - D'yakonov A.P. Izvestiya Psevdo-Zaharii o drevnih slavyanah [The news of Pseudo-Zachariah about the ancient Slavs], in: Vestnik drevnej istorii [Bulletin of Ancient History], 1939, № 4, pp. 83-90 [in Russian].

Feofan 1884 - Letopis' vizantijca Feofana ot Diokletiana do carej Mihaila i syna ego Feofilakta / Perevod s grecheskogo V.I. Obolenskogo i F.A. Ternovskogo s predisloviem O.M. Bodyanskogo [The Chronicle of the Byzantine Theophanes from Diocletian to the Kings Michael and his son Theophylact / Translated from the Greek by V.I. Obolensky and F.A. Ternovsky with a preface by O.M. Bodyansky], Moscow, 1884, 374 p. [in Russian].

Galkina 2002 - Galkina E.S. Tajny Russkogo kaganata [Secrets of the Russian Kaganate], Moscow, Veche Publ., 2002, 428 p. [in Russian].

Galkina 2006 - Galkina E.S. Nomady Vostochnoj Evropy: etnosy, socium, vlast' (I tys. n.e.) [Nomads of Eastern Europe: ethnic groups, society, power (I millennium AD)], Moscow, Prometej Publ., 2006, 548 p. [in Russian].

Gavrituhin, Oblomskij 1996 - Gavrituhin I.O., Oblomskij A.M. Gaponovskij klad i ego kul'turno-istoricheskij kontekst [The Gapon treasure and its cultural and historical context], Moscow, 1996, 296 p. [in Russian].

Gerodot 1972 - Gerodot. Istoriya v devyati knigah / Perevod i primechaniya G.A. Stratanovskogo [History in nine books / Translation and notes by G.A. Stratanovsky], Leningrad, Nauka Publ., 1972, 600 p. [in Russian].

Goryunov 1987 - Goryunov E.A. Pen'kovskaya i saltovskaya kul'tury v Srednem Podneprov'e [Penkovskaya and Saltovskaya cultures in the Middle Dnieper region], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Brief reports of the Institute of Archaeology], 1987, Vol. 190, pp. 3-7 [in Russian].

Grantovskij, Raevskij 1984 - Grantovskij E.A., Raevskij D.S. Ob iranoyazychnom i «indoarijskom» naselenii Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epohu [About the Iranian-speaking and "Indo-Aryan" population of the Northern Black Sea region in the ancient era], in: Etnogenez narodov Balkan i Severnogo Prichernomor'ya: Lingvistika, istoriya, arheologiya [Ethnogenesis of the peoples of the Balkans and the Northern Black Sea Region: Linguistics, History, Archaeology], Moscow, 1984, pp. 14-16 [in Russian].

Grekov 1959 - Grekov B.D. Izbrannye trudy [Selected works], Vol. II, Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1959, 624 p. [in Russian].

Hudud 1970 - Hudud al-'Alam. The regions of the World. A Persian Geography 372 a.h. – 982 a.d. / Translated and explained by V. Minorsky. E.J.W., Gibb Memorial Series, New Series, Vol. XI, London, 1970 [in English].

Iordan 2013 - Iordan. O proiskhozhdenii i deyanijah getov / Vstupitel'naya stat'ya, perevod i kommentarii E.CH. Skrzhinskij. Vtoroe izdanie [On the origin and deeds of the Geth / Introductory article, translation and comments by E.C. Skrzynska. Second edition], Saint-Petersburg, Aletejya Publ., 2013, 512 p. [in Russian].

Kalinina 2020 - Kalinina T.M. SHahribaraz/SHahrijar – namestnik Derbenta i rusy v proizvedenii Bal'ami [Shahribaraz/ Shahrijar – the governor of Derbent and the Rusians in the work of al-Bal'ami], in: Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2019-2020. Diplomatic practices of antiquity and the Middle Ages], Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ., 2020, pp. 171-185 [in Russian].

Karpov 2012 - Karpov A.YU. Knyaginya Ol'ga [Princess Olga], Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2012, 417 p. [in Russian].

Karsanov 1989 - Karsanov A.N. Ob etnicheskoj prinadlezhnosti rosomonov [About the ethnicity of the Rosomons], in: Imya – etnos – istoriya [Name – ethnicity – history], Moscow, 1989, pp. 25-31 [in Russian].

Kazanskij 2013 - Kazanskij M.M. Arheologicheskaya situaciya v Srednem Podneprov'e v VII v. [The archaeological situation in the Middle Dnieper region in the VII century], in: Problemy vzaimodejstviya naseleniya Vostochnoj Evropy v epohu velikogo pereseleniya narodov (Rannelslavjanskij mir. Vyp. 15) [Problems of interaction of the population of Eastern Europe in the era of the Great Migration of peoples (Early Slavic world. Issue 15)], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2013, pp. 45-142 [in Russian].

Kirpichnikov 1973 - Kirpichnikov A.N. Snaryazhenie vsadnika i verhovogo konya na Rusi IX-XIII vv. / Svod arheologicheskikh istochnikov. Vyp. E1-36 [Equipment of a horseman and a riding horse in Russia of the IX-XIII centuries / Code of archaeological sources. Issue E1-36], Leningrad, Nauka Publ., 1973, 138 p. [in Russian].

Komar 2005 - Komar A.V. Istoricheskie predposylki vozniknoveniya legendy o polyanskoj dani hazaram po arheologicheskim dannym [Historical background of the legend of the Polyansk tribute to the Khazars according to archaeological data], in: Hazary. Evrei i slavyane [The Khazars. Jews and Slavs], Vol. 16, Moscow, Mosty kul'tury Publ.; Ierusalim, Gesharim Publ., 2005, pp. 207-218 [in Russian].

Komar 2007 - Komar A.V. CHto takoe «pastyrskaya kul'tura»? [What is "pastyrskaya culture"?], in: Problemi na prabolgarskata istoriya i kultura [Problems of the Prabolgar history and culture], Vol. 4-1, Sofiya, 2007, pp. 35-52 [in Russian].

Komar 2012 - Komar A.V. Polyane i severjane [Polans and Severians], in: Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2010. Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [The oldest states of Eastern Europe. 2010. Prerequisites and

ways of formation of the Ancient Russian state], Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ., 2012, pp. 128-191 [in Russian].

Konovalova 2001 - Konovalova I.G. Sostav rasskaza ob «ostrove rusov» v sochineniyah arabo-persidskikh avtorov X-XVI vv. [The composition of the story about the "island of Rus" in the works of Arab-Persian authors of the X-XVI centuries], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1999. Vostochnaya i Severnaya Evropa v srednevekov'e [The oldest states of Eastern Europe. 1999. Eastern and Northern Europe in the Middle Ages], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001, pp. 169-189 [in Russian].

Kovalevskaya 1977 - Kovalevskaya V.B. Kon' i vsadnik (puti i sud'by) [Horse and Rider (paths and destinies)], Moscow, Nauka Publ., 1977, 152 p. [in Russian].

Kuleshov 2009 - Kuleshov V.S. K ocenke dostovernosti etimologij slova rus' [To assess the reliability of the etymologies of the word Rus], in: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [The Works of the State Hermitage Museum], Vol. 49, Saint-Petersburg, Izdatel'stvo gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2009, pp. 441-459 [in Russian].

Kuleshov 2021 - Kuleshov V.S. Rös v «Knige carej» Abŷ-l-Kāsima Firdausi [Rös in the "Book of Kings" by Ab-l-Kasim Firdausi], in: Dísablót. Sbornik statej kolleg i uchenikov k yubileyu E.A. Mel'nikovoj [Dísablót. Collection of articles by colleagues and students for the anniversary of E.A. Melnikova], Moscow, Kvadruga Publ., 2021, pp. 190-194 [in Russian].

Kullanda 2016 - Kullanda S.V. Skify: yazyk i etnogenez [Scythians: language and ethnogenesis], Moscow, Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2016, 232 p. [in Russian].

Kuz'min 2003 - Kuz'min A.G. Nachalo Rusi. Tajny rozhdeniya russkogo naroda [The beginning of Russia. The secrets of the birth of the Russian people], Moscow, Veche Publ., 2003, 432 p. [in Russian].

Latyshev 1890 - Latyshev V.V. Izvestiya drevnih pisatelej grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze. T. I. Grecheskie pisateli [The news of ancient Greek and Latin writers about Scythia and the Caucasus. Vol. I. Greek writers], Saint-Petersburg, 1890, 946 p. [in Russian].

Lev Diakon 1988 - Lev Diakon. Istoriya / Perevod M.M. Kopylenko; stat'ya M.YA. Syuzyumova; kommentarij M.YA. Syuzyumova, S.A. Ivanova [History / Translation by M.M. Kopylenko; article by M.Ya. Syuzyumov; commentary by M.Ya. Syuzyumov, S.A. Ivanov], Moscow, Nauka Publ., 1988, 240 p. [in Russian].

Lovmyanskij 1985 - Lovmyanskij G. Normanny i Rus' [Normans and Rus], Moscow, Nauka Publ., 1985, 302 p. [in Russian].

Majorov 2006 - Majorov A.V. Velikaya Horvatiya: Etnogenez i rannaya istoriya slavyan Prikarpat'skogo regiona [Greater Croatia: Ethnogenesis and Early History of the Slavs of the Carpathian region], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2006, 209 p. [in Russian].

Maksimovich 2006 - Maksimovich K.A. Proiskhozhdenie etnonima «Rus'» v svete istoricheskoy lingvistiki i drevnejshih pis'mennyh istochnikov [The origin of the ethnonym "Rus" in the light of historical linguistics and ancient written sources], in: KANISKION: Yubilejnyj sbornik v chest' 60-letiya prof. I.S. Chichurova [KANISKION: Anniversary collection in honor of the 60th anniversary of Prof. I.S. Chichurov], Moscow, Izdatel'stvo PSTGU Publ., 2006, pp. 14-56 [in Russian].

Marquart 1903 - Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts [Eastern European and East Asian forays. Ethnological and historical-topographical studies on the history of the 9th and 10th centuries], Leipzig, 1903, 612 p. [in German].

Matuzova 1979 - Matuzova V.I. Anglijskie srednevekovye istochniki IX-XIII vv. Teksty, perevod, kommentarij [English medieval sources of the IX-XIII centuries. Texts, translation, commentary], Moscow, Nauka Publ., 1979, 268 p. [in Russian].

Mavrodin 1949 - Mavrodin V.V. Oчерki po istorii feodal'noj Rusi [Essays on the history of feudal Russia], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1949, 204 p. [in Russian].

Milov 2000 - Milov L.V. Ruzzi «Bavarskogo Geografa» i tak nazyvaemye «rusichi» [Ruzzi of the "Bavarian Geographer" and the so-called "Rusichi"], in: Otechestvennaya istoriya [Domestic history], 2000, № 1, pp. 94-101 [in Russian].

Minorskij 1963 - Minorskij V.F. Istoriya SHirvana i Derbenda X-XI vekov [The history of Shirvan and Derbend of the X-XI centuries], Moscow, Izdatel'stvo vostochnoj literatury Publ., 1963, 265 p. [in Russian].

Mishulin 1941 - Mishulin A.V. Drevnie slavyane v otryvkah greko-rimskih i vizantijskikh pisatelej po VII v. n.e. [The ancient Slavs in the excerpts of the Greco-Roman and Byzantine writers of the VII century AD], in: Vestnik drevnej istorii [Bulletin of Ancient History], 1941, № 1, pp. 230-280 [in Russian].

Nöldeke 1890 - Nöldeke Th. Beiträge zur geschichte des Alexanderromans [Contributions to the history of the Alexander Novel], Wien, 1890, 66 p. [in German].

Novosel'cev 1965 - Novosel'cev A.P. Vostochnye istochniki o vostochnyh slavyanah i Rusi VI-IX vv. [Oriental sources about the Eastern Slavs and Russia of the VI-IX centuries], in: Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie [The Ancient Russian State and its international significance], Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 355-419 [in Russian].

Oblomskij, Rodinkova 2014 - Oblomskij A.M., Rodinkova V.E. Etnokul'turnyj perelom v Podneprov'e v VII v. n.e. Hronologiya sobytij [Ethnocultural turning point in the Dnieper region in the VII century A.D. Chronology of events], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Brief reports of the Institute of Archaeology], 2014, Vol. 235, pp. 381-404 [in Russian].

Pavel Orozij 2009 - Pavel Orozij. Istoriya protiv yazychnikov. Kn. I-VII / Perevod, stat'i i kommentarii V.M. Tyuleneva. Tret'e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe [History against the pagans. Books I-VII / Translation, articles and comments by V.M. Tyulenev. Third edition, revised and expanded], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2009, 544 p. [in Russian].

Petruhin 2014 - Petruhin V.YA. Rus' v IX-X vekah. Ot prizvaniya varyagov do vybora very. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe [Russia in the IX-X centuries. From the vocation of the Varangians to the choice of faith. Second edition, revised and expanded], Moscow, FORUM Publ.; NEOLIT Publ., 2014, 464 p. [in Russian].

Petruhin, Raevskij 2004 - Petruhin V.YA., Raevskij D.S. Oчерki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'e. Vtoroe izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe [Essays on the history of the peoples of Russia in antiquity and the Early Middle Ages. Second edition, revised and expanded], Moscow, Znak Publ., 2004, 416 p. [in Russian].

Pigulevskaya 2011 - Pigulevskaya N.V. Sirijskaya srednevekovaya istoriografiya: issledovaniya i perevody. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe / Sostavitel' N.A. Meshcherskaya [Syrian Medieval Historiography: studies and translations. The second edition, revised and supplemented / Compiled by N.A. Meshcherskaya], Saint-Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2011, 832 p. [in Russian].

- Plinij Starshij 2022 - Plinij Starshij.** Estestvennaya istoriya. Kniga shestaya (Kompilyaciya perevedennyh fragmentov) [Natural history. Book Six (Compilation of translated fragments)], 2022, Elektronnyj resurs: http://Annales.info/ant_lit/plinius/06.htm (Data obrashcheniya - 12.11.2022) [in Russian].
- Podosinov 2002 - Podosinov A.V.** Vostochnaya Evropa v rimskoj kartograficheskoj tradicii. Teksty, perevod, kommentarij [Eastern Europe in the Roman cartographic tradition. Texts, translation, commentary], Moscow, Indrik Publ., 2002, 488 p. [in Russian].
- Prozorov 2018 - Prozorov L.R.** K voprosu o «narode ros» u Psevdo-Zaharii Ritora [On the question of the "people of Ros" by Pseudo-Zachariah the Rhetorician], in: Istoricheskij format [Historical format], 2018, № 3-4, pp. 246-255 [in Russian].
- Rybakov 1953 - Rybakov B.A.** Drevnie rusy [Ancient Rus], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology], 1953, Vol. XVII, pp. 23-104 [in Russian].
- Rybakov 1953a - Rybakov B.A.** K voprosu o roli Hazarskogo kaganata v istorii Rusi [On the question of the role of the Khazar Khaganate in the history of Russia], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology], 1953, Vol. XVIII, pp. 128-150 [in Russian].
- Rybakov 1974 - Rybakov B.A.** Russkie karty Moskovii XV– nachala XVI veka [Russian maps of Muscovy XV– early XVI century], Moscow, Nauka Publ., 1974, 112 p. [in Russian].
- Rybakov 1982 - Rybakov B.A.** Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vv. [Kievan Rus and the Russian principalities of the XII-XIII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 590 p. [in Russian].
- Sakson Grammatik 2021 - Sakson Grammatik.** Deyaniya danov. V dvuh tomah (shestnadcati knigah). T. I: Knigi I-X. Izdanie vtoroe, stereotipnoe / Perevod s latinskogo yazyka i kommentarii A.S. Dosaeva, pod redakciej I.A. Nastenka [The deeds of the Danes. In two volumes (sixteen books). Volume I: Books I-X. The second edition, stereotyped / Translated from Latin and comments by A.S. Dosaev, edited by I.A. Nastenka], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2021, 608 p. [in Russian].
- Sedov 1982 - Sedov V.V.** Vostochnye slavyane v VI-XIII vv. [The Eastern Slavs in the VI-XIII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 328 p. [in Russian].
- Sedov 1995 - Sedov V.V.** Slavyane v rannem srednevekov'e [Slavs in the Early Middle Ages], Moscow, Fond arheologii Publ., 1995, 416 p. [in Russian].
- Sedov 1999 - Sedov V.V.** Drevnerusskaya narodnost'. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Ancient Russian nationality. Historical and archaeological research], Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 1999, 320 p. [in Russian].
- Sedov 1999a - Sedov V.V.** U istokov vostochnoslavjanskoj gosudarstvennosti [At the origins of the East Slavic statehood], Moscow, URSS Publ., 1999, 144 p. [in Russian].
- Sedov 2002 - Sedov V.V.** Rusy v VIII – pervoj polovine IX veka [Russ in the VIII – first half of the IX century], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Brief reports of the Institute of Archaeology], 2002, Vol. 213, pp. 26-38 [in Russian].
- Sedov 2002 - Sedov V.V.** Slavyane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical and archaeological research], Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 2002, 622 p. [in Russian].
- Slavyanskije hroniki 2011 - Adam Bremenskij, Gel'mol'd iz Bosau, Arnol'd Lyubekskij.** Slavyanskije hroniki / Perevod s latinskogo I.V. D'yakonova, L.V. Razumovskoj; redaktor-sostavitel' I.A. Nastenka [Slavic Chronicles / Translated from Latin by I.V. Dyakonov, L.V. Razumovskaya; editor-compiler I.A. Nastenka], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2011, 584 p. [in Russian].
- Spasskaya, Sablin, Mihajlov 2011 - Spasskaya N.N., Sablin M.V., Mihajlov K.A.** Rannesrednevekovye loshadi vtoroj poloviny IX – nachala X v. na Ryurikovom gorodishche [Early Medieval horses of the second half of the IX – early X century at the Rurik settlement], in: Rossijskaya arheologiya [Russian Archaeology], 2011, № 4, pp. 52-63 [in Russian].
- Spicyn 1928 - Spicyn A.A.** Drevnosti antov [Antiquities of the Ants], in: Sbornik statej v chest' akademika A.I. Sobolevskogo [Collection of articles in honor of academician A.I. Sobolevsky], Leningrad, 1928, pp. 492-495 [in Russian].
- Stang 1999 - Stang H.** Naimenovanie Rusi (gerul'skaya versiya) [The name of Russia (Herul version)], in: Stratum plus, 1999, № 5, pp. 119-147 [in Russian].
- Svod I - Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavyanah** [A set of the oldest written news about the Slavs], Vol. I, Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1994, 474 p. [in Russian].
- Svod II - Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavyanah** [A set of the oldest written news about the Slavs], Vol. II, Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1995, 592 p. [in Russian].
- Syuzumov 1940 - Syuzumov M.YA.** K voprosu o proiskhozhdenii slova 'Ρῶς, 'Ρωσία, Rossiya [On the question of the origin of the word 'Ρῶς, 'Ρωσία, Russia], in: Vestnik drevnej istorii [Bulletin of Ancient History], 1940, № 2, pp. 121-123 [in Russian].
- Thulin 1981 - Thulin A.** The Southern Origin of the Name Rus'. Some Remarks, in: Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance). Actes du colloque nordique et international de byzantinologie tenu a Upsal 20-22 avril 1979 [The Northern countries and Byzantium (Scandinavia and Byzantium). Proceedings of the Nordic and international conference on byzantinologie held at Upsal on April 20-22, 1979], Uppsala, 1981, pp. 175-183 [in English].
- Tolstov 1947 - Tolstov S.P.** Iz predistorii Rusi (Paleoetnograficheskie etyudy) [From the prehistory of Russia (Paleoethnographic studies)], in: Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography], 1947, Vol. VI-VII, pp. 39-59 [in Russian].
- Toporov, Trubachev 1962 - Toporov V.N., Trubachev O.N.** Lingvisticheskij analiz gidronimov Verhnego Podneprov'ya [Linguistic analysis of the hydronyms of the Upper Dnieper], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1962, 270 p. [in Russian].
- Tret'yakov 1968 - Tret'yakov P.N.** O drevnejshih rusah i ih zemle [About the ancient Rus and their land], in: Slavyane i Rus'. K 60-letiyu B.A. Rybakova [Slavs and Rus. To the 60th anniversary of B.A. Rybakov], Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 179-187 [in Russian].
- Tret'yakov 1970 - Tret'yakov P.N.** U istokov drevnerusskoj narodnosti / Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. № 179 [At the origins of the Ancient Russian nationality / Materials and research on the archeology of the USSR. № 179], Leningrad, Nauka Publ., 1970, 156 p. [in Russian].
- Trubachev 1999 - Trubachev O.N.** Indoarica v Severnom Prichernomor'e. Rekonstrukciya reliktovej yazyka. Etimologicheskij slovar' [Indoarica in the Northern Black Sea region. Reconstruction of language relics. Etymological dictionary], Moscow, Nauka Publ., 1999, 320 p. [in Russian].

Trubachev 2005 - Trubachev O.N. V poiskah edinstva: vzglyad filologa na problemu istokov Rusi. Tret'e izdanie, dopolnennoe [In search of unity: a philologist's view on the problem of the origins of Russia. Third edition, expanded], Moscow, Nauka Publ., 2005, 286 p. [in Russian].

Vernadskij 1996 - Vernadskij G.V. Drevnyaya Rus' [Ancient Russia], Tver, LEAN Publ., 1996, 448 p. [in Russian].

Vestberg 1910 - Vestberg F. Zapiska Gotskogo toparha [The note of the Gothic Toparch], in: Vizantijskij Vremennik [The Byzantine Collection], Vol. XV, № 2-3, Saint-Petersburg, 1910, 124 p. [in Russian].

Zahoder 1967 - Zahoder B.N. Kaspijskij svod svedenij o Vostochnoj Evrope. T. II. Bulgary, mad'yary, narody Severa, pechenegi, rusy, slavyane [The Caspian summary of information about Eastern Europe. Volume II. Bulgars, Magyars, peoples of the North, Pechenegs, Russ, Slavs], Moscow, Nauka Publ., 1967, 213 p. [in Russian].

ZHih 2018b - ZHih M.I. Raboty Dmitriya Tarasovicha Berezovca i problema lokalizacii Russkogo kaganata [Works of Dmitry Tarasovich Berezovets and the problem of localization of the Rus' Khaganate], in: Istoricheskij format [Historical format], 2018, № 3-4, pp. 176-245 [in Russian].

Zin'kovskaya 2018 - Zin'kovskaya I.V. Gotland Ermanariha: ostrogoty v Vostochnoj Evrope na rubezhe drevnosti i Srednevekov'ya [Gotland of Ermanaric: Ostrogoths in Eastern Europe at the turn of antiquity and the Middle Ages], Moscow; Saint-Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ Publ., 2018, 464 p. [in Russian].

Беззаконов Сергей Николаевич

– Независимый исследователь (Ростов-на-Дону, Россия).

Sergey Bezzakonov

– Independent Researcher (Rostov-on-Don, Russia).

bezzakonov@mail.ru

Жих Максим Иванович

– Заместитель главного редактора Международного научного журнала «Исторический формат» (Санкт-Петербург, Россия).

Maksim Zhikh

– Deputy Editor-in-Chief of International Scientific Journal «Historical Format» (Saint Petersburg, Russia).

max-mors@mail.ru

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД А.Г. КУЗЬМИНА И «ИСТОРИЯ РОССИЙСКАЯ» В.Н. ТАТИЩЕВА

И.А. Гагин

Рязанский государственный медицинский университет
Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9
e-mail: Gag.in.ig@yandex.ru
SPIN-код: 6046-8148

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается метод, который российский историк А.Г. Кузьмин использовал при написании своих научных работ. Он досконально изучил диалектику и в дальнейшем применял её принципы в исторических исследованиях. С помощью диалектического метода историк сумел защитить «Историю Российскую» В.Н. Татищева от нападок скептиков и доказать подлинность «татищевских известий».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: А.Г. Кузьмин, диалектика, «татищевские известия», В.Н. Татищев, скептики, принцип историзма.

A.G. KUZMIN'S DIALECTICAL METHOD AND V.N. TATISHCHEV'S HISTORY OF RUSSIA

Igor Gagin

Ryazan State Medical University
Russia, 390026, Ryazan, The Vysokovoltnaya Street, 9
e-mail: Gag.in.ig@yandex.ru

ABSTRACT

The article discusses the method that Russian historian A.G. Kuzmin used in writing his scientific works. He thoroughly studied dialectics and subsequently applied its principles in his historical research. With the help of the dialectical method, the historian was able to defend V.N. Tatishchev's History of Russia from the attacks of skeptics and prove the authenticity of the Tatishchev's Information.

KEYWORDS: A.G. Kuzmin, dialectics, Tatishchev's Information, V.N. Tatishchev, skeptics, principle of historicism.

Выдающийся русский историк Аполлон Григорьевич Кузьмин был одним из самых последовательных защитников труда В.Н. Татищева «История Российская». Особенно это касается тех мест в произведении первого русского историка, которые его критиками были названы «татищевскими известиями». Метод, с помощью которого А.Г. Кузьмин блистательно опроверг доводы оппонентов, называется диалектическим.

Еще в студенческие годы А.Г. Кузьмин очень серьезно увлекся философией. Будучи преподавателем Рязанского педагогического института им. С.А. Есенина, был организатором философского кружка и серьезно подумывал о дальнейшей работе на поприще философии. Именно тогда он досконально изучил диалектику, принял ее как метод и стал использовать ее принципы в исторических исследованиях.

Диалектика как концепция прошла длительный путь развития от сократовского искусства спора до учения о развитии и всеобщих связях. С развитием философии смысл термина «диалектика» обогащался. Под ним стали понимать не только мыслительный способ обнару-

жения и представления истины, критику заблуждений разума, но и противоречивую взаимосвязь, реальный процесс развития всех явлений мира.

Гегель впервые представил весь природный, исторический и духовный мир в непрерывном движении, изменении и развитии. Но его диалектика была идеалистической. Многие гегелевские положения (развитие как соединения бытия и небытия; вещь как собственное отрицание; противоречие – источник жизненности, развития явлений) нуждались в уточнениях, вызывали сомнения.

Марксистская философия ставит диалектику на материалистическую основу, всецело опускает ее в реальный мир природы и общественных отношений. Так появился диалектический материализм, который был воспринят послереволюционной Россией в образе государственной доктрины и единственно верной философской парадигмы. Но постепенно диалектика начинает превращаться в абстрактную схему, во всеобщий прием тенденциозного (в духе конфронтационности, борьбы антагонизмов) рассмотрения действительно-

сти. В большинстве своем философы бывшего СССР восприняли учение классиков марксизма догматически и авторитарно.

Диалектика, которая исторически развивалась в борьбе с догматизмом и схоластикой, сама вдруг становится орудием догматиков от диамата, которые скатывались по накатанной колее оторванного от жизни пустого теоретизирования. Это была идеологизированная «диалектика» для закрытых систем, «диалектика» закрытого мышления, вступившая в противоречие с современными представлениями о развитии.

Сразу следует оговориться, что А.Г. Кузьмин диалектику понимал совсем не так, как ее понимало большинство отечественных философов советского периода. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть главу «Методологические аспекты изучения летописей» в его книге «Начальные этапы русского летописания» (Кузьмин 1977: 5-54). Диалектика в осмыслении Кузьмина – это глубокое учение о наиболее общих закономерных связях и становлении, развитии бытия и познания, а также основанный на этом учении метод творчески познающего мышления. Таким образом, диалектическая картина мира – это особый высокоорганизованный вид знаний, их синтез путем широких философских обобщений на базе интегративных понятий, касающихся всех форм бытия, с учетом иерархии бытия и принципа историзма. Именно такая диалектика была воспринята А.Г. Кузьминым, что сделало его исследования неудобными для схоластов от диалектики, воспринимающих диалектический категориальный аппарат для отстаивания своих узких положений и доктрин в историческом исследовании. Диалектический принцип историзма позволил Кузьмину понять всю глубину творческого метода В.Н. Татищева.

Согласно принципу историзма, анализ реалий лишь с точки зрения настоящего времени, ограничен. Современность не может быть правильно осмыслена вне связи с прежними стадиями исторического процесса, иначе останутся нераскрытыми глубинные механизмы, образовавшиеся когда-то давно, но действующие сегодня и в значительной мере определяющие будущее. История общества – один из наиболее сложных типов развития, потому что включает в себя кроме объективных также субъективные факторы, что выделил Кузьмин в своих исследованиях, а это взгляды, цели, интересы людей. Это чрезвычайно усложняет поиск причинности исторических процессов, в реализации которых участвуют человеческий выбор, идеалы, воля, страсти, стремления.

По мнению А.Г. Кузьмина, расхождения в оценке «Истории Российской» В.Н. Татищева связаны, в первую очередь, с неодинаковым пониманием самими историками предмета истории. Ученый отметил, что «к XVIII в. в европейской историографии четко обозначились два направления. Одно из них, представленное так называемыми эрудитами, задачу истории сводило к собиранию и пересказу источников, иногда их изданию именно как источников. Другое направление требовало от истории не просто фактов, а смысла. Обычно это были исторические экскурсы мыслителей, политиков

и философов. Между обоими направлениями неизменно шла довольно жесткая борьба, со взаимным полным отрицанием достижений друг друга» (Кузьмин 1987: 337).

Первое направление в исторической науке будет базироваться на позитивизме, который окончательно оформился в XIX в. в осмыслении французского философа и социолога О. Конта. Для этого философского направления существенным является только факт, даже если в нем нет никакого смысла, и метод, с помощью которого этот факт находится. Оппонентом позитивизму становится философия истории, получившая законченный вид у Г.В.Ф. Гегеля в виде диалектического учения о развитии. Диалектика станет важным элементом понимания истории на основе принципа историзма и диалектического материализма. Как отмечено выше, она будет осознанно принята А.Г. Кузьминым как метод познания исторической действительности и станет для ученого базовым принципом в его изысканиях.

Глубокое изучение древнерусских летописей позволило А.Г. Кузьмину сделать выводы, благодаря которым в дискуссии между теми, кто считал «татищевские известия» выписками из недошедших до нашего времени источников и теми, кто видел в них измышление самого Татищева, встать на позицию первых. А.Г. Кузьмин становится одним из последовательнейших защитников творчества первого российского историка. Он пишет: «В практике исследований еще не изжит “шлёцеровский” подход, восходящий к работе А. Шлёцера конца XVIII – начала XIX в. “Нестор”: представление о летописании как едином “древе”. ...Летописание – это и идеология, и политика, и неизбежная борьба интересов, а это предполагает и тенденциозность летописцев, отстаивающих интересы князя, города, монастыря, и прямое уничтожение нежелательных для кого-то сведений. Яркий пример двухвекового заблуждения – третирование и даже травля первого русского историка – В.Н. Татищева» (Кузьмин 2004: 19).

А.Г. Кузьмин убежден, что в эпоху политической раздробленности Руси, – а именно этому периоду посвящена вторая редакция второго тома «Истории Российской», вокруг которой и развернулась основная полемика, – не могло быть и речи о едином летописании. Будучи постоянно на государственной службе на окраинах государства, он и «манускрипты» свои добывал именно здесь, а они имели несколько иное прочтение событий, чем в «официальных» сводах. Представление о летописании, как «едином древе» побудило Н.М. Карамзина обвинить Татищева в «фальсификациях» только по той причине, что в его «Истории» содержались сведения, которых нет в «канонических» Лаврентьевской и Ипатьевской летописях (Кузьмин 1987: 335). Исходя из этого, а также из попыток выявить метод, с помощью которого Татищев собирал и обрабатывал материал для «Истории», строится вся последующая историография дискуссии вокруг имени В.Н. Татищева.

Над «Историей Российской» Татищев работал тридцать лет. Установлено, что было как минимум три ее редакции. От текста первоначальной сохранилась лишь небольшая часть на немецком языке в виде «Предъизве-

Аполлон Григорьевич Кузьмин

щения» и 350 примечаний. Эта первоначальная редакция была подготовлена Татищевым в 1739 году. Первая редакция «Истории Российской» на древнем наречии была завершена к 1746 году, вторая писалась и обрабатывалась по 1750 год (Пештич 1961: 227). Но был еще один этап работы В.Н. Татищева над «Историей Российской», во время которого создана ее более ранняя редакция, названная В.С. Астраханским предварительной (Астраханский 1993: 11). Время написания ее текста предположительно 1726-1727 годы. Если учесть, что начало работы Татищевым над российской историей датируется 1719 годом, то и получается эта внушительная цифра в тридцать лет человеческой жизни. То есть, почти половину отмеренных ему дней Татищев занимался историей своей страны. Искал материалы, писал, переписывал, снова искал, постоянно совершенствуясь. Вот почему для написания больше всего времени ушло на первоначальную редакцию – 12 лет, на первую (I) – 6 лет, на вторую (II) – 4 года (Гагин 2008: 17).

Но при жизни Татищева «История Российская» так и не увидела свет. Первые три тома под редакцией Г.Ф. Миллера вышли в 1768-1774 гг., четвертый том появился в 1783 г., а пятый лишь в 1847-1848 гг. Можно сказать, что практически сразу появляются защитники «татищевских известий», убежденно полагавшие, что в основе их лежат уникальные материалы, которыми пользовался В.Н. Татищев. Эти известия взяты историком из несохранившихся по каким-либо обстоятельствам источников, остались известны только Татищеву и сохранились в «Истории Российской». Но одновременно явились и «скептики», то есть те, кто критически отно-

сился к труду Татищева именно из-за его «известий». Они убеждены в ином: никаких неизвестных в наши дни источников историк не имел, многое он додумал сам, основываясь на так называемых «вероятиях»; некоторые материалы сочинил, например, «Иоакимовскую летопись», на которую ссылался в «Примечаниях», во всем имея прагматическую мотивировку, связанную с его личными убеждениями.

Первые работы Кузьмина, направленные на защиту и обоснование авторской честности и компетентности Татищева, посвящены источниковедческой основе «Истории». Они появились вскоре после выхода долгожданного академического издания второго тома «Истории Российской», содержавшего первую часть второй редакции татищевского труда. Появление этого тома было необходимо еще и потому, что в 1961 году издается книга, в которой, как отметил Кузьмин, «негативное отношение нашло наиболее законченное выражение» (Кузьмин 1963: 216). Аполлон Григорьевич имел в виду исследование С.Л. Пештича «Русская историография XVIII века», на которую «ссылаются противники “засорения” исторической науки “домыслами” В.Н. Татищева» (Кузьмин 1963: 216).

Уже в ранних исследованиях Кузьмин показал свою незаурядную эрудицию в области летописания, что позволило ему найти убедительные аргументы, опровергающие точку зрения Пештича, обвинившего Татищева в фальсификаторстве и монархизме (Пештич 1961: 226). В 1965 г. в издательстве МГУ выходит знаменитая монография А.Г. Кузьмина «Рязанское летописание», в которой автор отмечает, что «для вопроса о происхождении му-

ромо-рязанского летописного материала значительный интерес представляет «История Российская» В.Н. Татищева» (Кузьмин 1965: 33). Давая оценку татищевского труда, Кузьмин вновь возвращается к полемике, критикуя позицию своего главного оппонента, что и продолжает делать постоянно в последующих работах.

«Обвинения С. Л. Пештича настолько надуманны, что их не стоило бы и опровергать, если бы они не были вдруг подхвачены группой авторов», – пишет А.Г. Кузьмин в книге, посвященной изучению начальных этапов древнерусского летописания (Кузьмин 1977: 128). Эти строки касаются второй части исследования С.Л. Пештича, в которой тезис о «фальсификациях», якобы сделанных В.Н. Татищевым, соединены с непонятным обвинением в «антисемитизме». «Под пером Пештича Татищев предстал кровожадным палачом башкирского народа и даже антисемитом (последние понятие появляется лишь в конце XIX века!)» (Кузьмин 1987: 341). Как подметил Кузьмин, вместе с Татищевым Пештич обвинил так же и тех, кто пользуется татищевскими материалами (Кузьмин 1977: 128. Прим. 253; Пештич 1965: 159).

Под группой авторов, подхвативших обвинения Пештича, А.Г. Кузьмин подразумевает Я.С. Лурье, Е.М. Добрушкина и других скептиков, продолживших линию создателя «Русской историографии XVIII века» на критику «татищевских известий» в частности, и «Истории Российской» в целом. А.Г. Кузьмин выступил против исследовательской методики указанных авторов, доказывая, что она является яркой иллюстрацией недостаточности и даже бесплодности формально-текстологического подхода. Оценка достоверности отдельного известия не должна зависеть от характеристики памятника в целом. Определяющим при этом должен быть «учет всех данных об эпохе» (Кузьмин 1987: 342). Кузьмин отметил, что указанные авторы, покусившись на определенные статьи «Истории Российской», бросают тень на подлинность ценнейших памятников русской истории. В частности, рассматривая позицию Е.М. Добрушкина и А.Л. Монгайта, А.Г. Кузьмин пишет следующее: «Последний (Е.М. Добрушкин – И.Г.) целую диссертацию (кандидатскую) посвятил доказательству недобросовестности Татищева в изложении двух статей: 1113 года (восстание в Киеве против ростовщиков и выселение иудеев из Руси) и 1185 года (поход Игоря Северского на половцев). Статья 1185 года в данном случае косвенно должна бросить тень и на «Слово о полку Игореве» (научный руководитель диссертанта – А.А. Зимин, выступивший недавно с концепцией о подложности «Слова о полку Игореве»). А.Л. Монгайт, еще недавно не критически использовавший любые известия «Истории» Татищева, затем круто переменяет фронт и, доказывая подложность Тмутараканского камня, заодно обвинил в фальсификациях и Татищева. Созданный названными авторами образ историка-фальсификатора, реакционера и вообще нечистоплотного человека нашел отражение также в популярной литературе» (Кузьмин 1987: 341).

В соответствии с таким подходом, Кузьмин обращается к рассказу Татищева о восстании 1113 г. в Киеве и последующему известию об изгнании евреев из Руси.

Он приводит свидетельства о влиянии иудаизма на общественно-политическую жизнь Киева XI в. и в результате заключает, что сообщение Татищева является вполне правдоподобным (Кузьмин 1972: 79-89).

А.Г. Кузьмин считал, что для решения вопроса о происхождении «татищевских известий» надо хорошо представлять круг и характер возможных источников, использованных Татищевым. По его глубокому убеждению, ошибка С.Л. Пештича и других скептиков проистекала из неверного понимания ими источников, лежащих в основе «Истории России», да и вообще в неверном понимании ими сущности и характера летописания (Кузьмин 1987: 341). «С.Л. Пештичу, да и всем другим названным авторам, – пишет А.Г. Кузьмин в своем фундаментальном исследовании «Татищев», – летописание представлялось единой централизованной традицией вплоть до XII века, и они не ставили даже вопроса о том, в какой мере до нас дошли летописные памятники домонгольской эпохи. Между тем летописание в таком виде в условиях децентрализации было просто невозможно. Изначально сосуществовали разные летописные традиции... Татищев же пользовался такими материалами, которые на протяжении веков сохранялись на периферии и содержали как бы неортодоксальные записи и известия» (Кузьмин 1987: 341-342).

И еще один очень важный момент выделил А.Г. Кузьмин в вопросе о подходе первого российского историка к источникам. В.Н. Татищев приходит к пониманию того, что «летописцы и сказители» «за страх некоторые весьма нужные обстоятельства настоящих времен принуждены умолчать или переменить и другим видом изобразить», а также «по страсти, любви или ненависти весьма иначе, нежели сущее делалось, описывают» (Татищев 1962: 81). Таким образом, В.Н. Татищев был далек от мысли видеть в летописцах беспристрастных и объективных повествователей. Отсюда вывод: «рассказ летописца – это еще не сама истина. Нужно искать возможности проверить описанные им события по другим данным, понять, кому он сочувствовал или, напротив, на кого пытался возвести хулу» (Кузьмин 1987: 346). Это понимание приводит к формированию методов написания «Истории Российской», среди которых наиважнейшее место занимают проверка и сличение источников, а в конечном итоге редактирование тех сюжетов, которые, по мнению историка, искажают действительную картину событий, описаны тенденциозно или ошибочно.

В очень многих своих исследованиях А.Г. Кузьмин обращался к Татищеву и постоянно давал аргументированную отповедь его хулителям и ниспровергателям. Не будет ошибкой, если его фундаментальный труд «Татищев», изданный в серии «ЖЗЛ» издательством «Молодая гвардия» в 1987 году, мы назовем самым объективным и полным сочинением, посвященным не просто биографии Татищева, но философскому осмыслению его как человека эпохи преобразований, как историка, не пожелавшего кривить душой не только перед своими современниками, но, как оказалось, и перед потомками.

ЛИТЕРАТУРА

- Астраханский 1993 - Астраханский В.С. «История Российская» В.Н. Татищева: опыт текстологических, историографических и библиографических изысканий: сборник научных статей. М., 1993. 187 с.
- Гагин 2008 - Гагин И.А. Новейшие оценки «Истории Российской» В.Н. Татищева // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 14-23.
- Кузьмин 1965 - Кузьмин А.Г. Рязанское летописание: Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М.: Наука, 1965. 286 с.
- Кузьмин 1969 - Кузьмин А.Г. Об источниковедческой основе «Истории Российской» В.Н. Татищева // Вопросы истории. 1963. № 9. С. 214-218.
- Кузьмин 1972 - Кузьмин А.Г. Статья 1113 г. в «Истории Российской» В.Н. Татищева // Вестник МГУ. 1972. № 5. С. 79-89.
- Кузьмин 1977 - Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М.: Издательство МГУ, 1977. 406 с.
- Кузьмин 1987 - Кузьмин А.Г. Татищев. М.: Молодая Гвардия, 1987. 366 с.
- Кузьмин 2004 - Кузьмин А.Г. История России с древнейших времен до 1618 г.: В 2 книгах. Кн. 1. М.: ВЛАДОС, 2004. 447 с.
- Пештич 1961 - Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч. I. Л.: Издательство ЛГУ, 1961. 276 с.
- Пештич 1965 - Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч. II. Л.: Издательство ЛГУ, 1965. 346 с.
- Татищев 1962 - Татищев В.Н. История Российская в семи томах. Т. I. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1962. 645 с.

REFERENCES

- Astrahanskij 1993 - Astrahanskij V.S. «Istoriya Rossijskaya» V.N. Tatishcheva: opyt tekstologicheskikh, istoriograficheskikh i bibliograficheskikh izyskanij: sbornik nauchnyh statej ["Russian History" by V.N. Tatishchev: the experience of textual, historiographical and bibliographic research: a collection of scientific articles], Moscow, 1993, 187 p. [in Russian].
- Gagin 2008 - Gagin I.A. Novejshie ocenki «Istorii Rossijskoj» V.N. Tatishcheva [The latest assessments of the "History of the Russian" by V.N. Tatishchev], in: Voprosy istorii [History issues], 2008, № 10, pp. 14-23 [in Russian].
- Kuz'min 1965 - Kuz'min A.G. Ryazanskoe letopisanie: Svedeniya letopisej o Ryazani i Murome do serediny XVI v. [Ryazan chronicle: Information about the annals of Ryazan and Murom until the middle of the XVI century], Moscow, Nauka Publ., 1965, 286 p. [in Russian].
- Kuz'min 1969 - Kuz'min A.G. Ob istochnikovedcheskoj osnove «Istorii Rossijskoj» V.N. Tatishcheva [On the source-based basis of V.N. Tatishchev's "History of Russia"], in: Voprosy istorii [History issues], 1963, № 9, pp. 214-218 [in Russian].
- Kuz'min 1972 - Kuz'min A.G. Stat'ya 1113 g. v «Istorii Rossijskoj» V.N. Tatishcheva [Article 1113 in the "History of Russia" by V.N. Tatishchev], in: Vestnik MGU [Bulletin of the Moscow State University], 1972, № 5, pp. 79-89 [in Russian].
- Kuz'min 1977 - Kuz'min A.G. Nachal'nye etapy drevnerusskogo letopisaniya [The initial stages of the Old Russian chronicle], Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1977, 406 p. [in Russian].
- Kuz'min 1987 - Kuz'min A.G. Tatishchev, Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1987, 366 p. [in Russian].
- Kuz'min 2004 - Kuz'min A.G. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen do 1618 g.: V 2 knigah. Kn. 1 [The history of Russia from ancient times to 1618: In 2 books. Book 1], Moscow, VLADOS Publ., 2004, 447 p. [in Russian].
- Peshtich 1961 - Peshtich S.L. Russkaya istoriografiya XVIII veka [Russian historiography of the XVIII century], Vol. I, Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1961, 276 p. [in Russian].
- Peshtich 1965 - Peshtich S.L. Russkaya istoriografiya XVIII veka [Russian historiography of the XVIII century], Vol. II, Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1965, 346 p. [in Russian].
- Tatishchev 1962 - Tatishchev V.N. Istoriya Rossijskaya v semi tomah [Russian History in seven volumes], Vol. I, Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1962, 645 p. [in Russian].

Гагин Игорь Анатольевич

– Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Рязанского государственного медицинского университета (Рязань, Россия).

Igor Gagin

– Candidate of historical sciences, associate professor of Departments of philosophy and history Ryazan state medical university (Ryazan, Russia).

igagin@mail.ru

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЯЗАНСКОМ ПООЧЬЕ В ЭПОХУ НЕОЛИТА

Д.С. Логинов

Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова
Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, 9
e-mail: dimok_star@mail.ru
SPIN-код: 4499-8831

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

Этнические процессы, имевшие место на территории Рязанского Поочья в период неолита, по сей день в достаточной степени не прояснены. Их уточнение важно не только для понимания древней истории региона, но и в целом для выяснения направлений и особенностей проникновения в европейскую Россию предков финно-угорских племён и индоевропейцев. Археологически рязанский палеолит представлен верхневолжской (VI–IV тыс. до н. э.), рязанской (конец IV – первая половина II тыс. до н. э.) и волосовской (не позднее второй половины III тыс. – вторая половина II тыс. до н. э.) культурами. Верхневолжская культура имеет корни в местном палеолите, и нет серьёзных оснований сомневаться в палеоевропейском происхождении её создателей. Население рязанской культуры входит в культурно-историческую общность ямочно-гребенчатой керамики. В свете имеющихся данных последнюю логичнее всего рассматривать как созданную населением смешанного происхождения. С одной стороны, среди его предков были верхневолжцы-палеоевропейцы, с другой, вероятно, выходцы с севера, в частности, из Карелии. С последними, возможно, связано начало бытования уральских (протосаамских) языков на территории Восточноевропейской равнины. Смешанным по происхождению было и население волосовской культуры при определяющем значении местного – палеоевропейского. Пришлые (зауральские) элементы сильнее всего затронули восточную часть волосовского ареала, в которую территория Рязанского Поочья не входит. Допуская возможность проникновения уральских элементов в население культурно-исторической общности ямочно-гребенчатой керамики и волосовского ареала, автор отмечает, что ни в одном из случаев они не были единственными, а, возможно, и определяющими.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: неолит, Рязанское Поочье, верхневолжская археологическая культура, рязанская археологическая культура, волосовская археологическая культура, культурно-историческая общность ямочно-гребенчатой керамики, Оленеостровский могильник, этногенез финно-угров.

ETHNIC PROCESSES IN THE RYAZAN REGION IN THE NEOLITHIC ERA

D.S. Loginov

Ryazan State Medical University named after Academician I.P. Pavlov
Russia, 390026, Ryazan, Vysokovoltnaya str., 9
e-mail: dimok_star@mail.ru
SPIN-код: 4499-8831

ABSTRACT

The ethnic processes that took place on the territory of the Ryazan region during the Neolithic period have not been sufficiently studied to this day. Their clarification is important not only for understanding the ancient history of the region, but also in general for elucidating the directions and peculiarities of penetration of the ancestors of the Finno-Ugric tribes and Indo-Europeans into European Russia. Archaeologically, the Ryazan Paleolithic is represented by the Upper Volga (6th – 4th millennium BC), Ryazan (late 4th – first half of the 2nd millennium BC) and Volosovo (no later than the second half of the 3rd millennium – second half of the 2nd millennium BC) cultures. The Upper Volga culture has roots in the local Paleolithic, and there is no serious reason to doubt the Paleo-European origin of its creators. The bearers of the Ryazan culture belonged to the cultural-historical community of pit-comb ceramics. In the light of the available data, the latter is most logical to consider as created by a population of mixed origin. On the one hand, among its ancestors were the Upper Volga-Paleo-Europeans, on the other hand, probably, the migrants from the north, in particular, from Karelia. The latter may be associated with the emergence of the Uralic (Proto-Sami) languages on the territory of the Eastern European Plain. The bearers of the Volosovo culture were also of mixed origin, predominantly local Paleo-European. The alien (trans-Uralic) elements most strongly affected the eastern part of the Volosovo culture area, which does not include the territory of the Ryazan region. Admitting the possibility of penetration of the Uralic

elements into the population of the cultural-historical community of the pit-comb ceramics and the Volosovo area, the author notes that in none of the cases they were the only, or perhaps even defining, elements.

KEYWORDS: Neolithic, Ryazan region, Upper Volga archaeological culture, Ryazan archaeological culture, Volosovo archaeological culture, cultural-historical community of pit-comb ceramics, Oleneostrovsky burial ground, ethnogenesis of the Finno-Ugric peoples.

Эпоха нового каменного века в Рязанском Поочье в отличие от предшествующих периодов предоставляет исследователям достаточно обширный археологический материал. Однако интерпретация его, соотнесение с какими-то этническими реалиями продолжают оставаться дискуссионными. Между тем правильное объяснение происходивших здесь процессов способно многое дать для понимания этнических взаимодействий не только в данном регионе, но и в европейской России в целом, в том числе предоставляет важную информацию для разрешения вопроса о начале финно-угорского и индоевропейского проникновения. Этим обусловлена актуальность рассматриваемого вопроса для исторической науки (в широком значении этого понятия).

Период неолита лесной зоны Европы в целом датируется исследователями V-III тыс. до н. э. (иногда рассматривается возможность углубления нижней даты до VI тыс. до н.э.) (Неолит Северной Евразии 1996: 9). Неолитические памятники Поочья достаточно многочисленны. Неолит данного региона хронологически совпадает с атлантическим и началом суббореального климатических периодов. Первый датируется разными исследователями 5300-3000 или 5000-2500, а второй – 3000-750 или 2500-500 гг. до н.э. (Тюремнов 1949: 291). Климат в указанные временные отрезки был более тёплым, чем современный, но в атлантический период – более влажным, а в суббореальный – более сухим, чем теперь. В период климатического оптимума, который одни исследователи относят к атлантическому, а другие – к суббореальному периодам, средние июльские температуры в Европе были примерно на 3° – 4°, а средние годовые – на 1,5° – 2° выше современных. Вся территория области входила тогда в подзону широколиственных лесов лесной зоны (Нейштадт 1957; Археологическая карта России 1993: 16-17).

На Ближнем Востоке, Балканах, в Закавказье, Средней Азии начало неолита хронологически соответствовало возникновению производящего хозяйства в виде примитивного земледелия и скотоводства, что привело к осёдлости населения, созданию избыточных пищевых ресурсов и, как следствие, росту народонаселения, возникновению поселений городского типа, архитектурных сооружений и т.п.

В то же время лесная зона Евразии в силу объективных причин пока не знала земледелия и скотоводства, и основой экономики местных племён ещё долго оставались присваивающие формы хозяйства – охота, рыболовство, собирательство и морской промысел (Неолит Северной Евразии 1996: 7). Однако по сравнению с мезолитом орудия и способы рыболовства и охоты значительно усовершенствовались. Наряду с луком и стрелами неолитические охотники применяли копья и метательные дротики, использовали собаку. Появи-

лись лодки, были изобретены рыболовные сети. Развитие производительных сил вновь (после «провала» в мезолите) привело к увеличению численности коллективов, упрочению осёдлости. Важным техническим новшеством, в целом характеризовавшим неолит, явилось изобретение керамики – обожжённой глиняной посуды. К неолиту относят расцвет первобытно-общинного строя. Формируется позднепервобытная родовая община, высокого развития достигает племенная организация (Археологическая карта России 1993: 17; История первобытного общества 1986).

Неолитические памятники Рязанского края представлены стоянками, кремнеобрабатывающими мастерскими и грунтовыми могильниками (захоронения предшествующих эпох в Рязанском Поочье не обнаружены). Они располагаются на возвышенных участках пойм, дюнообразных всхолмлениях, останцах и краевых участках первых террас речных долин и озёрных котловин, на небольшой (как правило – до 5-6 м) высоте над уровнем рек и озёр, нередко имеют мощные (до 1,5-2 м) культурные напластования. В некоторых случаях неолитические слои непосредственно перекрывают остатки мезолитических поселений, выше них располагаются напластования эпохи бронзы и более позднего времени (Археологическая карта России 1993: 17). Последнее, судя по всему, может быть свидетельством либо длительной и последовательной культурной эволюции местного населения, затронувшей сразу несколько археологических эпох, либо, по крайней мере, непрерывной заселённости рассматриваемого региона и тесного взаимодействия между разными этническими группами.

К раннему неолиту в Рязанской области относят стоянки верхневолжской культуры, обычно датирующейся в настоящее время второй половиной VI-IV тыс. до н. э. Её ареал охватывает всё Волго-Окское междуречье, несколько выходя за его пределы. Рязанская область – южная окраина этого ареала.

Для верхневолжской культуры характерны так называемая гребенчато-накольчатая керамика (представлена остродонными, слабо обожжёнными и тонкостенными сосудами с орнаментацией из мелких ямок-наколов, оттисков узкого гребенчатого, зубчатого и других штампов, нередко нанесённых в технике «отступающей лопаточки», нарезок и т.п.), изготовление каменных орудий из пластин и, реже, отщепов с сохранением многих элементов мезолитических традиций в обработке кремния, в том числе – техники односторонней ретуши. Двусторонняя обработка кремния появляется в конце периода существования верхневолжской культуры.

На территории Рязанского края верхневолжские памятники известны в рязанском и шилловском течении Оки, а также в озёрной Мещере, где они исследованы

наиболее полно. К числу самых изученных памятников относят стоянки Владычинская-Береговая 1 и 2 Владычинская-Боровая, Шагара 1 и 4 в Клепиковском районе. Слои с накольчато-гребенчатой керамикой являются здесь основой для позднейших неолитических напластований (Археологическая карта России 1993: 17).

К развитому и позднему неолиту в рассматриваемом ареале относятся памятники (стоянки и грунтовые могильники) рязанской и волосовской культур. Хронологически поздние слои распространения данных культур соответствуют уже началу бронзового века в регионе. Но на соответствующих памятниках медные и бронзовые изделия неизвестны (они впервые проявляются в культурах боевых топоров или шнуровой керамики, параллельных верхним слоям рязанской и волосовской).

Ареал рязанской культуры охватывает среднее течение Оки, нижнее течение Мокши, центральную и южную Мещеру. Она входит в культурно-историческую общность ямочно-гребенчатой керамики (вместе с льяловской, балахнинской и др.; в современной научной номенклатуре все они иногда значатся не как самостоятельные, пусть и близкие, культуры, а как варианты культуры ямочно-гребенчатой керамики: Кондратьев 2011). Общность в целом характеризуется находками остродонных и круглодонных сосудов с открытым горлом, орнаментированных по всей поверхности зональным орнаментом из рядов крупных ямок, перемежающихся полосами оттисков гребенчатого, зубчатого, полулунного и других штампов. Особенности рязанской керамики считаются преобладание ямочного элемента орнамента в виде неглубокой ямки округлой и овальной формы с плоским дном, широкое распространение в орнаментации оттисков верёвочки, так называемых «лапчатых отпечатков», нарезок, наличие у сосудов утолщённого венчика, своеобразного «воротничка», а на поздних памятниках – уплощённого или плоского дна и примесей шамота в глиняном тесте. Каменные орудия изготавливались преимущественно из отщепов с применением техники двухсторонней обработки, отличаются широкой дифференциацией по назначению, разнообразием, совершенством и изяществом форм. На некоторых памятниках найдены многочисленные и разнообразные костяные орудия и украшения. На поселениях выявлены остатки полуземляночных жилых построек округлой и прямоугольной в плане формы площадью от 15 до 50 кв. м со следами кострищ на полу (Городцов 1901; Цветкова 1970: 139-141; Археологическая карта России 1993: 18).

И.К. Цветкова выделила в развитии рязанской культуры три этапа. Первый был датирован ей концом IV – серединой III тыс. до н.э. Возможно, он был частично синхронен верхним слоям верхневолжской культуры. Второй этап отнесён ко второй половине III тыс. до н.э., а третий – к концу III – первой половине II тыс. до н.э. Однако заслуживает серьёзного внимания точка зрения Б.А. Фоломеева, который отрицает прямую связь памятников «третьего этапа» с рязанской культурой. Он выделяет их в особую дубровичскую культуру, генетически соотносимую им с поздненеолитической верх-

неднепровской культурой, а также субнеолитической днепро-донецкой (Фоломеев 1975: 33-41).

Могильники рязанской культуры располагаются близ поселений или непосредственно на их территории. Обряд погребения – ингумация. Погребённые укладывались в могилы скорченно на боку или на спине с подогнутыми ногами. Отметим, что подобные варианты размещения умерших будут характерны и для большинства индоевропейских и спорных по происхождению культур бронзового века (скорченные на боку – в культурах шнуровиков, срубной и пр.; на спине с подогнутыми ногами – в ямной), что заставляет поставить вопрос о направлении и сущности соответствующих влияний. Ориентировка костяков неустойчивая с преобладанием западной и юго-западной. Погребальный инвентарь представлен каменными и костяными украшениями, отдельными кремневыми орудиями (Цветкова 1970: 127-131; Археологическая карта России 1993: 19).

Волосовская культура распространена на обширной территории Волго-Окского междуречья, верхнего и среднего Поволжья. Начало её существования (протоволосовский этап) относят не позднее чем ко второй половине III тыс. до н.э., конец – ко второй половине II тыс. до н.э.¹ Протоволосовский этап характеризуется толстостенными круглодонными сосудами с примесями толчёной раковины в глиняном тесте, зональным орнаментом из ямчатых вдавлений, оттисков двузубчатого и рамчатого штампов, коротких нарезок. На втором этапе наряду с круглодонными появляются сосуды с уплощёнными днищами, в орнаментации которых преобладают оттиски зубчатого и рамчатого штампов, образующие вертикальные и горизонтальные зигзаги, сетку и т. п. Посуда заключительного этапа нередко плоскодонная, преимущественно с растительными примесями в глиняном тесте, орнаментация становится несколько небрежной, иногда присутствует только в верхней части сосудов. Кремневые орудия весьма разнообразны по форме и прекрасно изготовлены, зачастую близки или идентичны изделиям рязанской культуры (Археологическая карта России 1993: 19).

Погребения волосовской культуры, как правило, обнаруживаются на местах поселений, среди них встречаются коллективные. Обычно покойников ингумировали возле жилищ, а иногда и в самих жилищах. С большой долей вероятности данный факт свидетельствует об огромной роли в религиозных воззрениях волосовцев культа предков, а также об отсутствии чёткой границы в их мировоззрении между «миром мёртвых» и «миром живых». Большинство погребённых положены вытянуто на спине, реже на животе. В поздних погребениях начинают появляться скорченные положения (возможно, под влиянием фатьяновцев). Ориентировка весьма вариативна: север, северо-восток, восток, юго-восток, запад, юго-запад. Иногда погребённых заворачивали в бересту. Во многих погребениях об-

1 В действительности вопрос о финале как волосовской культуры, так и даже более ранних по зарождению ямочно-гребенчатых остаётся открытым, причём «крайние» варианты отстают друг от друга не на одно столетие (нередки предположения об участии реликтов неолитических культур даже в генезе общностей поздней бронзы).

наружена красная охра, густо посыпанная по всей могиле или около головы и ног. Очевидно, красная краска как символ крови и огня играла большую роль в обряде погребения волосовцев. Также значительную роль в обряде погребения играл огонь как «очистительная сила». На некоторых стоянках прослежены кострища около погребений. Вероятно, эти костры горели длительное время, так как почва под ними сильно прокалена. Следует отметить частые находки около погребений костей (особенно разбитых черепов) медведей, оставленных здесь преднамеренно при совершении каких-то ритуальных действий, связанных с культом медведя. Для всех погребений волосовской культуры характерно отсутствие посуды и сравнительно редкие находки вещей (Эпоха бронзы 1987).

Памятники эпохи неолита в целом дают исследователям намного больше оснований по сравнению с предшествующими периодами для попыток хотя бы условных этнических соотнесений и атрибуций: наконец-то появляется антропологический материал, а кроме того, именно в неолите многие филологи-компаративисты склонны искать истоки некоторых современных языковых семей, в частности, индоевропейской и финно-угорской.

Совокупность имеющихся данных (прежде всего археологических) заставляет связывать происхождение населения центра Русской равнины предшествующего, мезолитического, периода преимущественно с палеоевропейскими племенами. Поэтому логично предположить, что проникновение сюда индоевропейцев и финно-угров должно маркироваться серьёзными археологическими и антропологическими следами инфильтрации нового населения, не связанного генетически с предшествующими автохтонными обитателями эпохи мезолита. Посмотрим, как обстоит дело с известными неолитическими культурами.

Верхневолжская культура достаточно уверенно увязывается современными исследователями с эволюцией предшествующей бутовской, впрочем, отмечаются следы южного влияния (Археологическая карта России 1993: 17; Неолит Северной Евразии 1996: 169, 167). Высказывается также мнение о культурной и, возможно, этнической близости с неманской, нарвской, волго-камской культурами, северной частью днепро-донецкой, восходящей к общей свидерской подоснове (Неолит Северной Евразии 1996: 173). В любом случае на роль колыбели индоевропейского и финно-угорского населения центра Русской равнины она не подходит (все указанные общности исследователями соотносятся с «палеоевропой»).

Более перспективными в этом плане представляются рязанская и волосовская культуры.

Происхождение рязанской культуры, как и в целом культурно-исторической общности ямочно-гребенчатой керамики, продолжает оставаться дискуссионным. Первоначально высказывалась мысль о её местных мезолитических корнях. Однако данная гипотеза была опровергнута после выделения верхневолжской культуры, хронологически вклинивающейся между мезолитическими общностями и носителями ямочно-гре-

бенчатой керамики (Костылева, Уткин 2000; Кондратьев 2011). В настоящее время в литературе дискутируются две диаметрально противоположные гипотезы. По мнению сторонников первой, население ямочно-гребенчатых культур, во всяком случае, льяловцы, являлись прямыми наследниками верхневолжцев, т.е. были автохтонным населением на Верхней Волге (Урбан 1976; Сидоров 1986; 1992). Наоборот, Д.А. Крайнов видел в них мигрантов, а их родиной считал территорию Русского Севера и Карелии, откуда они расселялись в разных направлениях, в том числе и в Волго-Очье (Костылева, Уткин 2000).

Принять точку зрения сторонников первой гипотезы мешает ряд соображений. Так, исследователями отмечена резкая разница керамики верхневолжской и ямочно-гребенчатой культур, которая создаёт впечатление смены разных этнокультурных массивов (Неолит Северной Евразии 1996: 173). Необходимо отметить и смену похоронного обряда. Культовая практика верхневолжцев не предполагала сохранения останков умерших. Племена ямочно-гребенчатой керамики, в частности, рязанцы, как известно, практиковали ингумацию. Сама по себе смена похоронного обряда не обязательно свидетельствует о смене населения. Она может являться и свидетельством, например, эволюции религиозно-мировоззренческих представлений вследствие развития социально-экономических отношений. Однако в совокупности с резким изменением технологий материального производства факт перехода населения к новым духовным традициям является достаточно убедительным свидетельством трансформации этнической картины.

В свете имеющихся данных следует, пожалуй, принять гипотезу Е.Л. Костылевой и А.В. Уткина, которые, в целом разделяя точку зрения Д.А. Крайнова, говорят не о массовом переселении на коренные территории ямочно-гребенчатой керамики (прежде всего, ареал льяловской культуры), а о постепенном проникновении отдельных групп разнокультурного северного населения и смешении его с поздневерхневолжским. Подвижки северного населения к югу могли быть связаны как с природно-климатическими изменениями, так и с брачными отношениями (Костылева, Уткин 2000). Таким образом, верхневолжцы оказываются субстратом новой общности, а суперстратом, причём определившим её важнейшие фенотипические особенности, – выходцы с севера, переселенцы с территории Русского Севера и Карелии – создателей посуды типа Сярайсьниemi I и, особенно, сперрингс.

Кем же, однако, были сами эти выходцы?

Культура сперрингс (как и, вероятно, памятники типа Сярайсьниemi I) связаны своим происхождением с карельским мезолитом (Неолит Северной Евразии 1996: 212). Корни последнего, вместе с тем, до сих пор твёрдо не установлены.

По мнению некоторых исследователей, первичное заселение Карелии происходило за счёт продвижения немногочисленного населения из Северного Приуралья, а позже из Карелии была заселена Финляндия. Оппоненты говорят о нестыковках, связанных с указанной

гипотезой: отсутствии раннемезолитических археологических находок на территории предполагаемой прародины, отсутствии сходства местных более поздних памятников с Карельскими, неясности мотивов переселения именно в Северную Карелию с условиями жизни, близкими к экстремальным. В итоге делается осторожное предположение о заселении не с востока, а с запада, хотя отмечается, что и в данном случае сколько-нибудь надёжные аргументы отсутствуют (Мезолит СССР 1989: 27).

Представляется, что вопрос при насущном состоянии материальных источников не может быть решён исключительно в рамках археологии. Факты следует рассматривать в комплексе. Археологами – сторонниками обеих точек зрения – признаётся серьёзное отличие мезолитических Карельских памятников от известных палеолитических и других мезолитических современных им находок Восточной и Северной Европы. Кроме того, обращают на себя внимание имеющиеся антропологические данные.

Как известно, в мезолите Карелии впервые на территории северо-европейской части нашей страны начинается практиковаться процесс ингумации. Могильники Сямозеро II и Чёрная Губа I антропологического материала не дают, так как в силу естественных причин костяки не сохранились. Следует отметить вместе с тем важную роль охры в похоронном обряде, отсутствие чёткой ориентации погребений во втором случае и некоторое преобладание северо-западной ориентации в первом (Мезолит СССР 1989: 30). Уникальную информацию в данной связи предоставляет Оленеостровский могильник (VII-VI тыс. до н.э.), расположенный на южном Оленьем острове Онежского озера. Погребения совершены в неглубоких (в среднем, 0,6 м ямах). Основная ориентация захоронения – головой на восток, с большим или меньшим отклонением к северу, значительно реже – к югу. Большинство погребений на спине, но выявлены также труположения на боку, скорченные и вертикальные (под 45°). Зафиксирован погребальный инвентарь, зачастую очень богатый для своего времени. Так же как и в вышеуказанных могильниках в обряде захоронения широко используется охра (Мезолит СССР 1989: 30-31).

Исследования антропологов свидетельствуют о неоднородности населения, оставившего Оленеостровские захоронения. Скелеты с Южного Оленьего острова изучались многими антропологами (наиболее детально – В.П. Якимовым). Оленеостровцы были довольно высокого роста для того времени – ок. 173 см у мужчин. Антропологический тип большинства захороненных был европеоидным. У некоторых индивидуумов отмечаются монголоидные черты – уплощенность лица и ослабленное выступание носа. М.М. Герасимов реконструировал внешность нескольких оленеостровцев. По его мнению, их физический тип сложился в результате смешения древних европейцев кроманьонского типа с монголоидами, проникшими в северо-восточную Европу из Сибири. Далекими потомками этих людей, возможно, являются современные саамы (лопарь) (Люди эпохи мезолита).

Происхождение типично монголоидных антропологических черт у части населения древней Карелии остаётся во многом величиной искомой. В.В. Бунак, склоняясь, видимо, к возможности отнесения данной территории к обширному ареалу древнейших палеоазиатских арктических племён, признавал отсутствие сколько-нибудь достоверных доказательств данного тезиса и в целом был достаточно пессимистичен в отношении возможности выяснения генезиса монголоидных черт у населения региона (Бунак 1965: 259). В.П. Алексеев более чем осторожен в своих сопоставлениях антропологических данных с имевшимися археологическими. По сути, он не делает серьёзных попыток их соотнесения. Лишь осторожно отмечается связь монголоидных черт в составе современного населения Прибалтики и европейских финно-угров с так называемым катангским низколицым монголоидным типом, берущим начало в западносибирских и среднесибирских древностях (Алексеев 1969: 93-95). Впрочем, критиковать вышеназванных исследователей не приходится уже в силу отсутствия достаточного археологического материала в период написания их монографий.

Более определённо высказывается Т.И. Алексева. Она считает, что говорить об азиатском монголоидном влиянии применительно к эпохе мезолита не приходится. Антропологический тип, к которому она относит и погребённых из Южно-Оленеостровского могильника, характеризуется ею сочетанием долихокрании, крупных размеров мозгового черепа, широкого и относительно невысокого лица, широких орбит и относительно широкого носа. По её мнению, такие признаки как сильное выступание носовых костей и резкая профилированность в области зигомаксиллярного угла позволяют однозначно считать данное население европеоидным. В то же время некоторая уплощённость в области назомаллярного угла морфологически сближает рассматриваемый антропологический тип с монголоидным. Т.И. Алексева, однако, высказывается против гипотезы о метисационном происхождении населения с указанными характеристиками (данная точка зрения в настоящее время преобладает). Антрополог полагает, что, судя по локализации этого своеобразного типа и путям его распространения с запада на восток, которые устанавливаются не только антропологически, но и археологическими источниками, его следует рассматривать как совершенно самостоятельный, с архаическими особенностями, тип, связанный в своём генезисе с северо-западными областями Европы (Восточные славяне 2002: 254-255). Начало проникновения собственно монголоидного населения в Восточную Европу (предположительно из областей Зауралья) Т.И. Алексева датирует на основе имеющихся данных ранним неолитом, культурами ямочно-гребенчатой керамики (Восточные славяне 2002: 255, 260).

Ряд соображений, в первую очередь, экстраантропологического характера, однако, не позволяет уверенно принять точку зрения Т.И. Алексевой.

Во-первых, как мы видели выше, если нет данных о восточном, уральском или азиатском, субстрате в мезолитических археологических памятниках Карелии,

то и западное происхождение их особенностей обосновывается более чем умозрительно. Фактически, Т.И. Алексеева просто выбирает в данном случае то из двух одинаково гипотетических построений, которое больше соответствует её антропологической концепции. Критиковать её за это не приходится: вполне обычная научная практика, но сам факт всё-таки следует отметить.

Во-вторых, привязка начала распространения в Восточной Европе монголоидного антропологического типа к раннему неолиту, по сути дела, только усложняет и без того непростой вопрос как о его происхождении, так и о начале распространения здесь финно-угорских народов. Поясним это соображение.

Дело в том, что, как мы видели выше, археологами не отмечено никаких признаков как раз восточных, азиатских влияний как в верхневолжской, так и в культурах ямочно-гребенчатой керамики. Первая, видимо, автохтонна; во второй отмечен именно северный, в том числе карельский, суперстрат. Если принять гипотезу Т.И. Алексеевой, то вопрос о происхождении монголоидной примеси не решается, а напротив, повисает в воздухе. Если с карельским мезолитом и с автохтонным населением Русской равнины он не связывается (а последняя вероятность исследователями вовсе не рассматривалась), то увязывать её археологически оказывается вовсе не с кем. Получается, что взаимодействие европеоидного (по Т.И. Алексеевой) северного и европеоидного же местного компонентов на выходе каким-то образом дало население с отчётливо выраженными монголоидными чертами, что, признаем, невероятно.

Кроме того, следует в данной связи обратить внимание на проблему происхождения европейских финно-угров, в особенности исторических финно-угорских племён Русской равнины. De facto начало финно-угорского этногенеза в Центральной России либо 1) следует отсчитывать с ямочно-гребенчатой керамики, либо 2) предполагать его исконно автохтонный характер с корнями чуть ли не в верхнем палеолите, либо 3) напротив начинать только с первых веков нашей эры – с культуры рязанских могильников. Второй вариант в настоящее время противоречит практически всем основным теориям финно-угорского этногенеза и глоттогенеза и заставляет удревянять начало дивергенции финно-угорских чуть ли не на порядок, причём при отсутствии не просто достаточных, но каких бы то ни было реальных оснований. При всей настороженности нашего отношения к пресловутой «бритве Оккама», которую сейчас принято по делу и не по делу упоминать чуть ли не в любом околонучном споре, приходится признать, что в данном конкретном случае этот принцип вполне применим (по крайней мере, при насущном уровне развития научных знаний). Полностью исключить вероятность нельзя, но уж слишком много новых неизвестных приходится ввести для обоснования верхнепалеолитической гипотезы проникновения финно-угров в Европу. Проще говоря, не исключено, но маловероятно. Третий вариант, по крайней мере, пока, удовлетворительно не объясняет историческое бытование финно-угорских языков в Финляндии, Прибалтике и на северо-западе

России, поскольку влияние импульса, приведшего к возникновению культуры рязано-окских могильников, так далеко на северо-запад не прослеживается.

Добавляет интриги информация об обнаруженных Y-хромосомных гаплогруппах захороненных в Оленеостровском могильнике мужчин. В исследованных образцах были определены следующие гаплогруппы: R1a1 очень редкого субклада YP1272, R1a2-YP4141>pre-YP5018, R1a1-pre-M459, R1b-P297 (xM269), Q1a2-L54>M1107>M930>pre-L804, Q1a1-F1096* (xM25,F746), Q1a1-F1096>pre-F746 (xM120,YP1500) (обнаружена в двух образцах), а также, казалось бы, совсем неожиданные на севере мезолитической и неолитической Европы J2a, J1-M267 (xY6313,Z2215) и pre-J1-M267 (xZ2215,FT26 5222,F2306,Y158859,ZS50) (Haak et al. 2015; Narasimhan et al. 2018; Posth et al. 2023). Эти гаплогруппы при первом приближении не согласуются ни с тезисом о местных палеолитических корнях населения, оставившего могильник (в частности, гипотетически Y-хромосомная гаплогруппа I1), ни о финно-угорской составляющей (увязываемой обычно с гаплогруппой N1c1). Однако при внимательном рассмотрении может быть предложено по меньшей мере три варианта объяснения. Все они должны быть признаны более или менее умозрительными и спекулятивными. Задача учёного в данной ситуации, видимо, должна быть сведена лишь к выявлению наименее фантастического.

Первый вариант. Случайное попадание обозначенных гаплотипов в популяции мезолитической Карелии.

Второй вариант. Вся выявленная на данный момент популяционными генетиками и ДНК-генеалогами картина распространения гаплогрупп абсолютно недостоверна и нуждается в коренном пересмотре.

Третий вариант. Требуется отказ от некоторых расхожих стереотипов, связанных с пониманием соотношения некоторых гаплогрупп с определёнными этноязыковыми реалиями.

Первый вариант, в принципе, не может быть исключён. Можно теоретически допустить некую флуктуацию, в результате которой потомки вообще-то нехарактерных для североевропейского среднекаменного века генеалогических линий оказались случайно заброшены в Карелию. Из более поздних периодов подобные флуктуации хорошо известны: хотя бы хрестоматийная история с эфиопским предком Пушкина (правда, по женской линии). Но серьёзно относиться к такой возможности мешает то обстоятельство, что из исследованных Y-хромосомных гаплогрупп все оказались «атипичными». Это делает подобную вероятность стремящейся к нулю.

Ситуация со вторым вариантом противоположна. Он, по большому счёту, предполагает признание флуктуацией всего остального огромного массива данных, противоречащих всего нескольким оленеостровским фактам. Пожалуй, его вероятность должна быть признана ещё меньшей.

Третий вариант требует более подробных разъяснений.

Самое важное – это недопустимость прямых экстраполяций современных этногенеалогических реалий в события многотысячелетней давности и прямых со-

отнесений таких разнопорядковых явлений как гаплогруппа (факт чисто биологический), язык (факт лингвистический) и этнос (факт по преимуществу социокультурный). То обстоятельство, что гаплогруппа R1a в настоящее время наиболее представлена у индоевропейских народов (в особенности, сатемных), не свидетельствует само по себе о том, что R1a всегда и везде маркировала носителей индоевропейских языков. В глубокой древности, когда данная гаплогруппа образовалась, индоевропейских языков не могло быть в принципе. Заметим, впрочем, что и теперь помимо русской, украинской, польской, некоторых индийских и т. п. популяций она также является основной и, например, для тюркоязычных киргизов и монгольских ныне хотонов. Точно так же нельзя и однозначно утверждать, что финно-угорские языки всегда распространялись исключительно носителями гаплогруппы N1c1 только потому, что в настоящее время она является преобладающей у финно-угорских народов. Следует иметь в виду и древние миграции гаплогрупп, которые составляли подчас десятки тысяч километров.

Можно, к примеру, допустить, что взаимодействие части носителей R1a с предками финно-угров и их смешение в составе древних племён имело место где-то в Сибири и Зауралье ещё в верхнем палеолите, а затем последовало переселение некоторых из них в Северную и Северо-Восточную Европу. Также не исключено, что после разделения восстанавливаемой специалистами Y-хромосомной гаплогруппы IJ соответственно на I и J не все носители последней переместились к югу – на Ближний Восток, Кавказ и т. д. Вовсе не фантастическим представляется допущение, что какие-то субклады (возможно, до наших дней не дожившие) остались в Европе вместе с носителями I1 и I2 (и другими). В таком случае гаплогруппы J1 и J2 маркирует именно автохтонный элемент в составе мезолитического населения Карелии, в то время как R1a, R1b и Q1a являются маркерами древнейшего протофинно-угорского (или уральского) субстрата.

Вместе с тем, было бы недопустимым упрощением однозначно говорить о сплошном финноязычии (или уралоязычии) как мезолитического населения Карелии и культуры сперрингс, так и тем более общности ямочно-гребенчатой керамики. По имеющимся археологическим данным они имели смешанный характер, и вопрос о соотношении палеоевропейского и уральского (вероятно, предкового по отношению к саамской и, не исключено, прибалтийско-финнской подгруппам²) компонентов при современном уровне развития науки не может быть сколько-нибудь убедительно решён. Остаётся лишь допускать возможность как чересполосного проживания палеоевропейцев и древнейших финнов в рамках соответствующих ареалов, так и в некоторых случаях этно-языковую метисацию, дальними отголосками которой являются современные саамские языки. Одним из подтверждений такого смешанного положе-

2 Также гипотетически возможен вариант, что истоки прибалтийско-финских, как и лингвистически близких им волжско-финских всё-таки археологически увязываются с восточными влияниями в волосовской культуре, а позднее – с культурой текстильной керамики.

ния может являться наличие дофиннской Волго-Окской субстратной топонимики, хотя оно, хотя бы отчасти, всё-таки скорее объясняется несколько более поздними реалиями.

Каковы же взгляды учёных на происхождение волосовской культуры? Она не вписывается чётко в рамки неолита и переходит в следующий археологический этап – эпоху энеолита. Первоначально господствовала гипотеза о восточном, прикамском происхождении волосовской культуры или культурно-исторической общности. В пользу данной точки зрения высказывались О.Н. Бадер, А.Х. Халиков, П.Н. Третьяков, В.М. Раушенбах, С.В. Студзицкая, отчасти В.В. Никитин (Эпоха бронзы лесной полосы СССР 1987: 25). Но совершенно очевидно, что все названные авторы исходили в своих построениях из попыток объяснить начало финно-угорского присутствия в Волго-Окском регионе иллюзорными неолитическими восточными влияниями в условиях отсутствия на момент написания их работ данных, позволяющих объяснить их влияниями северными.

Позднее возобладало мнение Д.А. Крайнова о формировании культуры на основе смешения местной верхневолжской культуры с культурами ямочно-гребенчатой керамики (Эпоха бронзы лесной полосы СССР 1987: 26-27). В формировании восточного ареала культуры приняли участие ямочно-гребенчатая и волго-камская культуры (с преобладанием последней) (Эпоха бронзы лесной полосы СССР 1987: 27). Волго-камская культура, в свою очередь, как считается, близка верхневолжской, и сформировалась на местной мезолитической основе под влиянием средневолжской культуры и при возможной инфильтрации суперстрата из Зауралья (Неолит Северной Евразии 1996: 248-252). Таким образом, для волосовского населения также приходится предполагать смешанное этническое происхождение. Однако основным компонентом, по крайней мере, для Средней Оки и Волго-Окского междуречья, судя по всему, являлся автохтонный палеоевропейский. Финно-угорский, если имел место, в свете данных о происхождении культуры должен был быть очень сильно разбавлен, во всяком случае, в западной и центральной частях ареала распространения. В пользу такого предположения свидетельствуют и антропологические данные, по которым волосовцы являлись северными европеоидами, иногда с лапоноидными чертами (Волосовская культура 2006). В современной научной литературе можно встретить и предположение о принадлежности волосовцев к северным индоевропейским племенам (История Мордовии 2001: 21). С этим можно согласиться в том смысле, что волосовское население внесло вклад в генофонд и отчасти культуру северных индоевропейцев эпохи бронзы. Однако достаточных оснований считать их самими именно индоевропейцами на данный момент не обнаруживается.

Таким образом, в период неолита в Рязанском Поочье следует констатировать, как и в предшествующие эпохи, преобладание палеоевропейских племён. Однако, начиная с рязанской культуры, возможно, наблюдается инфильтрация финно-угров (или, шире, уральцев). Причём инфильтрация происходила не с востока

– из Зауралья, а с севера – из Карелии, куда протофинно-угры могли проникнуть не позднее мезолита. Масштабы инфильтрации в настоящее время не могут быть надёжно установлены. Ясно вместе с тем, что о сплошном финно-угорском заселении говорить в любом случае не приходится. Вероятно предположить, что наибольшим присутствием суперстрата могло быть в хронологических пределах рязанской культуры и ослабело

в волосовский период (может быть, и вовсе местами сошло на нет). Едва ли можно говорить об однородной языковой картине в неолите как Восточно-Европейской равнины в целом, так и Рязанского Поочья в частности. Более того, невозможно постулировать этноязыковое единство и в пределах отдельных археологических культур, по крайней мере, рязанской.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев 1969 - Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М., 1969.
- Археологическая карта 1993 - Археологическая карта России. Статистические и Исторические материалы. Рязанская область. Ч. 1. М., 1993.
- Бунак 1965 - Бунак В.В. Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным // АН СССР. Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. 88 (новая серия). М., 1965.
- Волосовская культура 2006 - Волосовская культура // Большая российская энциклопедия. Т. 5. М., 2006.
- Восточные славяне 2002 - Восточные славяне. Антропология и этническая история / Под редакцией Т.И. Алексеевой. Издание второе, дополненное. М., 2002.
- Городцов 1901 - Городцов В.А. Дневник археологических исследований в долине р. Оки в 1898 г. // Древности. Т. XVIII. М., 1901. С. 52-56.
- История 1986 - История первобытного общества. М., 1986.
- История Мордовии 2001 - История Мордовии с древнейших времён до середины XIX века / Под редакцией Н.М. Арсентьева и В.А. Юрченкова. Саранск, 2001.
- Кондратьев 2011 - Кондратьев С.А. Культура ямочно-гребенчатой керамики Среднего Поволжья. Автореферат диссертации по истории на соискание степени кандидата исторических наук. Самара, 2011.
- Костылева, Уткин 2000 - Костылева Е.Л., Уткин А.В. К вопросу о происхождении льяловской культуры // Юбилейный сборник, посвященный 85-летию со дня рождения профессора Ю.А. Яковсона. Иваново, 2000. С. 19-23.
- Люди эпохи мезолита - Люди эпохи мезолита / Электронный ресурс: http://www.kunstkamera.ru/index/exposition/exhibitions1/virtualnye_vystavki/gerasimov/10/ (Дата обращения – 20.03.2023).
- Мезолит СССР 1989 - Мезолит СССР / Ответственный редактор Л.В. Кольцов. М., 1989.
- Нейштадт 1957 - Нейштадт М.И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957.
- Неолит Северной Евразии 1996 - Неолит Северной Евразии / Под редакцией С.В. Ошибкиной. М., 1996.
- Сидоров 1986 - Сидоров В.В. Маслово Болото 7 – поселение льяловской культуры // Советская археология. 1986. № 4.
- Сидоров 1992 - Сидоров В.В. Многослойные стоянки верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992.
- Тюремнов 1949 - Тюремнов С.Н. Торфяные месторождения и их разведка. Л., 1949.
- Урбан 1976 - Урбан Ю.Н. К вопросу о ранне-неолитических комплексах в Калининском Поволжье // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. С. 64-70.
- Фоломеев 1975 - Фоломеев Б.А. К вопросу о памятниках «дубровичского» типа бассейна Средней Оки // Краткие сообщения института археологии. Вып. 141. М., 1975. С. 33-41.
- Цветкова 1970 - Цветкова И.К. Памятники Рязанской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы / Труды ГИМ. Вып. 44. М., 1970.
- Эпоха бронзы 1987 - Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Ответственные редакторы: О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М., 1987.
- Naak et al. 2015 - Naak W. et al. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe. 2015 / Электронный ресурс: <http://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1502/1502.02783.pdf> (Дата обращения – 20.03.2023).
- Narasimhan et al. 2018 - Narasimhan Vagheesh M. et al. The Genomic Formation of South and Central Asia. 2018 / Электронный ресурс: <https://img1.wsimg.com/blobby/go/d091d210-6376-4332-b661-039bea0d23fd/The%20Genomic%20Formation%20of%20South%20and%20Central%20Asi.pdf> (Дата обращения – 20.03.2023).
- Posth et al. 2023 - Posth C. et al. Paleogenomics of Upper Paleolithic to Neolithic European hunter-gatherers. 2023 / Электронный ресурс: <https://www.nature.com/articles/s41586-023-05726-0.pdf> (Дата обращения – 20.03.2023).

REFERENCES

- Alekseev 1969 - Alekseev V.P. Proiskhozhdenie narodov Vostochnoj Evropy (kranilogicheskoe issledovanie) [The origin of the peoples of Eastern Europe (craniological research)], Moscow, 1969 [in Russian].
- Arheologicheskaya karta 1993 - Arheologicheskaya karta Rossii. Statisticheskie i Istoricheskie materialy. Ryazanskaya oblast' [Archaeological map of Russia. Statistical and Historical materials. Ryazan region], Vol. 1, Moscow, 1993 [in Russian].
- Bunak 1965 - Bunak V.V. Proiskhozhdenie i etnicheskaya istoriya russkogo naroda po antropologicheskim dannym [The origin and ethnic history of the Russian people according to anthropological data], in: AN SSSR. Trudy instituta etnografii im. N.N. Mikluho-Maklaya. T. 88 (novaya seriya) [USSR Academy OF Sciences. Proceedings of the Miklukho-Maklay Institute of Ethnography. Volume 88 (new series)], Moscow, 1965 [in Russian].

- Cvetkova 1970** - Cvetkova I.K. Pamyatniki Ryazanskoj kul'tury [Monuments of Ryazan culture], in: Okskij bassejn v epohu kamnya i bronzy / Trudy GIM [The Oka basin in the Age of Stone and Bronze / Proceedings of the GIM], Vol. 44, Moscow, 1970 [in Russian].
- Epoha bronzy 1987** - Epoha bronzy lesnoj polosy SSSR / Otvetsvennye redaktory: O.N. Bader, D.A. Krajnov, M.F. Kosarev [The Bronze Age of the USSR forest belt / Responsible editors: O.N. Bader, D.A. Krainov, M.F. Kosarev], Moscow, 1987 [in Russian].
- Folomeev 1975** - Folomeev B.A. K voprosu o pamyatnikah «dubrovichskogo» tipa bassejna Srednej Oki [On the issue of monuments of the "Dubrovichsky" type of the Middle Oka basin], in: Kratkie soobshcheniya instituta arheologii [Brief reports of the Institute of Archaeology], Vol. 141, Moscow, 1975, pp. 33-41 [in Russian].
- Gorodcov 1901** - Gorodcov V.A. Dnevnik arheologicheskikh issledovanij v doline r. Oki v 1898 g. [Diary of archaeological research in the valley of the Oki in 1898], in: Drevnosti [Antiquities], Vol. XVIII, Moscow, 1901, pp. 52-56 [in Russian].
- Haak et al. 2015** - Haak W. et al. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe, 2015, Electronic resource: <http://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1502/1502.02783.pdf> (Date of access – 20.03.2023) [in English].
- Istoriya 1986** - Istoriya pervobytnogo obshchestva [The history of primitive society], Moscow, 1986 [in Russian].
- Istoriya Mordovii 2001** - Istoriya Mordovii s drevnejshih vremyon do serediny XIX veka / Pod redakciej N.M. Arsent'eva i V.A. Yurchenkova [The history of Mordovia from ancient times to the middle of the XIX century / Edited by N.M. Arsentiev and V.A. Yurchenkov], Saransk, 2001 [in Russian].
- Kondrat'ev 2011** - Kondrat'ev S.A. Kul'tura yamochno-grebenchatoj keramiki Srednego Povolzh'ya. Avtoreferat dissertacii po istorii na soiskanie stepeni kandidata istoricheskikh nauk [The culture of pit-comb ceramics of the Middle Volga region. Abstract of the dissertation on history for the degree of Candidate of Historical Sciences], Samara, 2011 [in Russian].
- Kostyleva, Utkin 2000** - Kostyleva E.L., Utkin A.V. K voprosu o proiskhozhdenii l'yalovskoj kul'tury [On the question of the origin of the Lyalovo culture], in: YUbilejnyj sbornik, posvyashchennyj 85-letiyu so dnya rozhdeniya professora YU.A. YAkobsona [Jubilee collection dedicated to the 85th anniversary of the birth of Professor Y.A. Yakobson], Ivanovo, 2000, pp. 19-23 [in Russian].
- Lyudi epohi mezolita** - Lyudi epohi mezolita [Mesolithic people], Electronic resource: http://www.kunstkamera.ru/index/exposition/exhibitions1/virtualnye_vystavki/gerasimov/10/ (Date of access – 20.03.2023) [in Russian].
- Mezolit SSSR 1989** - Mezolit SSSR / Otvetsvennyj redaktor L.V. Kol'cov [Mesolithic of the USSR / Executive editor L.V. Koltsov], Moscow, 1989 [in Russian].
- Narasimhan et al. 2018** - Narasimhan Vagheesh M. et al. The Genomic Formation of South and Central Asia, 2018, Electronic resource: <https://img1.wsimg.com/blobby/go/d091d210-6376-4332-b661-039bea0d23fd/The%20Genomic%20Formation%20of%20South%20and%20Central%20Asi.pdf> (Date of access – 20.03.2023) [in English].
- Nejshtadt 1957** - Nejshtadt M.I. Istoriya lesov i paleogeografiya SSSR v golocene [Forest history and paleogeography of the USSR in the Holocene], Moscow, 1957 [in Russian].
- Neolit Severnoj Evrazii 1996** - Neolit Severnoj Evrazii / Pod redakciej S.V. Oshibkinov [The Neolithic of Northern Eurasia / Edited by S.V. Oshibkinov], Moscow, 1996 [in Russian].
- Posth et al. 2023** - Posth C. et al. Paleogenomics of Upper Paleolithic to Neolithic European hunter-gatherers, 2023, Electronic resource: <https://www.nature.com/articles/s41586-023-05726-0.pdf> (Date of access – 20.03.2023) [in English].
- Sidorov 1986** - Sidorov V.V. Maslovo Boloto 7 – poselenie l'yalovskoj kul'tury [Maslovo Swamp 7 – settlement of the Lyalovo culture], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology], 1986, № 4 [in Russian].
- Sidorov 1992** - Sidorov V.V. Mnogoslojnye stoyanki verhnepovolzhskogo bassejna Varos i Yazykovo [Multilayered parking lots of the Upper Volga basin of Varos and Yazykovo], in: Mnogoslojnye stoyanki Verhnego Povolzh'ya [Multilayered parking lots of the Upper Volga region], Moscow, 1992 [in Russian].
- Tyuremnov 1949** - Tyuremnov S.N. Torfyanye mestorozhdeniya i ih razvedka [Peat deposits and their exploration], Leningrad, 1949 [in Russian].
- Urban 1976** - Urban YU.N. K voprosu o ranneneoliticheskikh kompleksah v Kalininskom Povolzh'e [On the question of Early Neolithic complexes in the Kalinin Volga Region], in: Vostochnaya Evropa v epohu kamnya i bronzy [Eastern Europe in the Age of Stone and Bronze], Moscow, 1976, pp. 64-70 [in Russian].
- Volosovskaya kul'tura 2006** - Volosovskaya kul'tura [Volosovo culture], in: Bol'shaya rossijskaya enciklopediya [The Great Russian Encyclopedia], Vol. 5, Moscow, 2006 [in Russian].
- Vostochnye slavyane 2002** - Vostochnye slavyane. Antropologiya i etnicheskaya istoriya / Pod redakciej T.I. Alekseevoj. Izdanie vtoroe, dopolnennoe [The Eastern Slavs. Anthropology and Ethnic History / Edited by T.I. Alekseeva. Second edition, expanded], Moscow, 2002 [in Russian].

Логинов Дмитрий Сергеевич

– Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Рязанского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова (Рязань, Россия).

Dmitry Loginov

– Candidate of historical sciences, associate professor of departments of philosophy and history Ryazan State Medical University named after Academician I.P. Pavlov (Ryazan, Russia).

dimok_star@mail.ru

ГЕРМАНСКИЙ РИТУАЛ ЭПОХИ МЕРОВИНГОВ – В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

В.И. Кулаков

Институт археологии Российской академии наук
Россия, 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
e-mail drkulakov@mail.ru
Scopus Author ID: 26038228300
SPIN-код: 3764-2260

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

Многочисленные находки обломков пальчатых фибул различного происхождения в Балтии и в Восточной Европе являются показателями осуществления здесь германского ритуала эпохи Меровингов. Изучение этих и других местных археологических материалов даёт следующие результаты. 1) На исходе гуннской эпохи видиварии вместе с отдельными носителями традиций кочевых народов продвигаются на восток по Неманскому левобережью, проникая до нижнего течения р. Вилии. 2) В конце VI в. на Мазуры из Подунавья переселяются группы германцев и, позднее, славян. 3) В VII в. часть указанных переселенцев участвует в деятельности торгового пути Самбия-Эйямыги/Вирумаа, на что указывают находки обломков пальчатых фибул к северу от р. Неман. 4) В середине V в. на южных подступах к Балтии возникают погребения гуннских знатных воинов – вождей кочевых отрядов, стремившихся поставить под контроль гуннов трассы янтарной и меховой торговли. Показателем этого являются находки наконечников трёхлопастных стрел в верховьях р. Днепр. 5) Через столетие после гуннского натиска на север в лесной зоне Восточной Европы известны находки пальчатых фибул и прочих деталей женского убора дунайского происхождения. Это – показатели матримониальных контактов между угро-финнами Днепро-Окского междуречья со славянами и германцами Аварского каганата. Свидетельство участия последних в этом процессе – находки в указанном регионе обломков пальчатых фибул.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Балтия, Восточная Европа, лесная зона.

GERMANIC RITUAL OF THE MEROVINGIAN ERA IN EASTERN EUROPE

Vladimir Kulakov

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences
Russia, 117036, Moscow, Dmitry Ulyanov Street, 19
e-mail: drkulakov@mail.ru

ABSTRACT

Numerous finds of fragments of finger-shaped fibulas of various origins in the Baltic and Eastern Europe are indicators of the realization here of the Germanic ritual of the Merovingian era. The study of these and other local archaeological materials yields the following results. 1. At the end of the Hunnic era, the Vidivarii, together with some bearers of nomadic traditions, move eastward along the Neman left bank, penetrating the lower reaches of the Vilia River. 2. At the end of the 6th century, groups of Germans and, later, Slavs move to Masuria from the Danube River valleys. 3. In the 7th century, some of these resettlers participate in the activities of the Sambia- Eyamygi/Virumaa trade route, as indicated by the finds of fragments of finger-shaped fibulas north of the river Neman. 4. In the middle of the 5th century, burials of Hunnish noble warriors - leaders of nomadic groups, who sought to bring the amber and fur trade routes under Hunnish control, appear on the southern approaches to the Baltic. The finds of three-bladed arrowheads in the upper reaches of the Dnieper River are an indication of this. 5. A century after the Hunnish onslaught northward in the forest zone of Eastern Europe, there are known finds of finger-shaped fibulas and other details of women's attire of Danube origin. These are the indicators of matrimonial contacts between the Finno-Ugric peoples of the Dnieper-Oka interfluvium and the Slavs and Germans of the Avar Khaganate. The evidence of the latter's participation in this process is the finds of fragments of finger-shaped fibulas in the above region.

KEYWORDS: Baltic, Eastern Europe, forest zone.

Недавно увидела свет статья, посвящённая выявлению следов германского ритуала эпохи Меровингов в балтских землях (Кулаков 2023: 92-99). Нашими

западноевропейскими коллегами было установлено, что обломки пальчатых фибул, находимые на территории могильников сер. I тысячел. н.э., являются свидетельством уничтожения неких магических деталей этих

артефактов, точнее – головок зверей (Magnus 2009: 236). Очевидно, в рамках побеждающей на западе нашего континента христианской идеологии присутствие этих магических деталей на инвентаре жителей государства Меровингов считалось в эпоху борьбы с традиционной религией германцев недопустимым. В последние годы выяснилось, что указанный германский ритуал культового уничтожения пальчатых фибул встречен не только в германском ареале, но и в землях как балтов, так и славян и финно-угров. В предлагаемой статье предлагается рассмотреть следы указанного ритуала, встреченные в археологическом материале Восточной Европы.

Феномен находок частей фибул в Балтии при наличии довольно подробной информационной базы может являться парадигмой для подобного феномена в Восточной Европе. В связи с этим предположением рассмотрим предисторию появления ломаных пальчатых фибул в Балтии.

В конце римского времени ареалы эстиев и соседствовавших с ними с северо-востока остальных западнобалтских племён по правому берегу р. Неман разделяет мощный лесной массив, в истории Пруссии известный как часть грандиозного леса *große Wildnis*. На северном краю упомянутого лесного массива известно несколько грунтовых могильников, включающих погребения элитных воинов. В составе инвентаря их погребальных комплексов обнаружены питьевые рога с декорированными накладками, являющиеся маркерами высокого социального положения их хозяев (вожди дружин-?) и служившими для жертвенных возлияний. Возможно, это – свидетельство формирования в начале эпохи Великого переселения народов в землях нынешней Южной Литвы (конкретно – будущая Жемайтия) малых «варварских королевств» (Кулаков 2017: 140). Именно по территории этих квази-государственных формирований по левому берегу р. Неман (рис. 1) в V-VI вв. распространяются ножи-кинжалы (рис. 2), являющиеся воинской принадлежностью видивариев и носителей традиций ранней фазы прусской культуры, создавших своё «варварское королевство» на земле позднейшей прусской земли Натангии (микрорегион Chrono-Nailibo) (Кулаков 2022: 71). Эти клинки являются показателями продвижения на восток, в поисках возможности выгодной торговли и/или грабежей видивариев и выходцев из Самбии. Этот маршрут дружинников Янтарного края сопровождался боевыми столкновениями с местными жителями. Следы чего являются находки наконечников трёхлопастных стрел, ведущие из ареала пруссов в восточном направлении и доходящие до нижнего течения р. Вилии (рис. 3). Судя по датировке указанных наконечников сер. V в. (Казакявичюс 1988: 70-72), в походе принимали участие, скорее всего, видиварии (в их рядах – гуннские лучники-?) и пруссы. По линии их боевого похода позднее, на исходе эпохи викингов возник Неманский торговый путь, который контролировали отряды западнобалтских воинов (Кулаков 2012: 110). Дальше низовий р. Вилия пришельцы из Янтарного края не продвинулись, остановившись на западной границе ареала носителей культуры восточнолитовских курганов, который оказался для них, видимо, непреодолим.

Шедшим в своём восточном походе пруссам была уже, видимо, недостаточна торговая трасса Самбия-Эй-ямыги/Вирумаа, существовавший с самого начала I тысячелетия н.э. и связывавший Янтарный берег с различными племенами балтов и угро-финнов (Кулаков 2002а: 127-129). Как показывают находки в юго-западной части упомянутого торгового пути обломков пальчатых фибул (рис. 4), в деятельности этого пути принимали участие и германцы, отдельные группы которых из числа лангобардов и гепидов Подунавья, прибыли в VII в. в ареал мазурской культурной группы (Кулаков 1989: 177).

Упомянутые выше обломки принадлежали пальчатым фибулам западноевропейского и дунайского происхождения (рис. 5). Эти застёжки были для западной окраины балтского мира как импортом, так и продуктом изделий местных мастеров, взявших за образец артефакты иноземного происхождения и производившие их упрощённые дериваты уменьшенных размеров, лишённые декора.

Удивительным образом все упомянутые выше аспекты событий V-VII вв. в Балтии повторяются, судя по собранным восточноевропейскими коллегами находкам, гораздо восточнее, в верховьях р. Днепр. Как и в Понеманье, здесь встречены находки наконечников трёхлопастных стрел, распространённые (рис. 3) от верховий р. Днепр до верховий р. Даугава. Эти находки показывают направление двигавшихся с юга походов отрядов кочевников, осваивавших бассейны притоков верховий р. Днепр. Как показывают найденные здесь погребения гуннских вождей (см. ниже), указанные походы для кочевников оказались победоносными, часть пришельцев осела на этой территории. Интересен факт того, что янтарные месторождения Волыни (рис. 6), ранее привлекавшие на эти земли готов (Кулаков 2018: 95), кочевников гуннского времени не заинтересовали (ввиду отсутствия информации-?).

Также, как и в Балтии, в Верхнем Поднепровье представлены находки обломков пальчатых фибул VII в., растянувшиеся по линии запад-восток на значительном расстоянии от верховий Даугавы/Зап. Двины до Поочья (рис. 6). Обломки относятся исключительно к пальчатым фибулам дунайского происхождения (рис. 7, 8). В древностях мазурской культурной группы аналогичные застёжки относились к женскому убору VII в.

Современные исследователи древностей Восточной Европы завершающей фазы эпохи Великого переселения народов считают находки в Верхнем Поднепровье пальчатых фибул дунайских типов показателем переселения в сер. VII – первой пол. VIII вв. групп славян далеко на север от р. Дунай. Причём в Поочье указанные фибулы (в т.ч. – «малые») носили как славянские женщины, так и местные обитательницы (Ахмедов, Гаврилов 2017: 82, 85-87). Примечателен факт использования в Подунавье «малых» пальчатых фибул представительницами как славянских, так и германских племён (Казанский 2020: 259). Этот вывод актуален и для Мазурского Поочья, куда в VII в. для налаживания поставок местного янтаря переселились группы лангобардов, гепидов и антов из пределов Аварского каганата. Так в погр. 548 могильника Alt-Kossewen/Kosewo была обнаружена

«малая» пальчатая фибула с прорезанной руной на своей тыльной стороне (Кулаков 2002б: рис. 5,10), что никак не свойственно славянам. Кстати, как и Мазурском Поозерье, в лесной зоне Восточной Европы пальчатые фибулы встречены преимущественно в женских погребальных комплексах. Если на Мазурах отдельные мужские могилы сопровождаются пальчатыми фибулами западноевропейского (точнее – франкского и скандинавского) происхождения или же местными их дериватами, то в Восточной Европе ситуация иная. Дунайские фибулы представлены исключительно в женских погребениях, так что о переселении дунайских славян в VII в. на север от р. Дунай, на чём настаивает М.М. Казанский (Казанский 2020: 265), говорить не приходится.

Интерес обитателей Среднего Подунавья к северным территориям, богатым пушниной и другими природными ресурсами, проявился в гуннское время. Погребения гуннских военачальников и германских вождей (*Taurapilis*) времён крушения Западной Римской Империи на южной границе Балтии прямо свидетельствуют об этом (рис. 3). Несколько таких погребений известны и в верховьях р. Днепр (Радюш, Щеглова 2012: 47), в зоне распространения наконечников трёхлопастных стрел, свидетельств агрессии кочевых народов в глубинах Восточной Европы. Перспектива ведения выгодных торговых операций пушниной могла привлекать в лесную зону Восточной Европы и гуннов, и авар, осевших в сер. VI в. в Среднем Подунавье на месте прежней «державы» Аттилы.

Правда, если о продвижении на север отрядов германцев и славян из пределов Аварского каганата для налаживания янтарной торговли на Мазурах говорить вполне возможно (мужские комплексы с пальчатыми фибулами на местных могильниках присутствуют), то относительно Восточной Европы такой вывод делать, на мой взгляд, преждевременно. Превалирование женских комплексов с пальчатыми дунайскими фибулами может свидетельствовать скорее в пользу матримониальных контактов с далёким от лесной зоны Подунавьем. С нач. VIII в. мазурские древности, связываемые с племенем галиндов, в указанном регионе в своём прежнем более не фиксируются (Engel 1939: 44, 45). «Как свидетельствуют прусские легенды, собранные в “Прусской хронике” Симона Грунау, где-то в бассейне р. Alle/Лава произошла битва пруссов с отрядами германцев, жителей Мазурского Поозерья и авар. Данные археологии позволяют отнести это победное для пруссов сражение к рубежу VII-VIII вв. Пруссам удалось переломить ход битвы, переманив на свою сторону часть аварского войска, набранного из плененных пруссов. Возможно, эти подразделения ударили в тыл своим бывшим соратникам и тем самым решили исход битвы в пользу воинов Янтарного края» (Кулаков 2024б: 256).

Итак, полиэтническое население Мазур, включавшее западных балтов (галинды) и германцев (гепиды и лангобарды) покидает Балтию. Окончательно прекращается деятельность Великого янтарного пути по р. Висле. На Мазурах исчезают пальчатые фибулы дунайских и рейнских типов, бывшие до кон. VII в. яркой чертой материальной культуры мазурской культурной группы.

Находки указанных застёжек (кроме фибул с прямоугольной нижней пластиной) появляются распределяются на большом его протяжении от Мазур до среднего течения р. Оки (рис. 6). В нач. VIII в. в процессе существования указанных контактов (точнее – переселения крупного этно-культурного массива), судя по находкам свидетельств германского ритуала (обломки пальчатых фибул), в лесную зону и прежде всего – в ареал рязано-окских угро-финнов, прибывали носительницы германских культурных традиций. Правда, одиночные пальчатые фибулы могли принадлежать и мужскому убору. Восток как направление миграции галинды, потерпевшие разгром в битве с пруссами, выбрали по следам своих далёких предков, ушедших в мощинский ареал в начале новой эры (см. выше). Этот вариант миграции мог быть спровоцирован возможностью участия в меховой торговле, процветавшей на базе лесных угодий Поочья уже в римское время (Казанский 2010: 109). Очень осторожно можно предположить, что в этом движении могли участвовать и представительницы германских переселенческих групп из Мазур.

Итак, полученные в предлагаемой статье выводы можно суммировать следующим образом:

1) На исходе гуннской эпохи видиварии вместе с отдельными носителями традиций кочевых народов продвигаются на восток по Неманскому левобережью, проникая до нижнего течения р. Вилии. Этот поход сопровождается боестолкновениями с местными балтскими племенами и останавливается на границе ареала культуры восточнолитовских курганов.

2) В кон. VI в. на Мазуры из Подунавья переселяются группы германцев и, позднее, славян, для стабилизации янтарной торговли с Аварским каганатом и, далее, с Византией.

3) В VII в. часть указанных переселенцев участвует в деятельности торгового пути Самбия-Эйямыги/Вирумаа, на что указывают находки обломков пальчатых фибул (показатель их десакрализации после смерти их владельца/владелицы) к северу от р. Неман.

4) В сер. V в. на южных подступах к Балтии возникают погребения гуннских знатных воинов – вождей кочевых отрядов, стремившихся поставить под контроль гуннов трассы янтарной и меховой торговли. Показателем этого являются находки наконечников трёхлопастных стрел в верховьях р. Днепр.

5) Через столетие после гуннского натиска на север в лесной зоне Восточной Европы известны находки пальчатых фибул и прочих деталей женского убора дунайского происхождения. Это – показатели матримониальных контактов между угро-финнами Днепро-Окского междуречья со славянами и германцами Аварского каганата. Свидетельство участия последних в этом процессе – находки в указанном регионе обломков пальчатых фибул.

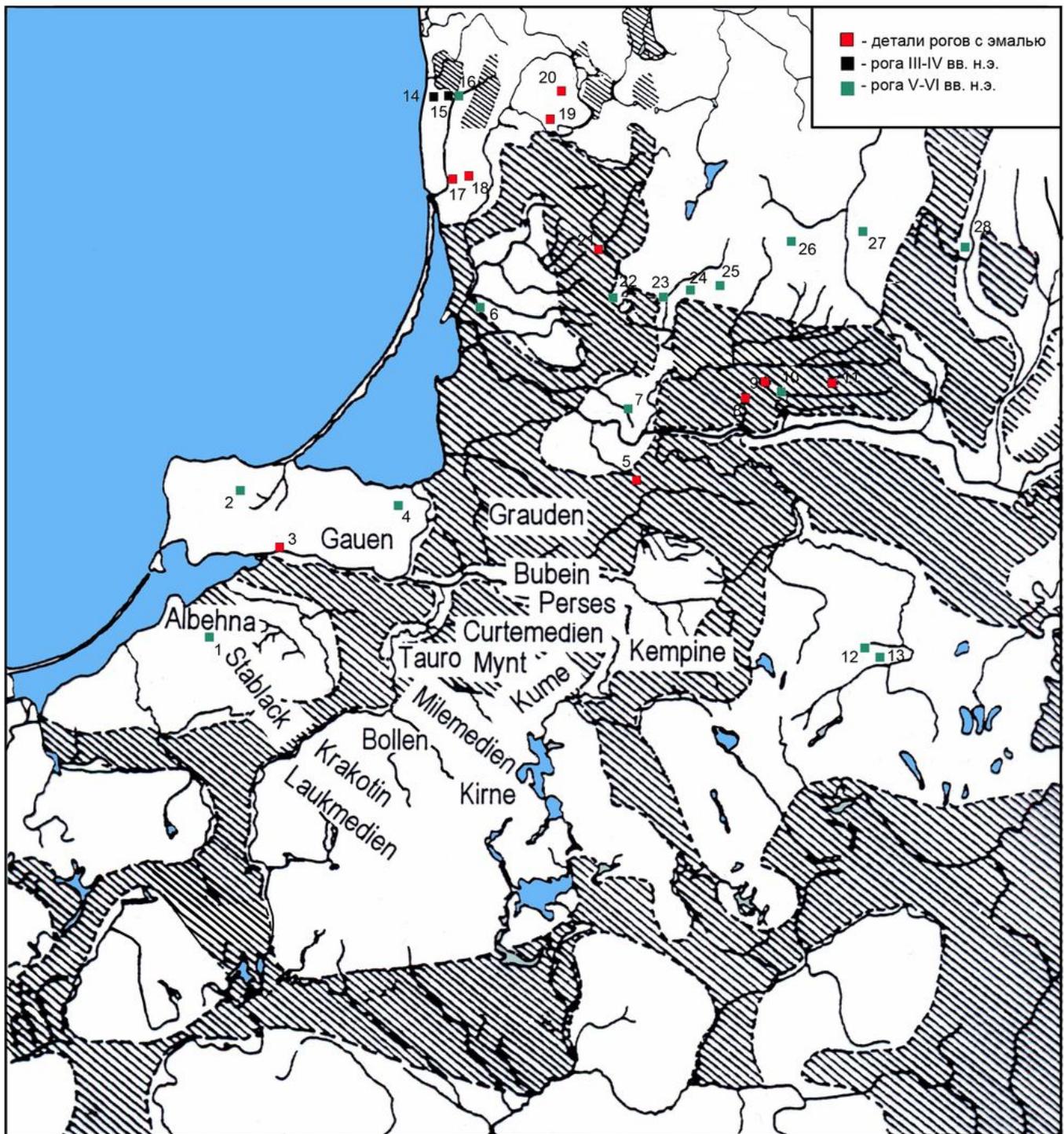

Рис. 1. Находки питьевых рогов в погребениях III-VI вв. в юго-восточной Балтии и залесённые межплеменные пространства (показаны штриховкой, представлены прусские названия основных лесных массивов): 1 – Warnikam/Первомайское (Багратионовский р-н); 2 – Sorjeiten/Путилово (Зеленоградский р-н); 3 – Lapsau/Заозерье (Гурьевский р-н); 4 – Löbertshof/Славянское (Полесский р-н); 5 – Smalininken/Smalininkai (Kapsukos raj.); 6 – Rubocken/Rubokai (Šilutės raj.); 7 – Widgirren/Vidgiriai (Šilutės raj.); 8 – Veliuona (Jurbarko raj.); 9 – Seredžius (Jurbarko raj.); 10 – Veršvai (Kauno raj.); 11 – Kaunas; 12 – Krikštonis (Lazdijų raj.); 13 – Vilkiautinis (Varėnos raj.); 14 – Palanga (Kretingos raj.); 15, 16 – Užpelkiai (Kretingos raj.); 17 – Žvirbliai (Šilutė raj.); 18 – Pakritižis (Šilutė raj.); 19 – Žviliai (Šilalės raj.); 20 – Maudžioriai (Kelmės raj.); 21 – Pagribis (Šilalės raj.); 22 – Kalniškiai (Raseinių raj.); 23 – Pernarava (Kedainių raj.); 24 – Plinkaigalis (Kedainių raj.); 25 – Pašušvis (Kedainių raj.); 26 – Pašiliai (Panevežio raj.); 27 – Riklikai (Anikščių raj.); 28 – Taurapilis (Utenos raj.) (Кулаков 2017: рис. 7).

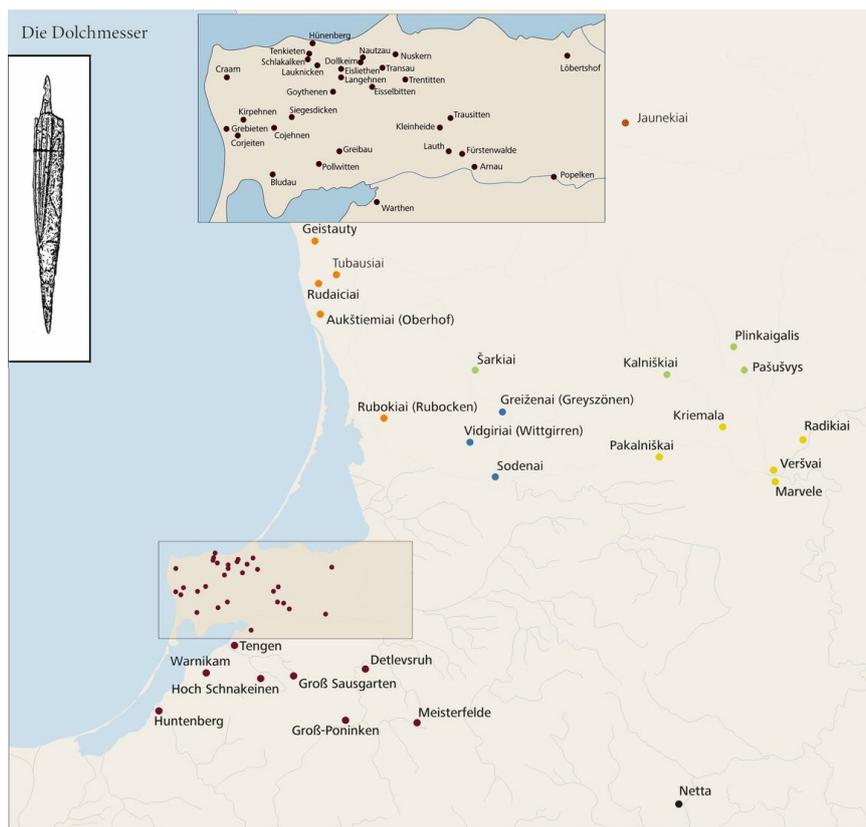

Рис. 2. Находки ножей-кинжалов в погребениях V-VI вв. в юго-восточной Балтии (Prassolov 2018: Abb. 21).

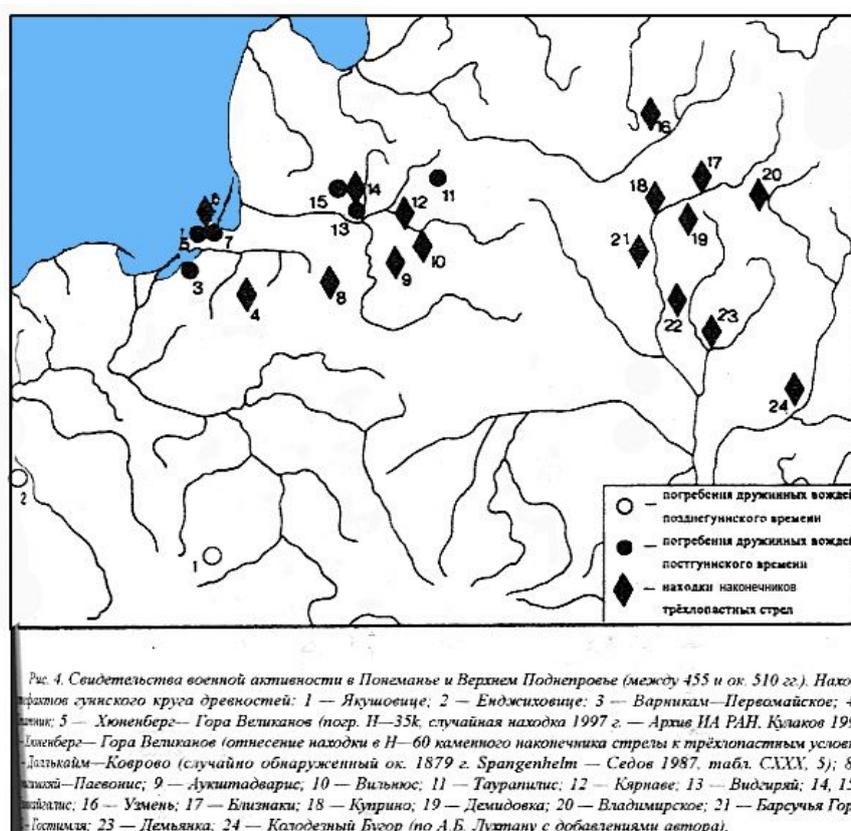

Рис. 4. Следствия военной активности в Поднепрье и Верхнем Поднепрье (между 455 и ок. 510 гг.). Находки наконечников трёхлопастных стрел в юго-восточной Балтии и в Поднепрье: 1 – Якушовице; 2 – Енджиховице; 3 – Варникам–Первомайское; 4 – Сзатник; 5 – Хюенберг–Гора Великанов (погр. Н–35к, случайная находка 1997 г. – Архив ИА РАН, Кулаков 1998); 6 – Хюенберг–Гора Великанов (отнесение находки в Н–60 каменного наконечника стрелы к трёхлопастным условно); 7 – Доллейкeim–Коврово (случайно обнаруженный ок. 1879 г. Spangenhelm – Седов 1987, табл. СХХХ, 3); 8 – Палеонис–Павонис; 9 – Аукштаварис; 10 – Вильнюс; 11 – Таурапиллис; 12 – Кярнаве; 13 – Видгирiai; 14, 15 – Плинкаигалис; 16 – Узмень; 17 – Близнаки; 18 – Куприно; 19 – Демидовка; 20 – Владимирское; 21 – Барсучья Горка; 22 – Гостимля; 23 – Демьянка; 24 – Колодезный Бугор (по А. Б. Лухтану с добавлениями автора).

Рис. 3. Находки наконечников трёхлопастных стрел степного типа в юго-восточной Балтии и в Поднепрье: 1 – Jakuszowice; 2 – Jędzuchowice; 3 – Warnikam/Первомайское; 4 – Sztatnik; 5 – погр. Н-35к, Hünenberg/Гора Великанов; 6 – Hünenberg/Гора Великанов (каменная имитация наконечника стрелы); 7 – Dollkeim/Коврово (находка шлема типа Spangenhelm); 8 – Kunigiškiai-Pajevonis; 9 – Aukštadvaris; 10 – Vilnius; 11 – Taurapilis; 12 – Kerbavė; 13 – Widgiriai/Vidgiriai; 14–15 – Plinkaigalis; 16 – Узмень; 17 – Близнаки; 18 – Куприно; 19 – Демидовка; 20 – Владимирское; 21 – Барсучья Горка; 22 – Гостимля; 23 – Демьянка; 24 – Колодезный бугор (Кулаков 2002a: рис. 4).

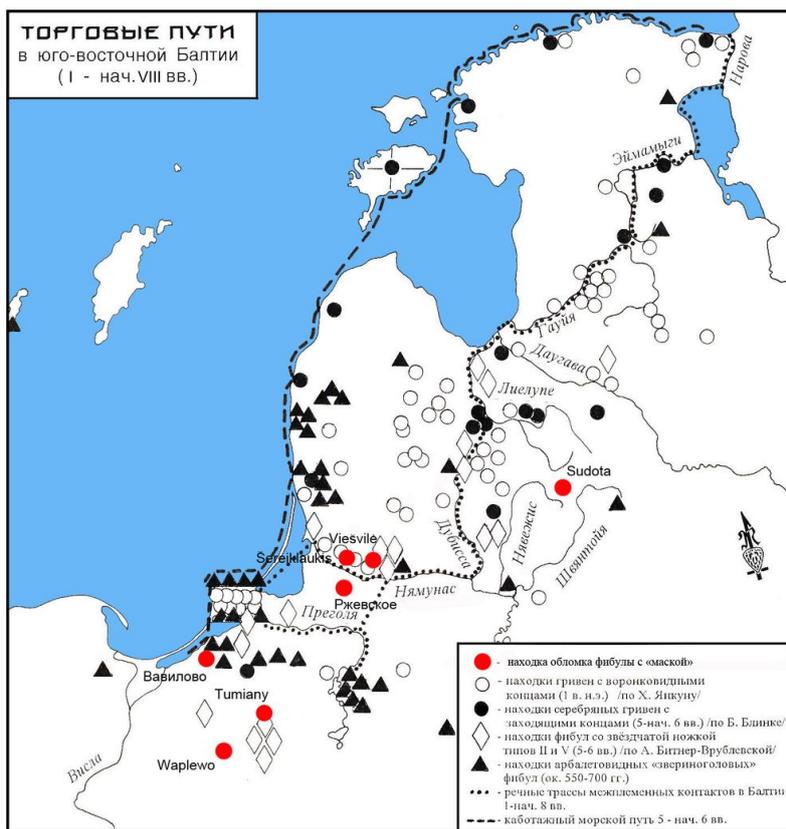

Рис. 4. Торговые пути в юго-восточной Балтии (I – нач. VIII вв. н.э.) (Кулаков 2023: рис. 9).

Рис. 5. Обломки пальчатых фибул, обнаруженные в юго-восточной Балтии (Кулаков 2023: рис. 3).

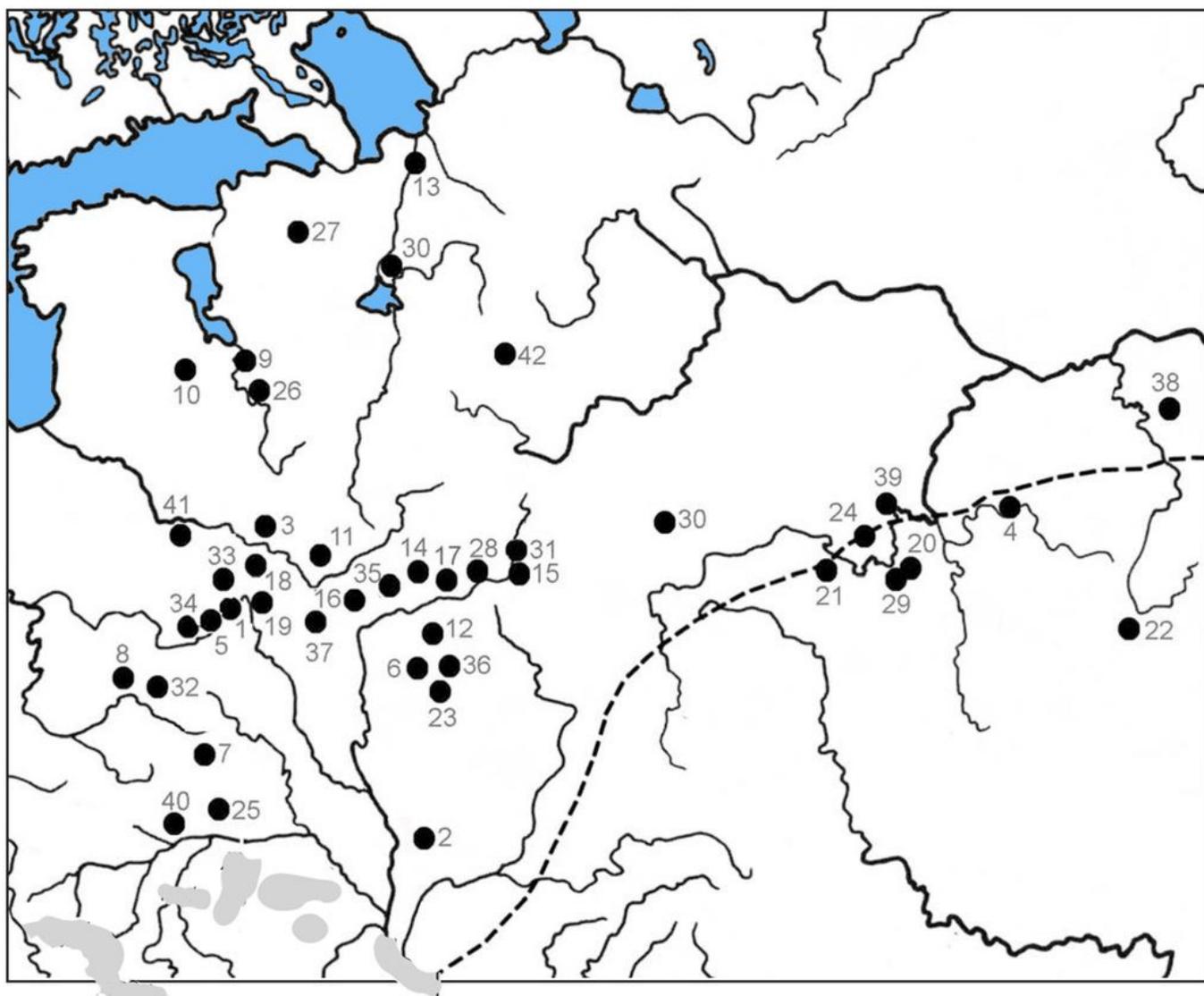

Рис. 6. Находки деталей женского убора дунайского происхождения в лесной зоне Восточной Европы: 1 – Дедиловича; 2 – Гомель; 3 – Борки; 4 – Шокша; 5 – Микольцы; 6 – Никодимово; 7 – Клецкий р-н Минской обл.; 8 – Городище; 9 – Псков; 10 – Изборск (Труворово городище); 11 – Бесатово; 12 – Цурковка; 13 – Ст. Ладога; 14 – Акатово; 15 – Лопино; 16 – Лужасна; 17 – Дроково; 18 – Язно; 19 – Лукомль; 20 – Гадеино; 21 – Рязанская обл.; 22 – Армиево; 23 – Слобода Глушица; 24 – Касимовский уезд; 25 – Курадово-1; 26 – Камно; 27 – Которск; 28 – Купники; 29 – Терехово; 30 – Прость; 31 – Хатынь; 32 – Сосенка; 33 – Некасецк; 34 – Засвирь; 35 – Заозерье; 36 – Арефино; 37 – Еленово; 38 – Селикса; 39 – Кораблино; 40 – Городище на Ясельде; 41 – Прудники; 42 – Вышка (Казанский 2020: рис. 1).

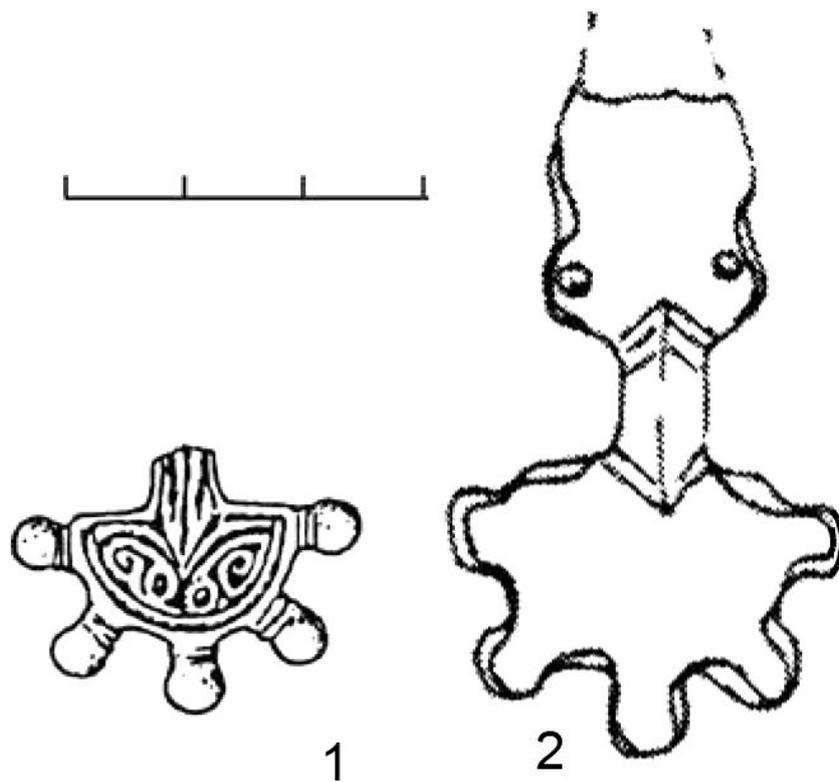

Рис. 7. Обломки пальчатых фибул, обнаруженные в лесной зоне Восточной Европы:
1 – Клецкий р-н Минской обл.; 2 – Гомель (Казанский 202: рис. 1).

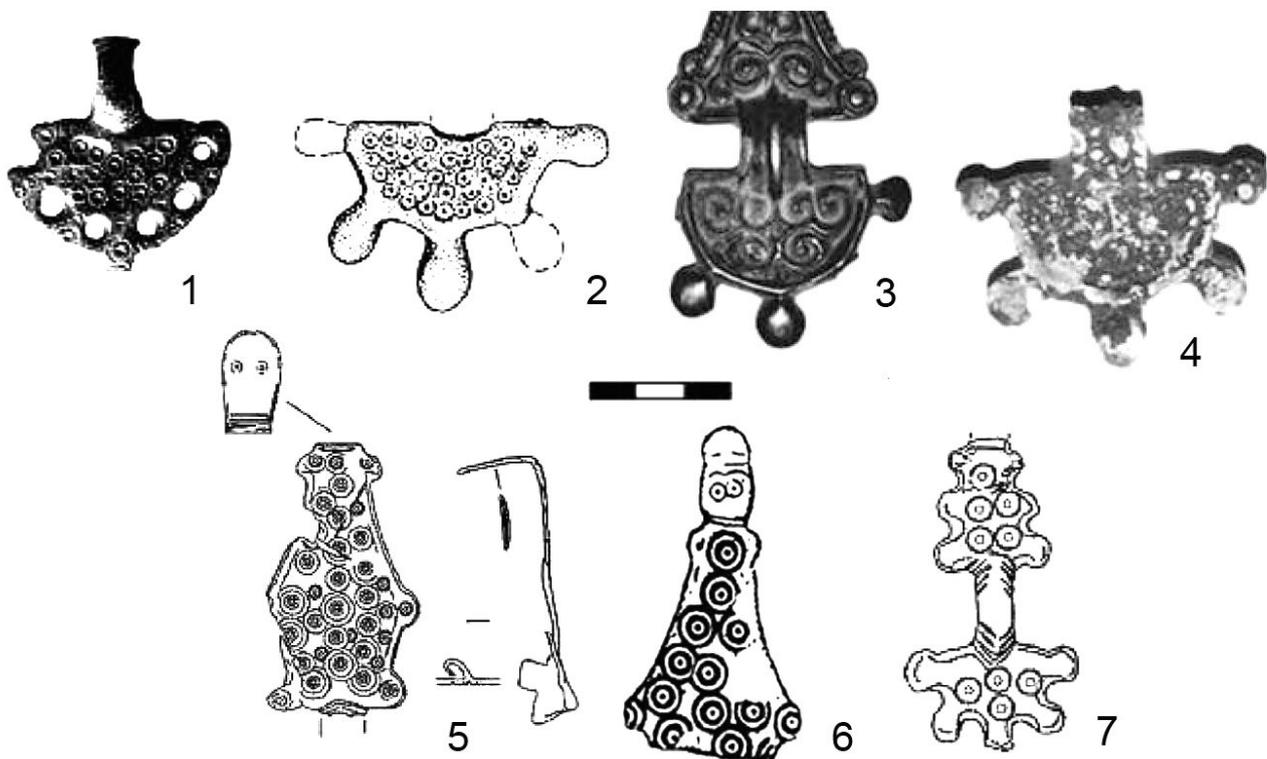

Рис. 8. Обломки пальчатых фибул, обнаруженные в бассейне р. Оки: 1 – Зиброво; 2 – Вязовна;
3 – около Надеино; 4 – Тереховское городище; 5-7 – селище Кривец-1 (Ахмедов, Гаврилов 2017: рис. 4-6).

ЛИТЕРАТУРА

- Ахмедов, Гаврилов 2017 - Ахмедов И.Р., Гаврилов А.П. «Славянские» фибулы в древностях рязанских финнов: старые и новые находки // *Élite ou égalité. Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII-XII вв.* СПб.: Бранко, 2017. С. 71-89.
- Казакявичюс 1988 - Казакявичюс В. Оружие балтских племён II-VIII веков на территории Литвы. Вильнюс: Мокслас, 1988. 160 с.
- Казанский 2020 - Казанский М.М. О расселении славян в лесной зоне Восточной Европы: предметы раннесредневекового убора дунайского происхождения (VI-IX вв.) // *Археологические вести.* № 28. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 258-271.
- Кулаков 1989 - Кулаков В.И. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII вв. (по материалам раскопок 1878-1938 гг.) // *Barbaricum-1989.* Warszawa: Instytut archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 1989. С. 148-273.
- Кулаков 2002a - Кулаков В.И. Эхо гуннских войн в Балтии // *Гістарычна-археалагічны зборник.* № 17. Мінск: Дэполіс, 2002. С. 101-111.
- Кулаков 2002b - Кулаков В.И. Руноподобные знаки и руны старшего футарка в древностях юго-восточной Балтии // *Civitas et castrum ad mare Balticum. Baltijas archeologijas un vestures problemas dzelzs laikmetā un viduslaikos.* Rīga, 2002. С. 435-460.
- Кулаков 2003 - Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. М.: Индрик, 2003. 364 с.
- Кулаков 2011 - Кулаков В.И. Декоративное искусство Янтарного края. Орнамент фибул V-VII вв. Saarbrücken: LAP Lambert Edition, 2011. 150 с.
- Кулаков 2012 - Кулаков В.И. Неманский янтарный путь в эпоху викингов. Калининград: ПЕН-клуб, 2012. 220 с.
- Кулаков 2017 - Кулаков В.И. Питьевые рога балтов с декорированными деталями // *Исторический формат.* 2017. № 1. С. 127-150.
- Кулаков 2018 - Кулаков В.И. Начало готского пути в Восточную Европу // *Записки ИИМК РАН.* № 18. СПб.: ИИИМК РАН, 2018. С. 89-99.
- Кулаков 2022 - Кулаков В.И. Янтарный берег в эпоху Аттилы // *Вестник Брянского государственного университета.* 2022. № 4 (54). С. 69-78.
- Кулаков 2023 - Кулаков В.И. Германский ритуал эпохи Меровингов – в балтских землях // *Учёные записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.* 2023. № 2 (47). С. 92-99.
- Радюш, Щеглова 2012 - Радюш О.А., Щеглова О.А. Волниковский «клад» и Курское Посеймье в эпоху Великого переселения народов. Курск: Курский областной Государственный музей археологии, 2012. 48 с.
- Magnus 2009 - Magnus B. The broken brooches // *Glaube, Kult und Herrschaft. Phänomene des Religiösen im 1. Jahrtausend n. Chr. in Mittel- und Nordeuropa. Phänomene des Religiösen im 1. Jahrtausend n. Chr. In Mittel- und Nordeuropa.* Bonn: Dr. Rudolf Habelt Verlag, 2009. S. 231-239.
- Prassolov 2018 - Prassolov J.A. Die völkerwanderungszeitlichen Dolchmesser der samländisch-natangischen Kultur auf dem Gebiet des ehemaligen Ostpreußens. Kiel: Wachholtz, 2018. 328 s.

REFERENCES

- Ahmedov, Gavrilo 2017 - Ahmedov I.R., Gavrilo A.P. «Slavyanskije» fibuly v drevnostyah ryazanskih finnov: starye i novye nahodki [“Slavic” fibulae in the antiquities of the Ryazan Finns: old and new finds], in: *Élite ou égalité. Severnaya Rus' i kul'turnye transformacii v Evrope VII-XII vv.* [Élite ou égalité. Northern Russia and cultural transformations in Europe of the VII-XII centuries], Saint-Petersburg, Branko Publ., 2017, pp. 71-89 [in Russian].
- Kazakyavichyus 1988 - Kazakyavichyus V. Oruzhie baltskih plemyon II-VIII vv. na territorii Litvy [Weapons of the Baltic tribes of the II-VIII centuries on the territory of Lithuania], Vilnyus, Mokslas Publ., 1988, 160 p. [in Russian].
- Kazanskij 2020 - Kazanskij M.M. O rasselenii slavyan v lesnoj zone Vostochnoj Evropy: predmety rannesrednevekovogo ubora dunajskogo proiskhozhdeniya (VI-IX vv.) [On the settlement of the Slavs in the forest zone of Eastern Europe: objects of early medieval headdress of Danube origin (VI-IX centuries)], in: *Arheologicheskie vesti* [Archaeological news], № 28, Saint-Petersburg, Institut istorii material'noj kul'tury RAN Publ., 2020, pp. 258-271 [in Russian].
- Kulakov 1989 - Kulakov V.I. Mogil'niki zapadnoj chasti Mazurskogo Poozer'ya konca V – nachala VIII vv. (po materialam raskopok 1878-1938 gg.) [Burial grounds of the western part of the Masurian Lake district of the late V – early VIII centuries. (based on the materials of the excavations of 1878-1938)], in: *Barbaricum-1989*, Warszawa, Instytut archeologii Uniwersytetu Warszawskiego Publ., 1989, pp. 148-273 [in Russian].
- Kulakov 2002a - Kulakov V.I. Ekho gunnskih vojn v Baltii [Echoes of the Hunnic Wars in the Baltic States], in: *Gistarychna-arhealogichny zbornik* [Historical and archaeological collection], № 17, Minsk, Depolis Publ., 2002, pp. 101-111 [in Russian].
- Kulakov 2002b - Kulakov V.I. Runopodobnye znaki i runy starshego futarka v drevnostyah yugo-vostochnoj Baltii [Rune-like signs and runes of the elder Futhark in the antiquities of the Southeastern Baltic], in: *Civitas et castrum ad mare Balticum. Baltijas archeologijas un vestures problemas dzelzs laikmetā un viduslaikos* [Civitas et castrum ad mare Balticum. Problems of Baltic archaeology and vesture in the Iron Age and Middle Ages], Rīga, 2002, pp. 435-460 [in Russian].
- Kulakov 2003 - Kulakov V.I. Istoriya Prussii do 1283 g. [The history of Prussia before 1283], Moscow, Indrik Publ., 2003, 364 p. [in Russian].
- Kulakov 2011 - Kulakov V.I. Dekorativnoe iskusstvo YAntarnogo kraja. Ornament fibul V-VII vv. [Decorative art of the Amber region. The ornament of fibulae of the V-VII centuries], Saarbrücken, LAP Lambert Edition Publ., 2011, 150 p. [in Russian].
- Kulakov 2012 - Kulakov V.I. Nemanskij yantarnyj put' v epohu vikingov [The Neman Amber Way in the Viking Age], Kaliningrad, PEN-klub Publ., 2012, 220 p. [in Russian].

Kulakov 2017 - Kulakov V.I. Pit'evye roga baltov s dekorirovannymi detalyami [Baltic drinking horns with decorated details], in: Istoricheskij format [Historical format], 2017, № 1, pp. 127-150 [in Russian].

Kulakov 2018 - Kulakov V.I. Nachalo got'skogo puti v Vostochnuyu Evropu [The beginning of the Gothic way to Eastern Europe], in: Zapiski Instituta istorii material'noj kul'tury RAN [Notes of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences], 2018, № 18, pp. 89-99 [in Russian].

Kulakov 2022 - Kulakov V.I. YAntarnyj bereg v epohu Attily [The Amber Coast in the era of Attila], in: Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Bryansk State University], 2022, № 4 (54), pp. 69-78 [in Russian].

Kulakov 2023 - Kulakov V.I. Germanskij ritual epohi Merovingov – v balt'skih zemlyah [The Germanic ritual of the Merovingian era – in the Baltic lands], in: Uchyonye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of the Novgorod State University], 2023, № 2 (47), pp. 92-99 [in Russian].

Magnus 2009 - Magnus B. The broken brooches, in: Glaube, Kult und Herrschaft. Phänomene des Religiösen im 1. Jahrtausend n. Chr. in Mittel- und Nordeuropa [Faith, cult and domination. Phenomena of the religious in the 1st millennium AD in Central and Northern Europe], Bonn, Dr. Rudolf Habelt Verlag Publ., 2009, pp. 231-239 [in English].

Prassolov 2018 - Prassolov J.A. Die völkerwanderungszeitlichen Dolchmesser der samländisch-natangischen Kultur auf dem Gebiet des ehemaligen Ostpreußens [The knives of the Samland-Natangian culture of the Migration period in the territory of the former East Prussia], Kiel, Wachholtz Publ., 2018, 328 p. [in German].

Radyush, SHCHeglova 2012 - Radyush O.A., SHCHeglova O.A. Volnikovskij «klad» i Kurskoe Posejm'e v epohu Velikogo pereseleniya narodov [Volnikovsky "treasure" and the Kursk Region in the era of the Great Migration of Peoples], Kursk, Kurskij oblastnoj gosudarstvennyj muzej arheologii Publ., 2012, 48 p. [in Russian].

Кулаков Владимир Иванович

– доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии РАН (Москва, Россия).

Vladimir Kulakov

– Doctor of Historical Sciences, Leading researcher of Department of Archeology of an Migration Period and early Middle Ages of Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

drkulakov@mail.ru

ВЕЧЕВОЕ ПРАВОСУДИЕ И МОТИВ МЕСТИ В КИЕВСКИХ СОБЫТИЯХ 1147 Г.: СМЕРТЬ ИГОРЯ ОЛЬГОВИЧА

С.Б. Чебаненко

Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9
e-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru
ResearcherID: M-8987-2013
Scopus Author ID: 56401858700
<https://orcid.org/0000-0002-7695-5482>
SPIN-код: 5782-9634

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

Непосредственной причиной для расправы киевлян с князем Игорем Ольговичем в 1147 г. была месть в ответ на планы его родственников, черниговских князей и его родного брата Святослава, пленить или убить киевского князя Изяслава Мстиславича. Именно вина в смерти Игоря Ольговича его родственников неоднократно подчеркивается в летописи. Родственные связи Игоря Ольговича и князей, уличенных в планах покушения на киевского князя, соответствуют указанному в Русской Правде кругу лиц, участвующих в мщении. Здесь проявилась обратная сторона этого института – не право на месть, а коллективная ответственность за преступления, когда мщение обращается на родственников преступника. Изяслава Мстиславича киевляне считали «своим» князем, а Игоря Ольговича чужим, «врагом», как и князей – участников покушения. Убийство Игоря киевлянами можно трактовать как реликт межгрупповой мести-войны, когда коллектив реагирует на угрозу своим членам. Игорь был убит по решению веча и подвергся общинной казни в форме коллективного избияния. Использованная летописцем и сознательно измененная библейская цитата из описания Страстей Христовых, приписываемая Игорю Ольговичу – «почто яко разбойника хочете мя убити?» – прямо указывает на практику «потока и разграбления», общинной расправы с «разбойниками» и другими «злодеями», которой подвергся и князь.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вечевое правосудие, вечевая казнь, месть, 1147 г., «братучадо», Игорь Ольгович, разбойник, «поток и разграбление».

VECHE JUSTICE AND THE MOTIVE OF REVENGE IN THE KIEV EVENTS OF 1147: THE DEATH OF IGOR OLGOVICH

Sergey Chebanenko

St. Petersburg State University
Russia, 199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9
e-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

ABSTRACT

The immediate reason for the reprisal of the Kievans against Prince Igor Olgovich in 1147 was revenge in response to the plans of his relatives, the Chernigov princes and his brother Svyatoslav, to capture or kill Izyaslav Mstislavich, Prince of Kiev. It is the guilt of these relatives in the death of Igor Olgovich that is repeatedly emphasized in the chronicle. The family ties of Igor Olgovich and the princes, convicted of plans to assassinate the Kiev prince, correspond to the circle of persons involved in the revenge given in the Russian Pravda. Here the reverse side of the institution of vengeance was manifested – not the right to revenge, but the collective responsibility for crimes, when revenge is turned on the relatives of the criminal. The Kievans considered Izyaslav Mstislavich as “their” prince, and Igor Olgovich as an alien, “enemy”, just like the princes - participants of the attempt. Igor's murder by the Kievans can be interpreted as a relic of intergroup revenge-war, when the collective reacts to a threat to its members. Igor was killed by decision of the veche and was subjected to communal execution in the form of collective beating. A deliberately changed biblical quotation from the description of the Passion of Christ that is attributed to Igor Olgovich – “why do you seek to kill me as if I was a robber?” – directly points to the practice of collective punishment “flow and plunder”, communal reprisals against “robbers” and other “villains”, to which the prince was also subjected.

KEYWORDS: veche justice, veche execution, revenge, 1147, “bratuchado” (“brother's son”), Igor Olgovich, robber, “flow and plunder”.

В 1147 г. в Киеве был убит князь Игорь Ольгович, ставший киевским князем годом ранее после смерти брата Всеволода, который передал ему стол ещё при жизни. По вокняжении Игоря состоялось несколько вечевых собраний, после которых князь был вынужден заключить договор, «ряд» «на всей воле» киевлян. Но князь, как и все Ольговичи был в Киеве непопулярен (Всеволод захватил стол силой, а его правление не устраивало киевлян). Вскоре киевляне договариваются с новым претендентом на Киев, Изяславом Мстиславичем, переходят на его сторону, а Игорь оказывается под арестом в «порубе» (ПСРЛ. II: 320-327).

Получив киевский стол, Изяслав ведет борьбу с Юрием Долгоруким за его удержание. Он узнает, что его союзники, черниговские князья (Изяслав и Владимир Давыдовичи, Святослав Всеволодович) нарушив крестоцелование, сговорились с братом Игоря, Святославом Ольговичем, чтобы «убить лесью», «любо яти во Игоря место» его, Изяслава. Причиной было то, что их родственник, Игорь все еще под арестом (к этому времени он принял монашеский постриг) (ПСРЛ. II: 344-347). Изяслав, бывший в военном походе, шлет в Киев на вече двух киевлян (ПСРЛ. I: 316) звать людей на войну, рассказав им «лесь Черниговских князьи», указывая также: «ти бо суть не мене одного хотели убити, но и вась искоренити». На вече киевляне соглашались идти на войну, но вспоминают об Игоре, решают его убить, и, несмотря на протесты и противодействие тысяцких, митрополита и Владимира, брата Изяслава, убивают (ПСРЛ. II: 348-353)¹.

Причины убийства Игоря назывались самые разные. Это и устранение опасного врага у себя дома, пока все боеспособное население будет на войне, совершенное по воле народа (Соловьев 1988: 436-437; Грушевский 1891: 175; Сергеевич 1908: 21; Фроянов 1995: 289-290) или в силу интриг Изяслава Мстиславича (Черепнин 1965: 257; Рыбаков 1971: 109; Толочко П. 1987: 233; Котляр 2018: 24). Советские историки усматривали здесь классовую подоплеку, считая убийство Игоря расправой с ненавистным, но уже неопасным феодалом (см. например: Тихомиров 1955: 158). В качестве дополнительной причины поступок киевлян объясняют и недоверием жителей к «необратимости» пострига Игоря (Шалапин 2013: 87; Гайденко 2015: 67). В новейшей историографии рассматриваются языческие мотивы убийства (Фроянов 1995: 290-299; Майоров 2001: 394-405; Лисюченко 2009: 52-58). События, связанные с убийством Игоря, исследуются в контексте веча (Сергеевич 1908: 93; Толочко П. 1972: 141; Рыбаков 1993: 492; Фроянов 1995: 289; Майоров 2001: 401; Вилкул 2009: 315). Причиной жестокой кары называют и злодеяния в отношении киевлян: Игорь, как и его брат, Всеволод грабил жителей, насиловал их жен и дочерей; став киевским князем, Игорь нарушил условия «ряда» (Фроянов 1995: 289; Майоров 2001: 402).

1 Лаврентьевская летопись содержит важные детали, отсутствующие в Ипатьевской летописи, но в целом, воспроизводит её рассказ (ПСРЛ. I: 315-318). В Новгородской первой летописи содержится только краткая запись: «Убиша кияне князя Игоря Ольговича» (ПСРЛ. III: 214).

Игорь был казнен, подвергшись вечаемому правосудию, в сферу действия которого попадали лица, нанешие вред всему коллективу, который представляло вече, в первую очередь – представители власти. При этом в большинстве случаев не отмечается разбирательств по выяснению виновности, поскольку злоупотребления и проступки виновных как правило были хорошо всем известны. Выступление на вече посланников от Изяслава Мстиславича, которые рассказали о заговоре союзных черниговских князей с целью его убийства, было воспринято как свидетельство их вины. Наказание виновных лиц обычно сопровождалось общественным волнением, однако ситуация не сводилась к бесчинствам толпы, процедура наказания осуществлялась в соответствии с определенным порядком. К различным мерам в отношении подвергшихся наказанию приступали после вечаемого решения (см.: Чебаненко 2013: 69-94).

В целом, причины убийства князя были достаточно сложными, коренились они и в политической сфере и, в религиозной, и в правовой. Главные причины крайнего озлобления народа, приведшего к убийству Игоря – преступления против киевлян. Полагаем, можно выделить еще один мотив, послуживший непосредственной причиной казни. Вече, на котором было принято решение убить Игоря, можно разделить на две части. На первой речь идет о преступлении черниговских князей, она завершается согласием киевлян идти на них войной, на второй решается судьба Игоря. Если о первой части в летописях говорится подробно, то обсуждению участи князя уделено мало внимания, дается лишь его итог.

МОТИВ МЕСТИ

На вече обсуждалась вина Давыдовичей и Святослава Всеволодовича, но раздражение народа «совершенно неожиданно обратилось против Игоря» (Грушевский 1891: 175. См. также: Вилкул 2009: 235). Убедительного объяснения этому повороту², на наш взгляд, историки не дали (или недостаточно акцентировали внимания на этот момент (см. например: Толочко П. 2003: 135, 139). Между тем сами киевляне ясно и недвусмысленно объясняют свой поступок: «Игорь ворог нашего князя и наш» (ПСРЛ. II: 349). На упреки тысяцкого они отвечают: «не мы его убили, но Олгович, Давыдовича и Всеволодичь, оже мыслили на нашего князя зло, хотяче погубить лесью» (ПСРЛ. II: 353. См. также: ПСРЛ. I: 318). То же говорит и дружина Изяслава, успокаивая его насчет возможных обвинений в убийстве Игоря: «Бог ведает и вси людье, яко не ты его (убил, но уби сут братия его), оже хресть к тебе целоваше и паки ступиша и лесью над тобою хотели учинити и убити хотяше» (ПСРЛ.

2 А.П. Толочко (Толочко А. 2008: 330-334) полагает, что собравшиеся на вече уже изначально находились в возбужденном и мятежном состоянии, именно так понимая глагол «въстати» в летописной фразе «въставшем же имь на вечи» (ПСРЛ. II: 348). Впрочем, подобное толкование фразы подверглось аргументированной критике (Лукин 2014: 320-322).

II: 355)³. В.Н. Татищев приводит известие о том, что жители Курска в ответ на призыв Святослава Ольговича выступить против Изяслава отказываются и отвечают ему: «брата твоего не Изяслав убил, но Давыдовичи своєю превратностию и непристойным противо Изяслава и киевлян предприятием, что киевлянам слыша, тяжко было с терпением снести» («се бо убий брата твоего не Изяслав, но Давыдовичи») (Татищев. II: 177; IV: 211)⁴.

Слова, приводимые в Киевской летописи⁵, конечно, можно списать исключительно на результат работы летописца, прославляющего и выгораживающего Изяслава Мстиславича (см.: Толочко П. 2003: 139) (в Лаврентьевской это проявляется менее сильно, разговор Изяслава с дружиной отсутствует⁶). Но какой в этом смысл, если и без того было общеизвестно, что инициаторами и непосредственными исполнителями казни выступили киевляне, причем в отсутствие князя, да и убит Игорь был открыто, а не тайно⁷? В данном случае Изяслава выгораживать совершенно незачем, а если и обелять фигуру князя, то уместнее было бы указать причину расправы, вовсе не связанную с его именем. Но по летописи киевляне и дружина настаивают, что убийство Игоря было следствием именно планов покушения черниговских князей на киевского князя⁸. Изяслав, по-видимому, действительно не мог предполагать, что его обвинения черниговских князей, прозвучавшие на вече, послужат

- 3 Т.Л. Вилкул усматривает здесь пример текстового дублирования автором Ипатьевской летописи: в ответе дружины Изяславу воспроизведены приведенные выше слова киевлян тысяцкому, «еще раз подчеркнуто, что Изяслав к этим событиям непричастен» (Вилкул 1999: 10). Отметим, однако, что, передавая общий смысл первого фрагмента, ответ дружины довольно сильно отличается от слов киевлян. Применительно к другим примерам возможного дублирования исследовательница допускает привлечение дополнительных, кроме самой летописи, источников (Вилкул 1999: 12-13).
- 4 Симпатии курян действительно были на стороне Мономахичей (ПСРЛ. II: 355). Курск еще не закрепился за Черниговом и был во владении то Мономахичей, то Ольговичей (Зайцев 1975: 70, 91-93).
- 5 Текст Ипатьевского, Хлебниковского и близких к ним списков с 1118 г. и до конца XII в. Ряд уникальных известий Киевской летописи можно считать частями цельного повествования, посвященного в основном событиям Южной Руси, но содержащем подробности происшедшего и в других землях.
- 6 В Ипатьевской версии большинство дополнительных фрагментов светского характера, читаемой в летописи «Повести об убийстве Игоря Ольговича», отсутствующих в Лаврентьевской летописи, направлены на оправдание Изяслава Мстиславича (см.: Вилкул 1999: 11-16; 2009: 208-221).
- 7 Как подчеркивает Т.Л. Вилкул, Ипатьевская, Лаврентьевская и Новгородская первая летописи сообщают об убийстве Игоря Ольговича без значительных расхождений, ясно указывая на виновников – киевлян (Вилкул 2009: 315, прим. 353). Кроме того, в источниках нигде нет параллельных указаний, что в его смерти был замешан Изяслав. Между тем в других случаях расправ над князьями в разных летописях приводятся альтернативные варианты, где в одних случаях вина возлагается на князей, а в других – на вече (вечевой суд). Последнее могло «затенять злодеяния или сомнительные поступки правителей» (Вилкул 2009: 315-316).
- 8 Возможный вариант объяснения упорного педалирования этого мотива летописцем (кроме того, что он действительно прозвучал на вече и считался справедливым) – дезавуировать обоснованность любых претензий со стороны брата убитого, Святослава Ольговича, считавшего себя вправе всячески мстить Изяславу (Ольговичи прямо называли Изяслава убийцей Игоря: ПСРЛ. I: 321; ПСРЛ. II: 376) и Изяслав невиновен (он отсутствовал в Киеве во время казни) и сам Святослав с Давыдовичами своим предательством спровоцировали киевлян на расправу.

причиной расправы с Игорем, но, когда это случилось, стремился снять с себя все возможные подозрения, что особенно отразилось в варианте изложения событий Киевской летописи.

Таким образом, по словам киевлян, покушение на Изяслава, а тем самым и на киевлян, справедливо (и неизбежно?) повлекло за собой смерть Игоря⁹. Все князья, замешанные в планах убийства Изяслава, действительных или мнимых, были близкими родственниками Игоря: Святослав Ольгович – брат, Давыдовичи – двоюродные братья, Святослав Всеволодович – племянник; все они принадлежали к нелюбимой киевлянами черниговской ветви Рюриковичей¹⁰. В литературе отмечалось, что Игорь нес прямую ответственность за действия старшего брата, Всеволода, поэтому князь пострадал и за грехи времен правления того в Киеве (Фроянов 1995: 289; Майоров 2001: 402). Но как видно из приведенных данных, он отвечал и за действия других родственников. Следовательно, непосредственной побудительной причиной для расправы киевлян над Игорем Ольговичем была месть за князя, Изяслава Мстиславича (по крайней мере, для киевлян это служило достаточным объяснением своих действий)¹¹, которого, в отличие от Ольговичей, они считали «своим», что постоянно подчеркивается в летописи (об этом далее).

О праве родственников на месть говорится в Русской Правде. По ст. 1 Краткой Правды «мстить брату брата, или сынови отца, любо отцу сына, или братучадоу, любо сестриноу сынови» (Правда Русская 1940: 70). По ст. 1 Пространной Правды «мстити брату брата, любо отцу, ли сыну, любо братучадо, ли братню сынови» (Правда Русская 1940: 105).

Месть за убийство брата признается обеими редакциями Русской Правды, более того, брат в качестве мстителя называется первым. «Братню сынови» Пространной Правды – племянник со стороны брата. «Братучадо», по крайней мере, в Пространной Правде, необходимо считать обозначением двоюродных братьев по мужской линии (Тихомиров 1953: 87). Но если применить это понимание термина к Краткой Правде, то мы столкнемся с определенными сложностями: выходит, что двоюродные братья могут мстить друг за друга, а племянник («братню сынови», который не указан в Краткой Правде) за дядю и наоборот – нет.

В Краткой Правде отражен более широкий семейный союз (точнее участие в семейных делах, в том числе во мщении, более широкого круга родственников),

9 Ср. краткое замечание Г. Подскальски: «В Киеве Владимир и Изяслав считались подлинными инициаторами убийства своего двоюродного брата Игоря Ольговича, погибшего в 1147 г. от рук толпы; их подозревали также и в неудавшемся покушении на своего союзника киевского князя Изяслава Мстиславича» (Подскальски 1996: 478).

10 Изяслав Мстиславич тоже состоял с ними в родстве, хотя и не столь близком. Об отношении Изяслава с участниками событий в рамках родственных и политических отношений см.: Лаврентченко 2020: 42-55.

11 Вообще же тема мести в усобице середины XII в. вокруг Киева имела особое значение: Святополк Ольгович желал отомстить Изяславу Мстиславичу за плененного и потом убитого брата, Игоря, а позже Юрий Долгорукий пытался расквитаться за личные и политические «обиды», нанесенные Изяславом (Лаврентченко 2020: 45-46, 47, 53).

нежели в Пространной – там еще допускается месть племянника со стороны сестры («сестриноу сынови»)¹². Однако в Краткой Правде ничего не упоминается о возможности мести племянника со стороны брата («братню сынови» Пространной Правды). В Пространной Правде сын сестры уже исключен из числа мстителей, но несколько неожиданно появляется «братню сынови», сын брата.

Полагаем, что термин «братучадо» Краткой Правды обозначал и племянников – детей братьев и двоюродных братьев по мужской линии (чьи отцы, соответственно, были братьями). Таким образом, термин обнимал потомков братьев, а сын сестры под это определение не попадал¹³. Это слово в славянских языках присутствует изначально в обоих значениях, «наиболее первоначальным» является: «дети [двух] братьев» (Этимологический словарь. Вып. 3: 8)¹⁴. Тогда по Краткой Правде мстить друг за друга могут и потомки братьев, и потомки сестер мужского рода и дяди с племянниками. Пространная Правда, исключая сыновей сестер из числа мстителей, более дифференцированно раскрывает состав родственников, имеющих право на месть: из состава «братучад» выделяется «братню сынови» – племянник, а «братучадо» применяется уже в более узком смысле – как обозначение двоюродных братьев по мужской линии¹⁵.

Непосредственной причиной смерти Игоря, наложившейся на неприязнь к нему самому и его ближайшим родственникам, стала месть киевлян одному из представителей враждебного лагеря за покушение на их князя «лестью». Родственные связи черниговских князей вполне укладываются в приведенные выше нормы Русской Правды как Краткой, так и Пространной редакций (а нормы последней отражали живую практику XII-XIII столетий) относительно круга лиц, имеющих пра-

во на месть и ответственных за проступки родичей¹⁶. Здесь проявилась обратная сторона института мести – не право на мщение, а коллективная ответственность за преступления, когда кара обращается на родственников преступника. Смерть родственников преступника вполне могла успокоить чувство мести (или послужить началом отмщения): «мстители могли поставить в центр предполагаемого круга жертв самого убийцу, и если месть ему лично казалась невыгодной, нецелесообразной, а также если убийца оставался недостижимым для мести, то кару возлагали на голову ближайшего родственника убийцы, вполне подходящего для роли жертвы. (...) В глазах преследователей человек, которому мстят, является одновременно представителем враждебного рода и ближайшим родственником убийцы, равноценной заменой последнего» (Шаргородский 1957: 11; Мальцев 2012: 277). Сомнительно, конечно, чтобы на вече апеллировали к нормам Русской Правды, но для присутствующих не являлись секретом ни родственные связи Игоря Ольговича, ни порядок мщения в зависимости от степеней родства, и в определенный момент это сыграло свою роль. В данном случае стихийно сработал своеобразно реализованный киевлянами механизм мщения, который шел вразрез с практикой разрешения межкняжеских споров, решаемых в это время самими князьями не столь радикально (например, так, как сам Изяслав поступил с Игорем – лишив свободы).

Обычай мести были сильны на Руси XII-XIII вв. и всё еще признавались юридически (совершенно точно – в отношении правил выплат, изначально заменяющих умерщвление убийц мстителями). Попытка князей Ярославичей в третьей четверти XI в. заменить убийство из мести выплатой «кун» вполне успеха, по-видимому, не имела (Викторский 1912: 22; Дьяконов 1912: 51; Kaiser 1980: 62-66; Фроянов 1995: 366-369; Чебаненко 2016: 49-59). Даже если и закрепилось «отложение» «убиения за голову» на юридическом уровне, это не значит, что обычаи мщения были немедленно искоренены; мы видим примеры её применения в форме уничтожения убийц (и других «злодеев») и после её «отмены» (см.: Чебаненко 2016: 55-56; 2017: 88-90). То, что Изяслав Мстиславич не был убит, не отменяет вышесказанного: убийство из мести может следовать не только в ответ на состоявшееся убийство, но и на покушение, оскорбление¹⁷ и иные «обиды». Хотя убийство кого-либо было основной причиной мести, перечень обид, её инициирующих, у народов, практиковавших месть, был довольно внушительным (см.: Мальцев 2012: 280-286).

Итак, киевская община посчитала возможным вступить в межкняжеские разногласия, а, по сути, мстить за своего князя (и за свои обиды). По отношению к внешнему миру, иным землям Руси, тому же Черниго-

12 М.Л. Лавренченко убедительно показала, что Краткая Правда отражает представления о семейном укладе, присущем дохристианской традиции, в рамках которой характерны особые тесные отношения между сыном сестры и братом матери, а составитель Пространной Правды исходил из собственных представлений, согласно которым сын сестры вряд ли мог осуществлять месть за дядю (Лавренченко 2018: 360-371). Тем не менее, несмотря на распространение малой семьи в отдельных «цивилизованных» центрах, у восточных славян в XI – начале XIII вв. продолжали сохраняться архаичные традиции семейной общины, большой патриархальной семьи (Разумов 2017: 64-70).

13 Подобное понимание термина было выдвинуто довольно давно (Дубенский 1843: 18).

14 На многозначность слова указывается и в словарях русского (древнерусского) языка. Под ним понимается «племянник, сын брата», «двоюродный брат» (эти значения даются применительно к разным случаям употребления слова «братучадо», не вместе), а также «двоюродная сестра», «племянница», «родственник», «родственница» (Словарь XI-XVII вв. Вып. 1: 326; Словарь XI-XIV вв. Т. 1: 310-311). Представительную подборку употребления слова «братучадо» в древнерусских и известных на Руси церковнославянских произведениях см.: Лавренченко 2018: 361-362. В словарях на примере ст. 1 Краткой Правды слово «братучадо» раскрывается только в значении «племянник, сын брата» (Словарь XI-XVII вв. Вып. 1: 326; Словарь XI-XIV вв. Т. 1: 310-311; Срезневский Т. 1: 172).

15 В упомянутом специальном исследовании на этот счет М.Л. Лавренченко замена терминов рассматривается традиционно: как превращение слова «братучадо»-«сын брата» Краткой Правды в «братучадо»-«двоюродный брат» Пространной Правды (Лавренченко 2018: 360-371. См. также: Разумов 2017: 71).

16 На значимость терминов родства в межкняжеских отношениях в реализации принципов взаимопомощи, в частности, кровной мести применительно к событиям середины XII в. указала М.Л. Лавренченко (Лавренченко 2020: 45-46, 47).

17 В ответ на угрозу или оскорбление действием Пространная Правда постановляет (ст. 26): «Не терпя ли противу тому ударить мечем, то вины ему в томь нетуть» (Правда Русская 1940: 106), даже если это повлечет за собой смерть. См. также: Шаргородский 1957: 11.

ву, Изяслав действительно считается «своим». Частым или обычным обращением князей к вечу, представителям «земства» было «братья» (ПСРЛ. I: 316, 317, 327, 499; ПСРЛ. II: 323, 348-349, 351-352, 370, 656-657; ЛПС 1851: 110)¹⁸. «Братья Кияне» – так обращается Изяслав Мстиславич в письме к вечу, которое закончилось расправой с Игорем Ольговичем, а во время самой расправы, пытавшийся остановить толпу Владимир Мстиславич, брат Изяслава, восклицает: «брате моя, не мозите сего створити» (ПСРЛ. II: 348-349; 351-352)¹⁹.

В ряде известий Киевской летописи, которые можно считать частями цельного повествования, посвященного в основном событиям Южной Руси, отражена и иная фразеология: «В «речах» горожан князю можно выделить устойчивые выражения «мы есте людие твои» и «ты еси наш князь». (...) Эти формулы могли складываться в единую семантически перформативную фразу «мы людие твое, а ты еси наш князь»» (Лавренченко 2023: 108)²⁰. Слово сочетание «ты наш князь» встречается и в обращениях киевлян к Игорю Ольговичу в статье 1146 г. (ПСРЛ. II: 320-322). Однако, летопись отмечает, что «своим» киевляне по-настоящему его не считали: «Они же вси целоваша к нему кръсть, рекуче: “ты намъ князь” и яшася по нь льстью» (ПСРЛ. II: 320-321). Те же слова, но, судя по всему, вполне искренние, киевляне неоднократно адресовали Изяславу Мстиславичу (ПСРЛ. II: 323, 397, 401). Это обращение народа к князю К.С. Гвозденко считает частью процедуры интронизации (Гвозденко 2009: 34). По наблюдениям М.Л. Лавренченко, «Слова «ты наш князь» произносятся горожане, совершая выбор, к какой коалиции Рюриковичей присоединиться, какого князя пригласить на стол, что отражает договорной, а не церемониальный характер взаимодействия» (Лавренченко 2023: 108). Очень показательным, что даже будучи вынужденными на определенном этапе борьбы Изяслава за Киев отказаться ему в поддержке, киевляне обещают свою лояльность в будущем: «Не погуби нас, ни самъ не погыни, но ты наш князь, коли си(ле)нь будеши – а мы с тобою, а ныне не твое веремья, поеди прочь» (ПСРЛ. II: 401). Таким образом, сколь бы ни была в данном случае одиозна Киевская летопись, всемерно прославляющая Изяслава, он действительно пользовался поддержкой киевлян и был по-настоящему «своим» – особенно сравнительно с Ольговичами и с черниговскими князьями в целом.

Мотив мщения в отношениях между «людьми» и князьями, причем направленного в обе стороны, не часто, но встречается. Он мог реализовываться в рамках межкняжеских, межволостных («межплеменных») и внутриволостных конфликтов. Княгиня Ольга

18 Использование такого обращения может указывать на особые отношения князя с местным обществом, закрепленным определенными ритуалами, например, совместными пирами (см.: Чебаненко 2013: 90-92).

19 Ранее, в 1146 г., ещё готовясь сместить Игоря, Изяслав обращается «братья» к собранию своих сторонников, включающих представителей от Киева («Кияне мужи»), Белгорода, Василева, Чёрных клубуков и «всего Поросья» (ПСРЛ. II: 323).

20 Эти выражения использовались и в других ситуациях: «Под словом “князь” часто подразумевается именно лидер, предводитель войска, а не локальный правитель» (Лавренченко 2023: 108).

мстит древлянам за смерть Игоря, сочетая расправы с отдельными лицами и военные мероприятия (ПСРЛ. I: 55-60). В 1097 г. князья Василько и Владимир Ростиславичи в отместку за ослепление первого перебили жителей г. Всеволожа («створи мщенье на людях неповинных»). Городом владел их враг Давид Игоревич по чьей инициативе был изувечен Василько Теребовльский. После, осадив Владимир-Волынский, братья добились выдачи на повешение Лазаря и Василя – приближенных Давида или лидеров враждебной братьям владимирской общины, которые «намолвили» Давида ослепить Василька («се же 2-е мщенье створи») (ПСРЛ. I: 267-268). В начале XIII в. (в 1210 или 1211 г.) в Галиче были убиты черниговские (северские) князья Игоревичи, некоторое время правившие в Верхнем и Среднем Поднестровье, галичане их «повесили мсти ради» (ПСРЛ. II: 727; см. также: ПСРЛ. III: 251). Помимо различных внешне- и внутриволостных причин свержения и последующей казни Игоревичей²¹, необходимо отдельно отметить их жестокие репрессии, убийства местного боярства, также немаловажным фактором было то, что князья были чужаками для местного общества.

Не считали «своим» Игоря Ольговича и киевляне: «Игорь ворог нашего князя и наш» (ПСРЛ. II: 349). Помимо кровной мести за родственников, которую обычно и подразумевают, говоря об институте мщения в Древней Руси, существовала и некровная месть, которая реализовывалась в отношениях между «родами, кровнородственными группами, племенами, общинами» (Мальцев 2012: 281, 208-282). Именно в таком ключе может рассматриваться месть древлянам княгини Ольги. Отмщение, реализованное в убийстве Игоря Ольговича, можно трактовать как реликт межгрупповой мести-войны – тем более, что рассматриваемые события начались с призыва Изяслава Мстиславича киевлянам идти войной на Чернигов и черниговских князей. Киевляне с охотой на это согласились, они заявили: «идем по тебе и с детми», «Игорь ворог нашего князя и наш... а убивше того к Чернигову поидем по своемъ князи, кончамы же ся с ними» (ПСРЛ. II: 349), «Князь нас вабить к Чернигову, а zde ворогъ нашего и нашъ, а хочемъ и (Игоря – С.Ч.) убити, поити же хочем биться за своего князя и с детми» (ПСРЛ. I: 317). Согласно Лаврентьевской летописи, киевляне, отвечавшие Владимиру, брату Изяслава Мстиславича, резюмируют свою позицию так: «мы хочемъ убити Игоря, мы ведаемъ, оже не кончати добромъ с темъ племенемъ ни вамъ ни намъ» (ПСРЛ. I: 317). Коллективный субъект, киевская община в ходе межкняжеской и межволостной борьбы с черниговскими князьями и Черниговской землей мстит представителю противоположного лагеря за покушение его родственников на своего князя.

УБИТЬ «ЯКО РАЗБОИНИКА»

Способ умерщвления Игоря отличался от убийства из мести, которое, как правило, осуществлялось в форме повешения (Чебаненко 2016: 167-171; 2017: 88-90) –

21 Источники возлагают ответственность за их смерть то на галичан, то на враждебных Игоревичам князей (см.: Вилкул 2009: 132-135).

он погиб от рук толпы: как следует из летописи, он был избит до смерти²². По словам летописца, киевляне «въпияша, глаголя: побейте, побейте, побейте» (ПСРЛ. II: 351) (здесь, видимо, в значении – «убейте»), в рассказе об убийстве Игоря неоднократно говорится, что Игоря именно били в течение какого-то времени («бъюче Игоря», «народъ ... побивше», «Игорь же побиваемъ», «безаконии немилостливи побивше»), пока не «прикончаша» («оубиша») (ПСРЛ. I: 317-318; II: 351-353).

Обратим внимание на деталь, которой исследователи не придают самостоятельного значения, рассматривая её исключительно как пример летописного заимствования из библейских книг. Игорь обращается к киевлянам, выволокшим его из церкви, где он укрывался: «почто яко разбойника хочете мя убити?» (ПСРЛ. II: 351). Эта фраза является цитатой из Евангелия от Матфея 26:55 (Podskalsky 1987: 284; Вілкул 1999: 24-36; Вілкул 2009: 234; Лукин 2012: 189) (та же фраза повторяется и в Евангелии от Луки 22:52), а вся сцена расправы с Игорем изложена в подражание Страстям Христовым, когда реальные детали переплетаются с цитатами, подкрепляющими построения летописца. На известную картину убийства накладываются сцены библейских сюжетов (Podskalsky 1987: 284; Вілкул 1999: 24-36). Кроме того, отмечаются параллели с борисо-глебским циклом (Лихачев 1947: 221; Еремин 1966: 119; Чижевський 1994: 154; Вілкул 1999) и другими сочинениями (Толочко П. 2010: 17-22).

На основании этого делается вывод, что эти слова не несут никакой информации о реально происшедших событиях, не имеют отношения к подробностям смерти князя (Лукин 2012: 189). Между тем, это не так. В самом заимствовании этой детали нет сомнений, равно как и, в целом, в стремлении летописца уподобить кончину Игоря мученичеству Христа, но необходимо отметить, что эта фраза была применена как нельзя более удачно²³: способствуя решению указанной задачи и, по большому счету, не искажая изображения имевшей место сцены расправы с князем.

Рассматриваемая цитата была несколько переиначена, чтобы приспособить её к описываемым событиям. В Евангелии от Матфея Иисус обращается к народу, говоря, что люди, вооруженные мечами и посохами (дубинами, кольями) как на разбойника, пришли за ним,

22 Значение действий, сопровождавших коллективное убийство Игоря (срывание одежды жертвы, волочение, проведение по общественно-значимым местам, перемещение тела вне центра города и проч.) получили объяснение в литературе как элементы архаических языческих и политико-правовых традиций (Фроянов 1995: 290-296). Некоторые элементы казни – волочение Игоря за веревку, привязанную к ногам, удаление тела за пределы города П.П. Толочко объясняет заимствованием из «Житий херсонских святых», где при описании расправы горожан с епископом Василием указываются те же детали. Славянский перевод «Жития» известен по «Супрасльской рукописи» XI в. и по «Четьим mineям» митрополита Макария XVI в. Краткое житие Василия имеется в Прологе (60-е гг. XII в.) (Толочко П. 2010: 17-22). Тем не менее, проведение через город лиц, подвергающихся общественной казни, перемещение казнимых или уже их тел за пределы города, за какие-то границы упоминается довольно часто, например: Жития Авраамия 1912: 10; ПСРЛ. III: 23, 207-208; 26, 211-212; 38, 228-229; 51, 248; 54, 253; 69, 276; Татищев. IV: 342).

23 Как отметила Т.Л. Вилкул, редактор для своих целей «флигранно обрабатывает сцену смерти» (Вілкул 1999: 8).

чтобы «яти» его, арестовать²⁴. В Киевской летописи похожая, но не тождественная ситуация: Игорь тоже обращается к толпе, но спрашивает, почему они собираются его как разбойника убить (а не «яти»), также ничего не говорится о вооруженности схвативших князя людей. Иисус был пришедшими к нему арестован и предан впоследствии суду. Игорь схватившим его народом был убит (решение о казни было уже принято на вече). Поэтому нельзя вполне согласиться с Т.Л. Вилкул, что в данном случае мы имеем дело с «прямой библейской цитатой» (Вілкул 1999: 8): она была несколько изменена.

Итак, в обоих случаях совпадает: 1) враждебно настроенная толпа, противостоящая одному человеку и 2) его уподобление (несправедливое) «разбойнику». На фигуре последнего необходимо остановить внимание.

Древнерусский «разбойник» – человек, преднамеренно убивший кого-либо без вины со стороны убитого, без причины, которая могла бы служить бы оправданием такому поступку (так, убийство из мести или открытое убийство в ссоре и на пиру согласно ст. 1, 6 Пространной Правды не признается разбоем (Правда Русская 1940: 104)), частный пример разбоя – убийство из корыстных соображений. Во вторую очередь это разбойник в современном смысле – нападающий с целью открытого хищения имущества с применением насилия (Чебаненко 2005: 7-8; Лукин 2014: 455-458). Разбой представляет серьезную общественную опасность, многие из преступников занимаются им как промыслом, сбиваются в шайки (Патерик 1911: 38, 42, 48)²⁵. Потому и наказание для них Пространной Правдой (ст. 7) предусмотрено самое тяжелое – «поток и разграбление», заключающееся в отказе общины от защиты и исключении из коллектива своего члена, уличенного в разбое, а также в лишении его всего имущества (Правда Русская 1940: 104-105). В Русской Правде оно было равнозначно смерти, по крайней мере, социальной. Подчеркнем, что разбойник подлежит коллективному наказанию – на «поток и разграбление» он выдается (князю, потерпевшей стороне?) «людьми», членами общины, которой принадлежал преступник. Но каков возможный механизм действий, если члены общины не стали в точности руководствоваться правилом о выдаче, изложенном в Русской Правде и (или) если в руки «людей» попался разбойник «со стороны»²⁶?

«Поток и разграбление» Русской Правды в литературе давно, и совершенно справедливо, связывают с вечевыми правосудием («расправами»). Роднит их, во-пер-

24 Мф. 26:55: «Рече Иисусь народомъ: яко и на разбойника ли изидосте съ оружии и дръкольми яти мене» (Остромирово Евангелие 2007: 161 г); «Рече Иисусь народомъ: яко на разбойника ли изидосте съ оружии и посохи яти мене» (Апракос 1983: 195 (143г)); «Рече Иисусь народомъ: яко же на разбойника изидосте съ оружии и посохи. яти мене» (Архангельское Евангелие 1997: 234 (960б)).

25 В Киево-Печерском патерике «разбойники» предстают как люди, преследующие, прежде всего, корыстные цели (Патерик 1911: 38, 42, 48).

26 «Пришлых» разбойников, надо полагать, следовало выдавать властям – вести «на князь дворъ» как и пойманных воров согласно ст. 40 Пространной Правды (Правда Русская 1940: 108). В Киево-Печерском патерике упомянуты пойманные разбойники, ведомые «въ градъ к судии» (Патерик 1911: 48).

вых, участие всего коллектива, или большей его части в наказании или избавлении от опасных преступников, врагов, во-вторых, – коллективное «разграбление» имущества, нередко упоминаемое источниками²⁷. Примеры реализации вечевого «потока и разграбления», очень часто заканчивавшегося смертью подлежащих ему лиц, как раз и указывают, какова могла быть участь попавшихся народу в руки разбойников²⁸. При вечевых казнях обычным делом были побои виновных, нередко их избивали до смерти (ПСРЛ. II: 352-353; III: 26, 212; 67, 272; VII: 117; Татищев IV: 342)²⁹. Вероятно, последнее и было самым распространенным способом расправы. В отдельных случаях осужденных вечевым судом ожидали особые, «квалифицированные» способы казни³⁰. Имеются свидетельства, что казнили не только городские вече, но и собрания более мелких общин: в 1215 г. в Новгороде «на сборе убиша пруси (жители прусской улицы – С. Ч.) Овъстрата и сынъ его Луготу, и въвергоша и въ греблю мъртвъ» (ПСРЛ. III: 54, 253).

В литературе была попытка прямого сопоставления вечевой казни с «разбоем». Л.В. Черепнин, сравнив меры, предпринятые новгородцами в отношении посадника Дмитра Мирошкинича и его сторонников (известие под 1209 г.) усмотрел в них сходство с «потоком и разграблением» Русской Правды, откуда сделал вывод, что эти люди рассматривались как «разбойники» (Черепнин 1965: 278). Имущество Дмитра Мирошкинича по решению вече было разграблено, распродано и разделено, жилище сожжено (сам он в Новгороде отсутствовал и несколько позже скончался от ран, полученных в бою), а привезенное позже в Новгород для похорон тело бывшего посадника чуть было не подвергли обычной в Новгороде вечевой казни – его собирались

сбросить с моста (ПСРЛ. III: 51, 248)³¹. Признавая во многом справедливость сравнения, сделанного Л.В. Черепниным, отметим, что считать Дмитра и его сторонников разбойниками нет оснований, «разбой» им не инкриминировался. Их обвиняли в несправедливом и непомерном взимании платежей и наложении повинностей. Сходство здесь не в виде преступления, а в способе кары, применяемой к опасным преступникам и тем, кого считали врагом общины.

В «Саге об Олаве Трюггвасоне», норвежском конунге (995-1000 гг.), проведенном детство и юность на Руси, в известии, относящемся примерно к последней четверти X в., говорится о спонтанном и прилюдном убийстве им в Новгороде давнего врага, за что он едва не был на месте убит народом (Джаксон 1993: 160)³². Олав здесь, по сути, выступает в качестве «разбойника» Русской Правды. Эта история, в достоверность которой относительно недавно были выдвинуты дополнительные аргументы (см.: Лукин 2014: 427), свидетельствует о существовании обычаев общинной казни опасных преступников, вина которых бесспорна и доказательств не требует (Чебаненко 2004).

В гораздо более позднем свидетельстве, ганзейском документе 1331 г., касающемся отношений с Новгородом, описывается очень похожая ситуация, где присутствует и беспричинное убийство чужаками местного жителя и вооруженные вечники, грозящие им смертью. В результате ночного конфликта пьяные вооруженные немецкие купцы избили несколько местных жителей, один был убит, наутро новгородцами было созвано вече. После неудачных переговоров о выдаче виновных вооруженные вечники вломились в Немецкий двор, но отвлеклись на грабеж, и укрывшиеся в церкви немецкие купцы не пострадали (Русско-ливонские акты 1868: 56-57, 60)³³. Несомненно, что речь здесь идет о «разбое» в смысле ст. 7 Пространной Правды – «разбой безъ всякая свады», за который предусмотрен «поток и разграбление» (Лукин 2014: 455, 459). Однако очевидно также, что ситуация имела все шансы закончиться вечевой расправой с немцами, убийствами, и неизвестно, обошлось ли дело только виновными в смерти русского – выдавать виновных немцы отказались и новгородцы начали решать вопрос силой (они прямо угрожали всем немцам смертью за невыдачу убийц).

Юридические памятники лояльно относятся в некоторых случаях к убийству преступников: пойманных на месте преступления «татей» (ст. 40 Пространной Правды (Правда Русская 1940: 108)) или прелюбодеев, застигнутых с замужними женщинами (ст. 22 Договора неизвестного смоленского князя с Ригю и Готским берегом (Смоленские грамоты 1963: 13)). Такие убийства

31 Для лиц, подвергавшихся вечевой казни в Новгороде, сбрасыванию с моста предшествовало коллективное избивание, так что к моменту финального действия наказуемые обычно были уже или мертвы или недееспособны. Редкое исключение: в 1141 г. новгородцы били посадника Якуна «малы не до смерти, обнаживше яко мати родила, и съвергоша и съ моста», однако ему удалось выплыть, что было воспринято людьми как божественное избавление от смерти и «и боле его не биша» (ПСРЛ. III: 26, 211-212).

32 Этот рассказ в других редакциях саги и других сагах: Джаксон 1993: 160, 221, 122, 135, 175-176.

33 Перевод документа на русский язык: Лукин 2014: 446-448, 449.

27 Грабеж имущества при вечевых наказаниях в летописях отмечается не всегда. «Разграбление» также упомянуто не во всех статьях Пространной Правды, говорящих о «потоке». В ст. 35 (Правда Русская 1940: 107) говорится о «коневом тате», который выдается князю «на поток», но без «разграбления». Под «коневым татем» нужно понимать профессионального конокрада (за обычную кражу коня согласно ст. 45 платится штраф без «потока и разграбления»: Правда Русская 1940: 108), это человек пришлый, чуждый местному обществу, что делает проблематичным коллективное разграбление принадлежащего ему имущества, находящегося неизвестно где.

28 Б.И. Сыромятников допускал, что вече занималось так же судом и расправой над «разбойниками», профессиональными преступниками (Сыромятников 1915: 37).

29 Вероятно, побои предполагались и в ходе одной из казней, предлагаемых для Авраамия Смоленского: «Попотипи и, проведше въсквозе градъ (Жития Авраамия 1912: 10). Воздействия толпы можно ожидать при проведении преступника через город. В известии В.Н. Татищева о полоцкой княгине Святохне из Поморья не вполне ясны обстоятельства вечевой казни «поморян»: одних «разграбиша» и «избиша» («побили») (убили неизвестным способом), других изгнали, не исключено, что, подвергнув побоям (Татищев. III: 203-204; IV: 354).

30 При описании суда над Авраамием Смоленским приводится целый перечень кар, которые предлагали в отношении него применить: «Инии глаголють заточити, а инии къ стене тоу пригвоздити и зажещи, а друзии потопити и, проведше въсквозе градъ» (Жития Авраамия 1912: 10).

ненаказуемы. Хотя Русская Правда и смоленский договор в первую очередь подразумевают, соответственно, домовладельца и обманутого мужа, но, по крайней мере, Правда указывает и наличие сторонних «людей» – свидетелей или помощников жертвы преступления³⁴. В ходе задержания сопротивляющегося преступника вполне возможен был и смертельный для него исход. В самой картине, изображающей некую группу людей (родственников, соседей и т.д.), выступающую с намерением изловить или как-то покарать и даже убить разбойников или других преступников нет ничего необычного. Вообще же, коллективные расправы с застигнутыми или пойманными преступниками – это довольно широко распространенная до относительно недавнего времени практика³⁵.

Обратим внимание на ещё на одну деталь в картине убийства Игоря Ольговича, которая находит параллель в описании другой вечевой казни. Перед тем как князь якобы произнес обсуждаемые здесь слова, киевляне вытаскивают его из церкви, где он укрывался, «и манотью на немъ оторгоша» («свитки изволокоша»), позже сам Игорь произносит: «тело мое наго» и т.д., далее «тело его наго» волокли по городу (ПСРЛ. II: 351-353. См. также: ПСРЛ. I: 317). Обнажение виновного находит свое соответствие: в 1141 г. новгородцы били Якуна «малы не до смерти, обнаживше яко мати родила, и съвергоша и съ моста» (ПСРЛ. III: 26, 211-212). Это описание вечевой казни в Новгороде довольно подробно сравнительно с основной массой других, где лишь кратко констатируется, что кого-то убили и (или) сбросили с моста, так что указанная деталь, весьма вероятно, была элементом коллективной расправы. Срывание одежды с казнимых могло иметь определенное символическое значение³⁶, но также могло быть и следствием самого избиения и волочения жертвы.

Слова Игоря, приписанные ему летописцем, подразумевают не вид преступления – он не разбойник, а способ казни (или обстоятельства убийства). Как представляется, эта подкорректированная летописцем библейская цитата отразили практику «потока и разграбления», общинной расправы с «разбойниками» и другими «злодеями», вероятно стихийную. Что же касается имущества самого Игоря, то оно было «разграблено» годом ранее, когда князь был смещен и арестован (ПСРЛ. II: 328).

34 Возможно, не случайно в ст. 40 Пространной Правды, говоря об убийстве преступника, ночного «татя» употребляется множественное число: «оубиють». В то же время в ст. 1, 3, 6 об убийстве говорится в единственном числе – «оубиеть», «оубиль» (Правда Русская 1940: 104, 108).

35 Например, русская крестьянская община ещё в XIX в. и даже позже расправлялась с конокрадами и поджигателями, самостоятельно верша суд и казнь их, сопротивляясь вмешательству государственной власти. Причем в ряде случаев убийство преступников было не мгновенной реакцией, а отложенным действием. Крестьяне были твердо убеждены в легитимности своих действий (Шатковская 2000: 173-174; Безгин 2005).

36 Ритуальное обнажение выражает отгонную семантику при обряде изгнания (Агапкина, Виноградова 1995: 392). С другой стороны, «нагота... означает "натурализацию" человека, возвращение к исходному, природному состоянию до жизни» (Байбурин 1993: 107). И.Я. Фроянов полагал, что снятие монашеской мантии с Игоря было «языческим средством "обезвреживания", (...) лишения его покрова божьего, т.е. защиты божественных сил» (Фроянов 1995: 290-291).

Вряд ли можно утверждать, что это был строго обязательный для разбойников способ казни – в форме коллективного избиения до смерти, – отличающийся от казней других преступников (например, известных нашим источникам сожжений волхвов, колдунов³⁷), но это вполне вероятная их участь при намерении коллектива, общины с ними расправиться. Подобный способ покончить со «злодеем» после вечевого решения или при стихийной расправе представляется наиболее распространенным. Таким образом, использованная и переработанная с учетом действительных подробностей казни Игоря Ольговича библейская цитата была подобрана летописцем довольно удачно – князя действительно убили «яко разбойника», попавшего в руки жаждущего немедленной расправы народа. И здесь мы вполне можем заглянуть за рамки «летописного нарратива», якобы, не дающего возможности за цитатами и заимствованиями рассмотреть детали имевших место событий.

37 О распространенности такой практики писал Серапион Владимирский: «Волхвованию веруете и пожигаете огнем невинныя человеки и наводите на весь миръ и градъ убийство» (Слова и поучения 1997: 376). Авраамия Смоленского предлагали «къ стене тоу пригвоздити и зажещи» (Жития Авраамия 1912: 10).

ЛИТЕРАТУРА

- Агапкина, Виноградова 1995 - Агапкина Т.А., Виноградова Л.Н. Изгнание ритуальное // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1995. С. 392-397.
- Апракос 1983 - Апракос Мстислава Великого. М., 1983.
- Архангельское Евангелие 1997 - Архангельское Евангелие 1092 года. Исследование. Древнерусский текст. Словоуказатели. М., 1997.
- Байбурин 1993 - Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.
- Безгин 2005 - Безгин Б.В. Крестьянский самосуд и семейная расправа (конец XIX – начало XX вв.) // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 152-157.
- Викторский 1912 - Викторский С.Н. История смертной казни в России и современное ее состояние. М., 1912.
- Вилкул 2009 - Вилкул Т.Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI-XIII вв. М., 2009.
- Вілкул 1999 - Вілкул Т.Л. Літописна повість про вбивство Ігоря Ольговича 1147 р. // Київська старовина. 1999. № 6. С. 56-72¹.
- Гайденко 2015 - Гайденко П.И. Несколько замечаний о социальных аспектах древнерусского монашества XI – первой половины XIII вв. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. № 4 (12). С. 48-78.
- Гвозденко 2009 - Гвозденко К.С. Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольский период // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 17-35.
- Грушевский 1891 - Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891.
- Джаксон 1993 - Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты, перевод, комментарии. М., 1993.
- Дубенский 1843 - Памятники древнего русского права по харатейному списку Московского общества истории и древностей российских / С вариантами, примечаниями и объяснением Д. Дубенского / Русские достопамятности, изданные Обществом истории и древностей российских, учрежденным при Московском университете. Ч. 2. М., 1843.
- Дьяконов 1912 - Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912.
- Еремин 1966 - Еремин И.П. Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М.; Л., 1966.
- Жития Авраамия 1912 - Розанов С.П. Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. СПб., 1912.
- Зайцев 1975 - Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1975.
- Котляр 2018 - Котляр Н.Ф. Самоуправление в древнерусских городах XII-XIII веков // Вестник Тверского государственного университета. История. 2018. № 4. С. 4-32.
- Лавренченко 2018 - Лавренченко М.Л. «Братоучадо» Русской Правды и роль брата матери в домонгольской Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 2016. М., 2018. С. 360-371.
- Лавренченко 2020 - Лавренченко М.Л. Термины родства в политической жизни Древней Руси // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 3. С. 42-55.
- Лавренченко 2023 - Лавренченко М.Л. «Ты наш князь»: соглашения между городом и князем в Киевской летописи // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 1 (60). С. 102-112.
- Лисюченко 2009 - Лисюченко И.В. Сакральность княжеской власти у восточных славян и ритуальные убийства правителей // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 12-2. С. 52-58.
- Лихачев 1947 - Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
- ЛПС 1851 - Летописец Переяславля Суздальского. М., 1851.
- Лукин 2012 - Лукин П.В. Существовала ли в домонгольской Руси смертная казнь? Ученые мнения и представления современников // Религии мира: История и современность. 2006-2010. М.; СПб., 2012. С. 187-223.
- Лукин 2014 - Лукин П.В. Вече в социально-политической системе средневекового Новгорода. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2014.
- Майоров 2001 - Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001.
- Мальцев 2012 - Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. М., 2012.
- Остромирово Евангелие 2007 - Остромирово Евангелие 1056-57 года по изданию А.Х. Востокова. М., 2007.
- Патерик 1911 - Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911.
- Подскальски 1996 - Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988-1237 гг.). СПб., 1996.
- Правда Русская 1940 - Правда Русская. Т. 1. Тексты. М.; Л., 1940.
- ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
- ПСРЛ. II - Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.
- ПСРЛ. III - Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
- ПСРЛ. VII - Полное собрание русских летописей. Т. VII. Воскресенская летопись. М., 2001.
- Разумов 2017 - Разумов И. Семья в Древней Руси: О семейных отношениях у восточных славян и русов VIII – первой половины XIII вв. Б. м., 2017.
- Русско-ливонские акты 1868 - Напьерский К.Е. Русско-ливонские акты. СПб., 1868.

1 Пагинация (С. 1-17) приводится по электронной версии статьи: https://www.academia.edu/1978517/%D0%9B%D1%96%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BD%D0%B0_%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D1%96%D1%81%D1%82%D1%8C_1147_%D1%80_%D0%BF%D1%80%D0%BE_%D0%B2%D0%B1%D0%B8%D0%B2%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_%D0%86%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%8F_%D0%9E%D0%BB%D1%8C%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87%D0%B0 (Дата обращения – 20.02.2022).

- Рыбаков 1971 - Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.
- Рыбаков 1993 - Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1993.
- Сергеевич 1908 - Сергеевич В.И. Древности русского права. Т. II. СПб., 1908.
- Слова и поучения 1997 - Слова и поучения Серапиона Владимирского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1997.
- Словарь XI-XIV вв. Т. 1 - Словарь древнерусского языка XI-XIV вв. в десяти томах. Т. 1. М., 1988.
- Словарь XI-XVII вв. Вып. 1 - Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1. М., 1975.
- Смоленские грамоты 1963 - Смоленские грамоты XIII-XIV вв. М., 1963.
- Соловьев 1988 - Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. 1. М., 1988.
- Срезневский Т. 1 - Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб., 1893.
- Сыромятников - Сыромятников Б.И. Очерки истории суда в древней и новой России (до издания Свода Законов) // Судебная реформа. Т. I. М., 1915. С. 16-180.
- Татищев. II - Татищев В.Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. II. М.; Л., 1963.
- Татищев. III - Татищев В.Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. III. М.; Л., 1964.
- Татищев. IV - Татищев В.Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. IV. М.; Л., 1964.
- Тихомиров 1953 - Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.
- Тихомиров 1955 - Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв. М., 1955.
- Толочко А. 2008 - Толочко А.П. «Седоша слышати» или «восставши въ вечи»? Как происходило киевское вече 1147 г.? // Анфологион: Власть, общество, культура в славянском мире в средние века. М., 2008. С. 330-334.
- Толочко П. 1972 - Толочко П.П. Вече и народные движения в Киеве // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья: Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972. С. 125-143.
- Толочко П. 1987 - Толочко П.П. Древняя Русь: очерки социально-политической истории. Киев, 1987.
- Толочко П. 2003 - Толочко П.П. Дворцовые интриги на Руси. СПб., 2003.
- Толочко П. 2010 - Толочко П.П. «Емше, влачаху поверзше ужи за ноги» // RUTHENICA. Альманах середньовічної історії та археології Східної Європи. 2010. Т. IX. С. 17-22.
- Фроянов 1995 - Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы. СПб.; М., 1995.
- Фроянов 2001 - Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории // Фроянов И.Я. Начала Русской истории. Избранное. М., 2001. С. 331-482.
- Чебаненко 2004 - Чебаненко С.Б. «Сага об Олаве Трюгвасоне»: общинное правосудие и кровная месть в Древней Руси // Український історичний збірник. 2004. Вип. 7. С. 28-44.
- Чебаненко 2005 - Чебаненко С.Б. О связи остракизма и кровной мести в Древней Руси: «поток и разграбление» и «убиение за голову» // Университетский историк. Альманах. СПб., 2005. С. 5-14.
- Чебаненко 2013 - Чебаненко С.Б. Основные черты вечевого правосудия в Древней Руси // Rossica Antiqua. 2013. № 2. С. 64-104.
- Чебаненко 2014 - Чебаненко С.Б. Казнь князей Игоревичей в Галиче: правовой и ритуальный аспекты события // Русин. 2014. № 2 (36). С. 162-181.
- Чебаненко 2016 - Чебаненко С.Б. Об эволюции кровной мести в нормах Русской Правды: к вопросу об отмене «убиения за голову» // Российское правосудие. 2016. № 8 (124). С. 49-59.
- Чебаненко 2017 - Чебаненко С.Б. Кровная месть или смертная казнь: об одном известии о Григории Чудотворце (последняя треть XI века) // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2017. № 8. С. 81-97.
- Черепнин 1965 - Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 128-278.
- Чижевський 1994 - Чижевський Д. Історія української літератури. Тернопіль, 1994.
- Шалаяпин 2013 - Шалаяпин С.О. Церковно-пенитенциарная система в России XV-XVIII веков. Архангельск, 2013.
- Шаргородский 1957 - Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957.
- Шатковская - Шатковская Т.В. Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX в. // Вопросы истории. 2000. № 11-12. С. 96-105.
- Этимологический словарь. Вып. 3 - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 3. М., 1976.
- Kaiser 1980 - Kaiser D. The Growth of Law in Medieval Russia. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1980.
- Podskalsky 1897 - Podskalsky G. Principal Aspects and problems of Theology in Kievan Rus // Harvard Ukrainian Studies. 1987. Vol. XI. № 3-4. S. 270-286.

REFERENCES

- Agapkina, Vinogradova 1995 - Agapkina T.A., Vinogradova L.N. Izgnanie ritual'noe [Ritual expulsion], in: Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' [Slavic antiquities. Ethnolinguistic Dictionary], Vol. 2, Moscow, 1995, pp. 392-397 [in Russian].
- Aprakos 1983 - Aprakos Mstislava Velikogo [Aprakos of Mstislav the Great], Moscow, 1983 [in Russian].
- Arkhangel'skoe Evangelie 1997 - Arkhangel'skoe Evangelie 1092 goda. Issledovanie. Drevnerusskiy tekst. Slovoukazateli [Arkhangelsk Gospel of 1092. Study. Old Russian text. Word indicators], Moscow, 1997 [in Russian].
- Bayburin 1993 - Bayburin A.K. Ritual v traditsionnoy kul'ture [Ritual in traditional culture], Saint-Petersburg, 1993 [in Russian].

- Bezgin 2005** - Bezgin B.V. Krest'yanskiy samosud i semeynaya rasprava (konets XIX – nachalo XX vv.) [Peasant lynching and family violence (late 19th – early 20th centuries)], in: Voprosy istorii [Questions of history], 2005, № 3, pp. 152-157 [in Russian].
- Chebanenko 2004** - Chebanenko S.B. «Saga ob Olave Tryggvasone»: obshchinnoe pravosudie i krovnaya mest' v Drevney Rusi [“The Saga of Olav Tryggvason”: communal justice and blood feud in Ancient Rus’], in: Ukraïns'kiy istorichniy zbirnik [Ukrainian historical collection], 2004, № 7, pp. 28-44 [in Russian].
- Chebanenko 2005** - Chebanenko S.B. O svyazi ostrakizma i krovnoy mest' v Drevney Rusi: "potok i razgrablenie" and "ubienie za golovu" [About the connection between ostracism and blood revenge in Ancient Russia: "potok i razgrablenie" i "ubienie za golovu"], in: Universitetskiy istorik. Al'manakh [University historian. Almanac], Saint-Petersburg, 2005, pp. 5-14 [in Russian].
- Chebanenko 2013** - Chebanenko S.B. Osnovnye cherty vechevogo pravosudiya v Drevney Rusi [The main features of veche justice in Ancient Russia], in: Rossica Antiqua, 2013, № 2, pp. 64-104 [in Russian].
- Chebanenko 2014** - Chebanenko S.B. Kazn' knyazey Igorevichey v Galicie: pravovoy i ritual'nyy aspekty sobytiya [The execution of princes Igorevich in Galicia: legal and ritual aspects of the event], in: Rusin, 2014, № 2 (36), pp. 162-181 [in Russian].
- Chebanenko 2016** - Chebanenko S.B. Ob evolyutsii krovnoy mest' v normakh Russkoy Pravdy: k voprosu ob otmene «ubieniya za golovu» [On the evolution of blood revenge in the norms of the Russian Pravda: to the question of the abolition of "murder for the head"], in: Rossiyskoe pravosudie [Rossiyskoe pravosudie], 2016, № 8 (124), pp. 49-59 [in Russian].
- Chebanenko 2017** - Chebanenko S.B. Krovnaya mest' ili smertnaya kazn': ob odnom izvestii o Grigorii Chudotvortse (poslednyaya tret' 11 veka) [Blood revenge or the death penalty: about one news story about Gregory the Wonderworker (last third of the 11th century)], in: Drevnyaya Rus' vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh [Ancient Rus in time, in personalities, in ideas], 2017, № 8, pp. 81-97 [in Russian].
- Cherepnin 1965** - Cherepnin L.V. Obshchestvenno-politicheskie otnosheniya v Drevney Rusi i Russkaya Pravda [Social and political relations in Ancient Russia and Russian truth], in: Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie [Ancient Russian state and its international significance], Moscow, 1965, pp. 128-278 [in Russian].
- Chizhevs'kiy 1994** - Chizhevs'kiy D. Istoriya Ukraïns'koï literaturi [History of Ukrainian literature], Ternopil', 1994 [in Russian].
- Dubenskiy 1843** - Pamyatniki drevnego russkogo prava po kharateynomu spisku Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh / S variantami, primech. i ob'yasn. D. Dubenskogo / Russkie dostopamyatnosti, izdannye Obshchestvom istorii i drevnostey rossiyskikh, uchrezhdennym pri Moskovskom universitete. Ch. 2 [Monuments of ancient Russian law according to the charter list of the Moscow Society of History and Russian Antiquities / With variants, notes. and explain. D. Dubenskiy / Russian monuments, published by the Society of Russian History and Antiquities, established at Moscow University. Vol. 2], Moscow, 1843 [in Russian].
- D'yakonov 1912** - D'yakonov M.A. Ocherki obshchestvennogo i gosudarstvennogo stroya Drevney Rusi [Essays on the social and state system of Ancient Rus’], Saint-Petersburg, 1912 [in Russian].
- Dzhakson 1993** - Dzhakson T.N. Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoy Evrope (s drevneyshikh vremen do 1000 g.). Teksty, perevod, kommentarii [Icelandic royal sagas of Eastern Europe (from ancient times to 1000). Texts, translation, comments], Moscow, 1993 [in Russian].
- Eremin 1966** - Eremin I.P. Literatura Drevney Rusi (etyudy i kharakteristiki) [Literature of Ancient Rus' (studies and characteristics)], Moscow; Leningrad, 1966 [in Russian].
- Etimologicheskii slovar'. Vyp. 3 - Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond** [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund], Vol. 3, Moscow, 1976 [in Russian].
- Froyanov 1995** - Froyanov I.Ya. Drevnyaya Rus'. Opyt issledovaniya sotsial'noy i politicheskoy bor'by [Ancient Rus. The experience of researching social and political struggle], Saint-Petersburg; Moscow, 1995 [in Russian].
- Froyanov 2001** - Froyanov I.Ya. Kievskaya Rus': Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii [Kievan Rus: Essays on socio-economic history], in: Froyanov I. Ya. Nachala Russkoy istorii. Izbrannoe [Beginnings of Russian history. Favorites], Moscow, 2001, pp. 331-482 [in Russian].
- Gaydenko 2015** - Gaydenko P.I. Neskol'ko zamechaniy o sotsial'nykh aspektakh drevnerusskogo monashestva XI – pervoy poloviny XIII vv. [A few notes on the social aspects of Old Russian monasticism of the 11th – first half of the 13th centuries], in: Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii [Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary], 2015, № 4 (12), pp. 48-78 [in Russian].
- Grushevskiy 1891** - Grushevskiy M.S. Ocherk istorii Kievskoy zemli ot smerti Yaroslava do k. XIV stoletiyav [Essay on the history of the Kyiv land from the death of Yaroslav to the end of the 14th century], Kiev, 1891 [in Russian].
- Gvozdenko 2009** - Gvozdenko K.S. Tseremoniya knyazheskoy intronizatsii na Rusi v domongol'skiy period [The ceremony of princely enthronement in Rus' in the pre-Mongol period], in: Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki [Ancient Rus': issues of medieval studies], 2009, № 1 (35), pp. 17-35 [in Russian].
- Kaiser 1980** - Kaiser D. The Growth of Law in Medieval Russia, Princeton; New Jersey, Prinseton University Press Publ., 1980 [in English].
- Kotlyar 2018** - Kotlyar N.F. Samoupravlenie v drevnerusskikh gorodakh XII-XIII vekov [Self-government in ancient Russian cities of the 12th-13th centuries], in: Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Tver State University. History], 2018, № 4, pp. 4-32 [in Russian].
- Lavrenchenko 2018** - Lavrenchenko M.L. "Bratouchado" Russkoy Pravdy i rol' brata materi v domongol'skoy Rusi [“Bratouchado” of Russian Pravda and the role of the mother's brother in pre-Mongol Rus’], in: Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2016 [The most ancient states of Eastern Europe. 2016], Moscow, 2018, pp. 360-371 [in Russian].
- Lavrenchenko 2020** - Lavrenchenko M.L. Terminy rodstva v politicheskoy zhizni Drevney Rusi [Terms of kinship in the political life of Ancient Rus’], in: Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod], 2020, № 3, pp. 42-55 [in Russian].
- Lavrenchenko 2023** - Lavrenchenko M.L. "Ty nash' knyaz'": soglasheniya mezhdru gorodom i knyazem v Kievskoy letopisi [“You are our prince”: agreements between the city and the prince in the Kyiv Chronicle], in: Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Perm University. Story], 2023, № 1 (60), pp. 102-112 [in Russian].
- Likhachev 1947** - Likhachev D.S. Russkie letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoe znachenie [Russian chronicles and their cultural and historical significance], Moscow; Leningrad, 1947 [in Russian].

- Lisyuchenko 2009 - Lisyuchenko I.V. Sakral'nost' knyazheskoy vlasti u vostochnykh slavyan i ritual'nye ubiystva praviteley [The sacredness of princely power among the Eastern Slavs and the ritual murders of rulers], in: Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy [Scientific problems of humanitarian research], 2009, № 12-2, pp. 52-58 [in Russian].
- LPS 1851 - Letopisets Pereyaslavlya Suzdal'skogo [Chronicle of Pereyaslav of Suzdal], Moscow, 1851 [in Russian].
- Lukin 2012 - Lukin P.V. Sushchestvovala li v domongol'skoy Rusi smertnaya kazn'? Uchenye mneniya i predstavleniya sovremennikov [Did the death penalty exist in pre-Mongol Rus'? Scientific opinions and ideas of contemporaries], in: Religii mira: Istoriya i sovremennost'. 2006-2010 [Religions of the world: History and modernity. 2006-2010], Moscow; Saint-Petersburg, 2012, pp. 187-223 [in Russian].
- Lukin 2014 - Lukin P.V. Veche v social'no-politicheskij sisteme srednevekovogo Novgoroda. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk [Veche in the socio-political system of medieval Novgorod. Doct. dissertation (History)], Moscow, 2014 [in Russian].
- Mal'tsev 2012 - Mal'tsev G.V. Mest' i vozmezdie v drevnem prave [Revenge and retribution in ancient law], Moscow, 2012 [in Russian].
- Mayorov 2001 - Mayorov A.V. Galitsko-Volynskaya Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskikh otnosheniy v domongol'skiy period. Knyaz', boyars i gorodskaya obshchina [Galician-Volyn Rus. Essays on socio-political relations in the pre-Mongol period. Prince, boyars and city community], Saint-Petersburg, 2001 [in Russian].
- Ostromirovo Evangelie 2007 - Ostromirovo Evangelie 1056-57 goda po izdaniyu A.Kh. Vostokova [Ostromir Gospel of 1056-57 according to the edition of A.Kh. Vostokov], Moscow, 2007 [in Russian].
- Paterik 1911 - Paterik kievskogo pecherskogo monastyrya [Patericon of the Kyiv Pechersk Monastery], Saint-Petersburg, 1911 [in Russian].
- Podskalsky 1996 - Podskalsky G. Khristianstvo i bogoslovskaya literatura v Kievskoy Rusi (988-1237 gg.) [Christianity and theological literature in Kievan Rus (988-1237)], Saint-Petersburg, 1996 [in Russian].
- Podskalsky 1897 - Podskalsky G. Principal Aspects and problems of Theology in Kievan Rus, in: Harvard Ukrainian Studies, 1987, Vol. XI, № 3-4, pp. 270-286 [in English].
- Pravda Russkaya 1940 - Pravda Russkaya. T. 1. Teksty [The truth is Russian. Vol. 1. Texts], Moscow; Leningrad, 1940 [in Russian].
- PSRL. I - Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey. T. I. Lavrent'evskaya letopis' [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. I. Laurentian Chronicle], Moscow, 1997 [in Russian].
- PSRL. II - Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey. T. II. Ipat'evskaya letopis' [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. II. Ipatiev Chronicle], Moscow, 1998 [in Russian].
- PSRL. III - Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey. T. III. Novgorodskaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. III. Novgorod Chronicle of the older and younger editions], Moscow, 2000 [in Russian].
- PSRL. VII - Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey. T. VII. Voskresenskaya letopis' [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. VII. Resurrection Chronicle], Moscow, 2001 [in Russian].
- Razumov 2017 - Razumov I. Sem'ya v Drevney Rusi: O semeynykh otnosheniyakh u vostochnykh slavyan i rusov VIII – 1-y poloviny XIII vv. [Family in Ancient Rus': On family relationships among the Eastern Slavs and Rus VIII – first half XIII centuries], Without place of publication, 2017 [in Russian].
- Russko-livonskie akty 1868 - Nap'erskiy K.E. Russko-livonskie akty [Russian-Livonian acts], Saint-Petersburg, 1868 [in Russian].
- Rybakov 1971 - Rybakov B.A. «Slovo o polku Igoreve» i ego sovremenniki ["The Tale of Igor's Campaign" and its contemporaries], Moscow, 1971 [in Russian].
- Rybakov 1993 - Rybakov B.A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vv. [Kievan Rus and Russian principalities 12th-13th centuries], Moscow, 1993 [in Russian].
- Sergeevich 1908 - Sergeevich V.I. Drevnosti russkogo prava [Antiquities of Russian law], Vol. II, Saint-Petersburg, 1908 [in Russian].
- Shalyapin 2013 - Shalyapin S.O. Tserkovno-penitentsiarnaya sistema v Rossii XV-XVIII vekov [The church-penitentiary system in Russia of the XV-XVIII centuries], Arkhangel'sk, 2013 [in Russian].
- Shargorodskiy 1957 - Shargorodskiy M.D. Nakazanie po ugovnomu pravu ekspluatatorskogo obshchestva [Punishment under the criminal law of the exploitative society], Moscow, 1957 [in Russian].
- Shatkovskaya - Shatkovskaya T.V. Zakon i obyчай v pravovom bytu krest'yan vtoroy poloviny XIX v. [Law and custom in the legal life of peasants in the second half of the 19th century], in: Voprosy istorii [Questions of history], 2000, № 11-12, pp. 96-105 [in Russian].
- Slova i poucheniya 1997 - Slova i poucheniya Serapiona Vladimirovskogo [Words and teachings of Serapion of Vladimir], in: Biblioteka literatury Drevney Rusi [Library of Literature of Ancient Rus'], Vol. 5, Saint-Petersburg, 1997 [in Russian].
- Slovar' XI-XIV vv. T. 1 - Slovar' drevnerusskogo (yazyka XI-XIV vv.) v 10 t. [Dictionary of Old Russian language 11-14 centuries in 10 vol.], Vol. 1, Moscow, 1988 [in Russian].
- Slovar' XI-XVII vv. Vyp. 1 - Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv. [Dictionary of the Russian language 11-17 centuries], Vol. 1, Moscow, 1975 [in Russian].
- Smolenskie gramoty 1963 - Smolenskie gramoty XIII-XIV vv. [Smolensk charters of the 13th-14th centuries], Moscow, 1963 [in Russian].
- Solov'ev 1988 - Solov'ev S.M. Sochineniya v 18 kn. [Essays in 18 books], Book 1, Moscow, 1988 [in Russian].
- Sreznevskiy T. 1 - Sreznevskiy I.I. Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka [Materials for a dictionary of the Old Russian language], Vol. 1, Saint-Petersburg, 1893 [in Russian].
- Syromyatnikov - Syromyatnikov B.I. Ocherki istorii suda v drevney i novoy Rossii (do izdaniya Svoda Zakonov) [Essays on the history of court in ancient and modern Russia (before the publication of the Code of Laws)], in: Sudebnaya reforma [Judicial reform], Vol. I, Moscow, 1915, pp. 16-180 [in Russian].

- Tatishchev. II - Tatishchev V.N. Sobranie sochineniy v 8 t.** [Collected works in 8 volumes], Vol. II, Moscow; Leningrad, 1963 [in Russian].
- Tatishchev. III - Tatishchev V.N. Sobranie sochineniy v 8 t.** [Collected works in 8 volumes], Vol. III, Moscow; Leningrad, 1964 [in Russian].
- Tatishchev. IV - Tatishchev V.N. Sobranie sochineniy v 8 t.** [Collected works in 8 volumes], Vol. IV, Moscow; Leningrad, 1964 [in Russian].
- Tikhomirov 1953 - Tikhomirov M.N. Posobie dlya izucheniya Russkoy Pravdy** [A manual for studying Russkaya Pravda], M., 1953 [in Russian].
- Tikhomirov 1955 - Tikhomirov M.N. Krest'yanskie i gorodskie vosstaniya na Rusi XI-XIII vv.** [Peasant and urban uprisings in Rus' 11-13 centuries], Moscow, 1955 [in Russian].
- Tolochko A. 2008 - Tolochko A.P. «Sedosh'a slyshati» ili «vosstavshi v vechi»? Kak proiskhodilo kievskoe veche 1147 g.?** [“Sedosh'a to hear” or “rising in the veche”? How did the Kiev veche of 1147 take place?], in: Anfologion: Vlast', obshchestvo, kul'tura v slavyanskom mire v srednie veka [Anthologion: Power, society, culture in the Slavic world in the Middle Ages], Moscow, 2008, pp. 330-334 [in Russian].
- Tolochko P. 1972 - Tolochko P.P. Veche i narodnye dvizheniya v Kieve** [Veche and popular movements in Kyiv], in: Issledovaniya po istorii slavyanskikh i balkanskikh narodov. Epokha srednevekov'ya: Kievskaya Rus' i ee slavyanskije sosed'i [Research on the history of Slavic and Balkan peoples. The Middle Ages: Kievan Rus and its Slavic neighbors], Moscow, 1972, pp. 125-143 [in Russian].
- Tolochko P. 1987 - Tolochko P.P. Drevnyaya Rus': ocherki sotsial'no-politicheskoy istorii** [Ancient Russia: essays on socio-political history], Kiev, 1987 [in Russian].
- Tolochko P. 2003 - Tolochko P.P. Dvortsovye intrigi na Rusi** [Palace intrigues in Russia], Saint-Petersburg, 2003 [in Russian].
- Tolochko P. 2010 - Tolochko P.P. «Emshe, vlachakhu poverzshe uzhi za nogi»** [«Emshe, vlachakhu poverzshe uzhi za nogi»], in: RUTHENICA. Al'manakh seredn'ovichnoy istorii ta arkheologii Skhidnoy Evropy [RUTHENICA. Almanac of Medieval History and Archeology of Eastern Europe], 2010, Vol. IX, pp. 17-22 [in Russian].
- Viktorskiy 1912 - Viktorskiy S.N. Istoriya smertnoy kazni v Rossii i sovremennoe eya sostoyanie** [History of the death penalty in Russia and its current state], Moscow, 1912 [in Russian].
- Vilkul 2009 - Vilkul T.L. Lyudi i knyaz' v drevnerusskikh letopisyakh serediny XI-XIII vv.** [People and princes in Old Russian chronicles of the middle of the 11th-13th centuries], Moscow, 2009 [in Russian].
- Vilkul 1999 - Vilkul T.L. Litopisna povist' pro vbivstvo Igorya Ol'govicha 1147 r.** [Chronicle story about the murder of Ihor Olhovych in 1147], in: Kiivs'ka starovina [Kyiv antiquity], 1999, № 6, pp. 56-72 [in Ukrainian].
- Zaytsev 1975 - Zaytsev A.K. Chernigovskoe knyazhestvo** [Chernigov principality], in: Drevnerusskie knyazhestva X-XIII vv. [Old Russian principalities of the X-XIII centuries], Moscow, 1975 [in Russian].
- Zhitiya Avraamiya 1912 - Rozanov S.P. Zhitiya prepodobnogo Avraamiya Smolenskogo i sluzhby emu** [The Life of St. Abraham of Smolensk and Services to Him], Saint-Petersburg, 1912 [in Russian].

Чебаненко Сергей Борисович

– Кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Sergey Chebanenko

– Ph.D in History, Senior Lecturer at the Institute of History of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

tchebanenko.sergei@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ УГЛИЧА: О ВОЗМОЖНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ПОЛЕМИКИ

С.В. Томсинский

Государственный Эрмитаж
Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34
e-mail: s.tomsinsky@yandex.ru

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

Статья посвящена анализу попыток соотнесения письменных источников, материалов археологических раскопок и результатов изучения памятников архитектуры, в т.ч. и не сохранившихся до наших дней, в реконструкциях отдаленного прошлого Углича – одного из древнейших русских городов. Автор приходит к выводу, что эта исследовательская процедура может дать положительный результат только при совместной («командной») работе археологов, историков и искусствоведов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Углич, письменные источники, археология, дискуссия.

SOME CONTROVERSIAL ISSUES OF THE HISTORY OF UGLICH: ON POSSIBLE BACKGROUND OF POLEMICS

Sergey Tomsinsky

State Hermitage
Russia, 190000, St. Petersburg, Dvortsovaya embankment, 34
e-mail: s.tomsinsky@yandex.ru

ABSTRACT

The proposed article is devoted to the analysis of attempts to correlate written sources, materials of archaeological excavations and the results of the study of architectural monuments, including those that have not survived to our days, in reconstructions of the remote past of Uglich - one of the oldest Russian cities. The author comes to the conclusion that this research procedure can give a positive result only with the joint ("team") work of archaeologists, historians and art history specialists.

KEYWORDS: Uglich, written sources, archaeology, discussion.

Предлагаемая вниманию благосклонного и не благосклонного читателя статья продолжает серию публикаций, отражающих результаты работ Древнерусской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в одном из древнейших русских городов – Угличе. Но продолжает не в привычном жанре представления результатов раскопок в соотнесении с письменными источниками, и не в жанре полемики. Эта статья – не спор, но всего лишь краткий анализ некоторых построений исследователя, не просто претендующего на статус нашего оппонента по конкретным вопросам, но и демонстрирующего вполне определенные тенденции в реконструкциях исторической действительности. Однако нам представляется, что результаты этого анализа представляют определенный интерес в общем контексте проблематики соотнесения письменных и материальных источников, включая и материалы археологических исследований, и сохранившиеся, и не-сохранившиеся до наших дней памятники архитектуры эпохи средневековья, поскольку эта проблематика на-

всегда остается актуальной и для историков, и для археологов, и для историков искусства.

Итак – всему есть начало. Древнерусская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством автора этих строк начала исследования в Угличе в 1989 г., продолжив раскопки, начатые в 1985 г. экспедицией ЛГУ, возглавлявшейся Вал.А. Булкиным. С 1992 г. в составе экспедиции работает архитектурный отряд Е.А. Туровой. Исследования на территории кремля, Успенской площади, Никольского Улейминского и Алексеевского монастырей велись медленно по вполне объективным причинам, – приходилось вписываться в ритм работы музея, добиваться согласований от ярославских чиновников и настоятелей обителей, – но результаты оказались впечатляющими и регулярно представлялись в публикациях, от тезисов ежегодных отчетных сессий в Эрмитаже до монографии 2003 г. (Томсинский 2003).

Откровенно говоря, мы довольно уютно ощущали себя в обретенной нише и не боялись появления возможных оппонентов, полагая, что коллегам, слава Богу,

есть куда направить свою творческую активность. Разумеется, для такого благодушия не было реальных оснований, но, тем не менее, до самого 2001 г. нам удавалось успешно удерживать свои позиции. А в 2001 г., когда археологический отряд экспедиции вел очередной стометровый раскоп в кремле, а архитектурный отряд работал в Алексеевском монастыре, на горизонте появился маститый С.С. Подъяпольский, коего сопровождали А.В. Яганов и Е.А. Рузаева. К этому времени Е.А. Турова давно уже начала исследования Алексеевского собора и успела опубликовать результаты этих исследований как первооткрыватель памятника (Турова 2001), о чем и было сообщено в подробностях (кроме факта публикации) С.С. Подъяпольскому. От души поздравив нас с открытием этого памятника, Сергей Сергеевич в сопровождении своих спутников проследовал дальше. Разумеется, мы понятия не имели, что А.В. Яганов и Е.А. Рузаева ждали великие дела – исследования Успенского собора в Дмитрове, результаты коих будут явлены научному сообществу уже через два года. Результаты будут впечатляющими, но недоброжелатели и завистники не преминули оповестить читателей Википедии, что «из монографии “Успенский собор в Дмитрове” Яганов А.В., Рузаева Е.И. как бы, естественно, вытекает, что это их авторская заслуга в установлении факта единовременности (собора – С.Т.), но они могли исследовать памятник только в 2001-2003 годах (о чем они сами оговорились в предисловии монографии), имея на руках исследование С.А. Гаврилова, его же проект реставрации 1983 г. и значительный объем устной информации, поскольку А.В. Яганов работал техником в бригаде С.А. Гаврилова с 1986 по 1991 год»¹. Sapienti sat. Впрочем, дмитровский эпизод – тема особая и нас прямо не касающаяся.

Через год скончался С.С. Подъяпольский, которого А.В. Яганов называет своим учителем. А нам было не до перипетий дмитровских реставраций, своих дел хватало: переговоры с настоятельницами Алексеевского монастыря о продолжении работ шли трудно и долго, но, наконец, к сезону 2005 г. (через два года после выхода дмитровской монографии А.В. Яганова и Е.А. Рузаевой) мы получили разрешение... и узнали от настоятельницы, что весной в обители уже водворились москвичи. После долгих препирательств и демонстрации открытого листа, архитектурному отряду все же удалось заложить один шурф у алтарных абсид. С тем мы и покинули Углич в том самом 2005 г., тем паче, что в историческом центре города начались процессы, никак не способствовавшие продолжению исследований, и которые завершаются сейчас преобразованием одного из древнейших русских городов сообразно эстетике менеджеров среднего звена. Новым объектом наших исследований стала Александровская слобода. И только много позже мы узнали от А.Л. Баталова, что А.В. Яганов открыл Алексеевский храм в Угличе (Баталов 2016: 233).

Затем последовала серия публикаций, так или иначе затрагивающих темы наших исследований в этом

городе (Яганов 2009; 2014; 2016; 2018; 2021). В полемику мы очень долго не ввязывались, и на то были свои причины. Во-первых, полемика – не наш жанр, ибо разногласия по научным вопросам сплошь да рядом переходят в склоки, которых хотелось бы избежать. Во-вторых, полемика, тем более склока – это всегда реклама оппонента, а этого тоже хотелось бы избежать. Наконец, в третьих, у нас просто не было на полемику времени, введение материалов раскопок в научный оборот представлялось более важным. И только когда А.В. Яганов пустился в рассуждения об основании Александровской слободы, где наша экспедиция работает до настоящего времени, терпение лопнуло, ибо стало понятно, что нам, что называется, не разойтись на этом попроще и на вызовы надо отвечать, пусть и с опозданием (Яганов 2018a). Тем более, что А.В. Яганов давно уже представляет себя не только историком архитектуры, на что как выпускник славного МАРХИ, разумеется, полное право, но и берется за анализ письменных источников, чему его в МАРХИ определенно не учили. Автора этих строк интересует именно эта составляющая построений А.В. Яганова и внутренняя логика, весомость и мотивация этих построений, а не рассуждения о «размероформатах» кирпича или вариантах белокаменных кладок, о которых пусть выскажутся специалисты собственно в истории архитектуры и которые вне исторических контекстов вообще никакого интереса ни для кого не представляют.

Если попытаться определить константу рассуждений А.В. Яганова о письменных источниках, отразивших прошлое Углича, то таковая обнаружится без особого труда: это крайняя категоричность выводов, порожденная плохо скрываемой нетерпимостью к любым проявлениям инакомыслия.

Категоричность – порождение простоты и с неизбежностью порождает простоту. Но истоки категоричности могут быть различными, и важно эти истоки разглядеть. Иногда эта простота интерпретаций отдаленного прошлого есть ни что иное, как просто защитная реакция, возникающая от осознания или подсознательного ощущения недостоверности, т.е. гипотетичности построений, которыми уверенно оперируют историки и археологи. Предоставим слово многоопытному Д.А. Крайнову, пусть и в передаче беспощадного к коллегам А.А. Формозова: «Как все было на самом деле, никогда не узнаешь. Надо что-нибудь придумать, а потом стоять на своем. Вам будут говорить – то не так, это – это не эдак – а вы никого не слушайте. Повторяйте все снова, и от Вас отстанут» (Формозов 2005: 24). Дмитрий Алексеевич, разумеется имел в виду именно механизм отстаивания гипотез («что-нибудь придумать» – именно об этом), но в процессе полемики удержаться на позиции признания собственных выводов недостоверным, гипотетическим знанием, просто невозможно: повторяя снова и снова, не столько убеждают оппонентов, сколько самого себя. Да и реалии организации в обществе науки, в том числе и представлений о прошлом, поскольку эти представления признаются наукой, никак тому не способствуют.

¹ Электронный ресурс: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Успенский_собор_\(Дмитров\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Успенский_собор_(Дмитров)) (Дата обращения – 20.02.2023).

«Я знаю, что ничего не знаю» – звучит красиво в устах философа, предоставленного самому себе, но не в устах научного сотрудника, от коего социум, нравится нам это или нет, ожидает именно констатаций максимальной, если не полной достоверности его выводов как гарантии правильности той или иной принимаемой этим социумом парадигмы прошлого. Посему историки и археологи очень любят обвинять оппонентов в категоричности, но только затем, чтобы самим тут же продемонстрировать таковую в собственных построениях. Это понятно и это неустранимо. Вот, например, Н.С. Борисов, пожалуй, самый серьезный на сегодняшний день исследователь эпохи Московского царства, яко добрый пастырь наставляет паству: «А между тем, понятие истины в истории вообще весьма условно. И чем глубже в прошлое, тем очевиднее эта условность. Поэтому историк, ответственно относящийся к своим словам, никогда не скажет: “Я знаю, как это было на самом деле”. Он скажет: “Основываясь на своем опыте и своих знаниях, я представляю себе это дело следующим образом... Как говорят художники, “я так вижу”. Но это вовсе не означает, что другой не может увидеть все это совершенно по-другому» (Борисов 2004: 452).

Увы, подобные проповеди слушают, время от времени согласно кивают – но не внимают. Тем более, если сам проповедник отнюдь не склонен следовать собственной декларации. Вот, к примеру, патрон А.В. Яганова, А.Л. Баталов, утверждает: «Методология изучения не позволяет выбрать один источник и подчинять ему другие исторические материалы. Напротив, анализ археологических находок, архитектурного облика, письменных источников должен вестись независимо по этим направлениям и лишь затем результаты исследований можно сопоставлять. Только в этом случае можно будет приблизиться к исторической достоверности. Исследователь должен работать против своего первичного постулата, а не подверстывать под него результаты анализа, искусственно отменяя опровергающие его гипотезу» (Баталов 2020: 190). Самое смешное, что статья, из которой позаимствована сия цитата, начинается наставлениями на тему, каким должен быть храм XVI в., а каким – XV в. (Баталов 2020: 174-175). И где здесь, позвольте полюбопытствовать, «работа против своего первичного поступала»? Конечно, архитектура – искусство точное и поддается чисто математическому анализу, но речь-то в данном случае идет не об этом, а о сугубо априорной уверенности исследователя в своей правоте, притом, что наблюдать *de visu* все многообразие архитектуры XV-XVI вв. этот исследователь не может.

Получается, что благие советы о комплексном походе к памятникам дает догматик, отождествляющий достоверное знание с собственной широкой эрудицией, а это aberrация сколь широко распространена на поприще науки, столь и опасна. В археологии, кстати, очень часто построения мэтров, одержимых этой aberrацией, опровергали заурядные дилетанты, обнаруживающие нечто, не вписывающееся в эти построения. У археологов широкое поле для маневра, «археологическая мысль» постоянно предлагает новые концепции. В истории архитектуры, конечно, поле для маневров много уже, чем

у археологов, соответственно, больше соблазнов создания собственных «таблиц Менделеева», но и это поле на замок не запирается, и рано или поздно... Впрочем, нас в данном случае интересует другое: догматизм, прорастающий из отождествления эрудиции и достоверного знания, с неизбежностью распространяется на все источники, которыми будет оперировать исследователь, в том числе и на источники письменные. Отсюда столь резкая полемика по вопросу о датировке, в частности, достаточно второстепенного памятника, как Никольский собор в Красном холме, которой посвящена цитируемая нами статья А.Л. Баталова.

Судя по публикациям А.В. Яганова, методические установки этих работ и даже стилистика полностью совпадают с методическими установками его патрона, А.Л. Баталова. Разумеется, есть и отличия: у А.Л. Баталова отчетливо звучит вполне соответствующая его статусу менторская интонация, а у А.В. Яганова таковая иногда пробивается, но производит скорее раздражающе-комическое впечатление. Но в главном они солидарны: оба исследователя вполне убеждены, что среди письменных источников есть не заслуживающие серьезного внимания, «недостоверные», потому что «тенденциозные» (Баталов 2020: 180) и таковыми прежде всего являются источники поздние. Тенденция к дискредитации этих источников у А.В. Яганова просматривается вполне отчетливо в большинстве работ и свидетельствует о полном непонимании того простого факта, что каждый письменный источник, к какому бы времени он не относился и какому бы жанру не принадлежал, в той или иной степени «недостоверен», ибо не отражает и не может отразить все многообразие исторической действительности и уж тем более «тенденциозен», ибо отражает прежде всего мотивации составителя. Классический пример – не летописные своды XII-XVI вв. и не «Летописцы» XVIII-XIX вв., а умело составленные бухгалтерские ведомости и отчеты о проделанной работе, составлявшие которые приходилось каждому из нас. Критика источника – это нечто гораздо более сложное, чем обычно представляется некоторым искателями вождельной «достоверности», поскольку «недостоверным» бывает не сам источник, а содержащаяся в нем информация, причем время создания самого текста не имеет никакого значения.

Возьмем на себя смелость предположить, что уверенности в своих выводах А.В. Яганову придает и активная работа в жанре соавторства, причем среди соавторов обнаруживаются весьма влиятельные в отечественной археологии фигуры. В одной из статей, посвященной исследованиям в Московском Кремле, обнаруживается такой, обратный по алфавиту, порядок авторов: А.В. Яганов, А.В. Энговатова, Н.А. Макаров, что определенно свидетельствует о признании статуса и заслуг первого поименованного старшими коллегами (Яганов, Энговатова, Макаров 2018). А есть еще и давно благосклонный к А.В. Яганову А.Л. Баталов. В такой системе координат поневоле уверуешь в себя как в единственного обладателя достоверного знания об отдаленном прошлом. Чтобы выяснить, к чему это приводит, нет смысла рассматривать все шесть десятков публикаций А.В. Ягано-

ва, достаточно будет выборки из двух, представляющих нам наиболее показательными, работ, которые посвящены именно угличской проблематике и в которых он выступает *sine collega*.

Первая работа посвящена истории двух Богоявленских монастырей в Угличе, мужского и женского. И начинается она характеристикой «Угличских летописцев» XVIII в., из которой имеет смысл привести пространную цитату: «Сочинителем их протографа считают старообрядца-беспоповца Григория Дмитриевича Серебренникова. Его многочисленные последователи-переписчики в дальнейшем на свой взгляд и вкус вносили в это произведение “дополнения” и “уточнения”. Писания Г.Д. Серебренникова послужили источником для критических и даже иронических высказываний со стороны его младших родственников, И.П. и В.И. Серебренниковых, которые также занимались местным краеведением. Как вспоминал Василий Иванович Серебренников, “Григорий Дмитриевич был замечателен наклонностью к авторству. Он немало написал всяких повествований о здешних монастырях и угодниках и оставил даже довольно обширное “Сказание о преславном и Богоспасаемом граде Угличе”... Но все, написанное им, крайне риторично и многословно, а в “Сказании” даже много противоречия в самих фактах. Видно, что старик, где что находил об Угличе, то и вносил безо всякой критики в свое “Сказание”. Отец даже говаривал, что “дядя Григорий много врал и от себя”. Но, как бы то ни было, а я, отчасти, пользовался трудами Григория Дмитриевича, когда, в былое время, писал статьи об Угличе для “Неофициальной части” Ярославских губернских ведомостей”» (Яганов 2018: 221).

Здесь, конечно, в первую очередь обращает на себя внимание мазок широкой кистью: «считают» – кто? где ссылки – хоть одна! – на выводы тех, кто занимался этими источниками?! Однако и себе автор не приписывает это ответственное заключение? Но это полбеды! Хуже другое. Приведенная выше цитата не может не повергнуть в недоумение: уничижительная оценка степени достоверности источника дается со слов угличских краеведов XIX в., которые вообще не занимались разбором этого источника, да и не могли провести такой разбор, но «отчасти пользовались». Более того. Рассуждая далее о возникшей в Угличе в XVIII в. религиозной практике почитания места погребения некой Анастасии, почему-то называя эту религиозную практику «суеверием», А.В. Яганов не без удовлетворения констатирует, что – так и быть! – действительно, «кое-что» позаимствовать – можно (Яганов 2018: 226-228).

Между тем, писания Г.Д. Серебренникова, если уж считать именно его «сочинителем протографа», *ipso facto* ничем принципиально не отличаются от писаний составителей средневековых летописных сводов (да он и сам представлял себя именно летописцем). Проблема достоверности информации, содержащейся в этих сводах, в т.ч. и наличия в них прямых или косвенных цитат из Библии даже в первых летописных рассказах – очень сложна и занимает несколько поколений историков (Данилевский 2004). Следовательно, в полной мере оценить степень достоверности Угличских Лето-

писцев можно только после столь же серьезного анализа, которому подвергаются средневековые источники. В них, отрешившись от априорной уверенности в «недостоверности», надлежит обрести и те же библеизмы, и устную традицию, представляющую для историка огромный интерес, и, наконец, цитаты из утраченных более ранних текстов, в т.ч. местного средневекового летописания. Все это не может не присутствовать в текстах Угличских Летописцев хотя бы по той простой причине, что даже в Новое время заведомые «сочинители», прозаики и поэты, как известно, ничего не «сочиняют», а только версифицируют в контексте некой литературной традиции те или иные вполне реальные факты. Но... кто этим будет заниматься? Руки не доходят, ибо сия работа лавров не обещает.

Ну а если речь идет об источниках, которые вызывают доверие исследователя, например, об известной вкладной записи Марфы Романовой в Богоявленский монастырь? А.В. Яганов пытается убедить читателя, что текст этого документа свидетельствует об основании монастыря в угличском кремле матерью царя Михаила Федоровича в 1620-е гг. Однако решительно никаких доказательств тому в тексте документа нет: слова «игумень с сестрами и с священниками, кто в том монастыре учнут жити», могут свидетельствовать как об основании, так и об обновлении, ибо это просто вкладная формула, утверждавшая вечное моление по душе вкладчицы – и священник К. Ярославский в 1886 г. это знал, а А.В. Яганов недоумевает над «противоречиями» в его статье (Ярославский 1886; Яганов 2018: 225). Не свидетельствуют в пользу версии основания обители только в 1620-е гг. и представленные А.В. Ягановым документы о помещении Богоявленского монастыря в кремле, восстанавливаемом после разгрома города, тем более не свидетельствует казус с могилой некой Анастасии на кладбище при храме св. Афанасия и Кирилла на Ярославской дороге (Яганов 2018: 228). Дело в том, что приведенные данные действительно могут поставить под сомнение (именно под сомнение) существование обители до Смуты в кремле – но никак не опровергнуть возможность существования девичьего монастыря с таким посвящением вообще в городе, например, где-то поблизости от кремля.

Кстати, в рассуждениях о Богоявленском девичьем монастыре в кремле А.В. Яганов почему-то снова ссылается на грамоту Василия Шуйского от 21 марта 1610 г.: «Место для устройства обители в городской крепости было предоставлено властями Алексеевского монастыря согласно грамоте 1610 г., где это условие было оговорено». Но в грамоте-то, опубликованной С.И. Шумаковым, речь идет о том самом Богоявленском мужском монастыре, который А.В. Яганов локализует за Волгой на Богоявленской горе (Яганов 2018: 219). Именно к этой обители относятся слова: «А место, где стоял Богоявленский монастырь, пожаловали есмя, велели дати томужь Олексеевскому монастырю на приезжей дворъ» (Шумаков 1899: 17). Ошибка в монтаже текста? Нет! Ибо дальше А.В. Яганов пускается в пространные и странные рассуждения: «Около 1626 г. в Алексеевском монастыре строится каменная церковь Богоявления Господня с трапез-

ной и колокольной. Видимо, устройство престола было одним из неоговоренных в грамоте условий владения землями разоренного монастыря. Но уже в 1629-1630 гг., как видно из писцовой книги С.А. Давыдова и подъячего О. Трофимова, он значится во имя «Пречистыя Богородицы Одигитрия». Почему так быстро произошла смена посвящения церкви? Во второй половине 1620-х гг. в Угличе возникает Богоявленский девичий монастырь, поэтому власти Алексеевского монастыря должны были считаться с предписаниями царской грамоты 1610 г.» (Яганов 218: 224). Остается только поставить несколько вопросительных знаков, ибо каким образом здесь совмещаются мужской и девичий монастыри – понятно, видимо, только самому автору.

Таким образом, в сухом остатке анализа источников – априорная уверенность в том, что отсутствие документов о существовании Богоявленского монастыря до Смуты и есть достоверное доказательство основания обители в 1620-е гг. Вряд ли этого достаточно для столь уверенных констатаций. Соответственно, бездоказательно и утверждение А.В. Яганова, что «содержащиеся в «летописцах» сведения о существовании Богоявленского девичьего монастыря до Смуты и пострижении в нем в 1591 г. царицы Марии Федоровны – матери царевича Димитрия – являются вымыслом и не подтверждаются другими источниками» (Яганов 2018: 225), ради которого, собственно, и написана эта статья – поскольку непонятно о каких «других источниках» вообще может здесь идти речь. Пафос обличения «Угличских Летописцев» и «поздних преданий» оказывается ложным – чего, собственно, и следовало ожидать.

Вторая статья А.В. Яганова, которая уже касается непосредственно работ Древнерусской экспедиции в Угличе, опубликована в рубрике «Дискуссии» солидного журнала «Вестник сектора древнерусского искусства» Государственного института искусствознания. Дискуссии по горячим следам не получилось: поскольку мы не отслеживаем специально публикации Андрея Викторовича, статья дошла до нас с двухлетним опозданием, но это печальное обстоятельство отнюдь не лишило нас удовольствия от знакомства с его очереднымopusом (Яганов 2021). Судя по выбору площадки для выступления и тексту статьи, представленная Е.А. Туровой ретроспектива строительной истории Спасского собора XV в. в Угличе (Турова 2019) не просто вызвала у А.В. Яганова вполне ожидаемые возражения, но сильно задела его за живое – как безальтернативного в собственных глазах претендента на постижение этого памятника, благо в его активе уже числится статья (в соавторстве) о порядной записи строителей ныне существующего храма (Зубарев, Яганов 2015).

Само по себе желание исследовать этот комплекс, разумеется, ни удивления, ни нареканий не вызывает. Спасский собор и остатки дворца удельных князей в Угличе, – лакомый кусок для исследователей архитектуры Московского царства, – после раскопок Вал.А. Булкина 1985-1989 гг. по ряду вполне объективных причин не подвергались раскопкам. Древнерусская экспедиция за 16 лет работ в Угличе не приступала к этому объекту, пока Вал.А. Булкин был жив – извините, г-н Яганов,

нас так учили, хотя было очевидно, что к угличской проблематике он больше не вернется и от осмысления результатов своих исследований *de facto* отказался. Единственный раскоп № 12 в 1996-1997 гг. был заложен с целью изучения антропогенных отложений верхней береговой террасы мысовой площадки кремля (Томсинский 2003: 26, 96-100). И после кончины Валентина Александровича мы не закладывали раскопов на остатках дворца. Опубликовавший материалы раскопок Вал.А. Булкина А.М. Салимов также не мог продолжить исследования (Булкин, Салимов 2017).

Почему бы А.В. Яганову, прочно обосновавшемуся на позиции соавтора маститых, не заявить свои претензии? Негодовать, если угодно, можно – а запретить нельзя! Однако же для таких претензий одних амбиций мало, надо не только обосновать амбиции авторитетом, но и продемонстрировать реальный потенциал исследователя. Очевидно, упомянутая выше статья Е.А. Туровой показала А.В. Яганову удобным поводом для такой демонстрации. Демонстрация, надо признать, замыслена эффектная: здесь и широкая историческая ретроспектива, и наставления по правильному прочтению стратиграфии угличского кремля тем, кто два десятка лет отдал этому памятнику, и рассуждения о «типоформатах» кирпича... Мы не будем здесь касаться собственно архитектурной проблематики в рассуждениях А.В. Яганова о Спасском соборе и княжеском дворце по тем же причинам, что были озвучены выше, тем паче, что и в этом случае Е.А. Турова вполне может ответить А.В. Яганову, если сочтет нужным. Посмотрим, как здесь А.В. Яганов работает с другими источниками и чем восполняет очевидный недостаток таковых.

Историография любой проблемы – весьма неровное поле. Здесь важны и представление фактов, и умолчания, и интонация, в которой обязательно прорывается истинное отношение автора к предшественникам и коллегам. И полемическая статья А.В. Яганова лишней раз демонстрирует все сложности движения по этому полю: его «угличиада» в статье 2021 г. пошла, *ut ita dicam*, по кочкам.

Начинает он, естественно, с раскопок в Угличе И.А. Тихомирова в 1900 г. – и выносит вердикт: «Но материалы методически несовершенных раскопок И.А. Тихомирова недостаточно документированы и ограничиваются общим планом остатков вскрытых зданий и кратким сортаментом обнаруженных строительных материалов. Описательная часть опубликованного отчета состоит из многостраничного текста, где подробнейшим образом излагается ход мыслей автора, но содержится мало конкретных фактов и наблюдений» (Яганов 2021: 230). Хорошо хоть не «врал от себя», как Г.Д. Серебренников! О чем были мысли Иллариона Алексеевича – не имеет значения, главное, он не обеспечил Андрея Викторовича необходимыми фактами и наблюдениями и был методически несовершенен. И ведь возразить-то по факту нечего! Вспоминается бессмертное ленинское: «Нечто формально правильное, а по сути – издевательство» (Ленин 1970: 328).

Столь же четко и лаконично охарактеризованы исследования О.М. Иоаннисяна: «Вторыми по времени

были разведочные археологические исследования О.М. Иоаннисяна 1983 г. Заложив небольшой раскоп и две траншеи, убедившись, что никаких домонгольских каменных построек угличское городище не содержит, он прекратил дальнейшие исследования» (Яганов 2021: 230). И опять возразить нечего, разве что напомнить, что никакого «городища» в Угличе нет. С тем же успехом можно было назвать «городищем» не только угличский, но и московский Кремль, в котором А.В. Яганов столь продуктивно поработал. Ибо «городище» в древнерусском и русском языках – запустевший «город», т.е. укрепленное поселение – как «селище» есть запустевшее село.

Не удовлетворяют А.В. Яганова и результаты исследований Вал.А. Булкина 1985-1989 гг.: «Хотя Вал.А. Булкин предложил собственное видение основных этапов, первый из которых он связывал с возведением Спасского собора при князе Андрее Большом, а последующие – со строительством дворца, но уточняющих датировок этих периодов он не дал. Одной из причин отсутствия более конкретных выводов, как мы считаем, стало поверхностное знание памятников архитектуры второй половины XV – начала XVI в. Археологически не решен даже такой важный вопрос, как время окончательного уничтожения дворцовых построек. Многолетние раскопки Вал.А. Булкина лишь в общих чертах разрешили один из связанных с дворцовым комплексом вопросов – подтвердили датировку первого каменного Спасского собора двумя последними десятилетиями XV в.» (Яганов 2021: 231). Далее выясняется, что «при работах 1985-1989 гг. обращение к стратиграфии по отношению к выявленным каменным постройкам имело довольно специфический характер и не демонстрировало общей картины их появления и разрушения, поэтому к сделанным тогда наработкам обратиться едва ли возможно» (Яганов 2021: 257). Сказано витиевато, но понять можно: стратиграфии 1985-1989 гг. не содержат тех данных, которые могут поддержать построения самого А.В. Яганова. Попутно наш знатный источниковед акцентирует «поверхностные знания» исследователя, кандидатская диссертация которого называлась, между прочим, «Итальянизмы в древнерусском зодчестве XVI века», стало быть, хоть и на уровне 1970-х гг., но в материале он достаточно уверенно ориентировался. Но пусть бы А.В. Яганов был прав. Позволительно задать вопрос: что правильнее и честнее: уклониться от анализа материала, в котором не ощущаешь должной уверенности, или, стремясь к «конкретным выводам», оглашать наукообразные благоглупости? Более того: если знания Вал.А. Булкина были «поверхностны», то столь же «поверхностны» знания и нескольких поколений его учеников в ЛГУ, навсегда сохранивших об учителе благодарную память? Так или не так?! Так! Как все-таки много можно сказать одним словом, как это...то-оненько, Андрей Викторович! Volens aut nolens? Впрочем – дело привычное.

Откровенно комично звучит замечание о «стремлении Е.А. Туровой внести свой вклад» в изучение угличского комплекса построек XV в. (Яганов 2021: 231). Позволим себе напомнить, что Е.А. Туровой никуда

«стремиться» не надо, ибо она в 1985 г. своими руками расчищала, обмеряла и фиксировала ту самую абсиду Спасского собора XV в., которая выступает из-под портика ныне существующего храма, и в последующие сезоны участвовала в раскопках дворца в составе экспедиции ЛГУ. Так что свой вклад она – давно и честно внесла, и прав у нее на этот памятник примерно столько же, сколько у А.В. Яганова на Успенский собор в Дмитрове – однако конъюнктуры сложились разные.

Видимо, пренебрежительная характеристика Вал.А. Булкина, А.М. Салимова и Е.А. Туровой представлена с оглядкой на А.Л. Баталова, который в цитированной выше статье о Краснохолмском монастыре объявил двух из этих исследователей ни больше, ни меньше, как противостоящими «академической парадигме» (Баталов 2020: 199). Что ж, обратимся к рассуждениям А.В. Яганова о строительстве Спасского собора и дворца в Угличе – возможно, эти рассуждения помогут нам конкретизировать объем и содержание понятий, определяемых столь претенциозным термином.

Начнем с того, что гипотезу о строительстве первого Спасского собора в Угличе Дмитрием Юрьевичем Шемякой в 1434-36 гг. Е.А. Турова построила на летописном сообщении о приглашении этим князем Василия II на свадьбу в Углич и результатах археологических исследований 1985, 1986 и 2018 гг. Гипотеза представляется вполне обоснованной, поддающейся проверке и плодотворной, следовательно, для опровержения нужны достоверно установленные факты, ибо гипотеза не может опровергаться ни другой гипотезой, ни, тем паче, догадками. Но – никаких достоверных фактов, противоречащих гипотезе Е.А. Туровой, в распоряжении А.В. Яганова нет. Приходится апеллировать к «здоровому смыслу», долго объясняя читателю, что должен был делать князь Дмитрий Юрьевич, получив Углич в удел, чего не должен и чего «не успел», точнее, не мог успеть. Но здравый смысл может быть основан только на опыте – на каком опыте в данном случае? Реалии исторической действительности XV в. навсегда скрыты за Порогом познания. Если уж вы рассуждаете о стоимости строительства, позволительно поинтересоваться, есть ли у вас достоверные данные о том, сколько же это на самом деле стоило и о казне Дмитрия Юрьевича, коего А.В. Яганов, акцентируя его «бедность», пренебрежительно именуется владельцем «ничтожной Рузы» и даже «Русским» – такого прозвища, насколько нам известно, ему не присваивал ни один историк, в т.ч. и А.А. Зимин, на которого он ссылается в своей статье (Зимин 1991: 4, 18, 26, 32, 33, 40).

Остается, кстати, неясным, почему князь Юрий Дмитриевич своему среднему сыну дал в удел Рузу, а старшему и младшему – Звенигород и Галич, уделы действительно более доходные. Но с чего А.В. Яганов взял, что доходы Шемяки и любого другого князя зависели только от поступлений с удела? Историческая действительность была гораздо сложнее, источников дохода могло быть много больше, вплоть до разбоя, коим в те времена никто не брезговал, а уж такой авантюрист, как Шемяка – и подавно. Может быть, отец предполагал, что средний его сын найдет или уже нашел способ

поправить материальное положение? Так или иначе, но А.В. Яганов деликатно умалчивает, что после смерти Юрия Дмитриевича его сыновья, Василий Косой и Дмитрий Шемяка, унаследовали отцовскую треть Москвы, стало быть, был еще один источник дохода, правда, недолгий, но в 1434-1436 гг. вполне реальный (ДДГ 1950: 73).

Непонятен адресованный Е.А. Туровой упрек в том, что она ограничилась ссылкой на исследование А.В. Экземплярского, не демонстрируя своей эрудиции ссылками на тех, на кого ссылался Андрей Васильевич – и на тех, которые ссылались на него. Двухтомный труд А.В. Экземплярского – не «биографический очерк», а очень серьезное, как принято выражаться, «капитальное» исследование, ссылки на которое в данном случае более чем достаточно (Экземплярский 1889; 1891).

Ни на чем не основаны декларативные утверждения, что Шемяка должен был (видимо, лично!) заниматься «размещением своего «двора»» (три сотни конных воинов) в новом уделе и «не принимал всерьез Углич», вынашивая амбициозные планы, что война Василия Косого, оперировавшего в этот период в лесах Заволжья, могла как-то повлиять на строительство в Угличе (Яганов 2021: 233-235). Все это не более, чем измышления, которые могли бы показаться откровенно «студенческими», если бы не агрессивная уверенность их автора в своей правоте. Кстати, и «двор» Шемяки принял участие в войне только после «поимания» князя в Москве. На зыбком поле догадок можно было бы, например, выдвинуть версию, что Шемяка уже обнаружил в Угличе строительный материал, запасенный еще постригшимся в монахи князем Константином Дмитриевичем, который и пустил в дело. А почему же нет?! Потому что «нет источников»?

Есть удостоверенный летописью факт: Дмитрий Юрьевич, имевший свой двор в Москве и бывший, как и прочие потомки Дмитрия Донского, одним из владельцев Москвы, почему-то пожелал не только венчаться не в московском Успенском соборе, а в Угличе, но и пригласил на торжество великого князя. Ну – пожелал и пожелал. Пригласил – и пригласил. Но! Такие приглашения (как, впрочем, и любое приглашение гостя высокого статуса и в те времена, и в наши дни) налагали на принимающую сторону особую ответственность, ибо могли обернуться бесчестьем и для гостя, и для хозяина с соответствующими последствиями. Шемяка должен был помнить казус, правда, не свадебный, своего отца, Юрия Дмитриевича, который в 1425 г. к приезду митрополита Фотия «чернь свою събрав из городов своих и волостей, из сел и деревень, и бысть их многое множество, и постави их на горе от града с приезда митрополита, кажа ему многих людей своих. Митрополит же... възрев на онь народ, иже по горе стояць, и рече князю Юрью: “Сыну, не видах столко народа в овчих шерстех”, вси бо бяху в сермягах; князь бо хотя явится яко много люди име, а святитель в глум си вменив себе» (ПСРЛ VIII: 93).

В этот контекст гипотеза Е.А. Туровой о приглашении великого князя на венчание именно в новопостроенный каменный собор вполне вписывается. Позволим себе привести здесь заключение известного русского

адвоката Н.П. Карабчевского о косвенных уликах: «Косвенные улики, в отличие от прямых, могут быть очень тонкие, очень легковесные сами по себе, но одно внутреннее качество им обязательно должно быть присуще: они математически должны быть точны. Точны в смысле своей собственной достоверности, качества и размера. Другое непереносимое условие: чтобы эти малые сами по себе величины давали все-таки некоторый реальный итог, чтобы они составляли собой одну непрерывную цепь отдельных звеньев» (Карабчевский 1916: 387).

Свадебное приглашение Шемяки, вопреки утверждениям А.В. Яганова – не «эпизод», а весьма важное и, несомненно, продуманное деяние; не продумал князь Дмитрий Юрьевич только его последствия – но это уже не его вина. А.В. Яганов в связи с этим напоминает, что сам Иван III венчался с Софьей Палеолог во временной деревянной церкви, установленной в недостроенном Успенском соборе – но этот контраргумент может убедить только того, кто его приводит (Яганов 2021: 235). И напрасно А.В. Яганов иронизирует над матримониальной линией в традиции княжеского ктитинства: бракосочетание удельного князя, как и бракосочетание простолюдина, было важнейшим фактом биографии, демонстрацией утверждения или повышения статуса, следовательно, в отдельных и, надо полагать, нередких случаях действительно могло быть связано с храмоздательством, т.е. если не со строительством нового сакрального центра удела, то с какими-то поновлениями уже существующего. Разумеется, вопреки его неловким инсинуациям, Е.А. Турова не утверждала, что все храмы возводились по случаю бракосочетания князей (Турова 2019: 138). Этот *argumentum ad invidia*, а говоря по-русски, обыкновенная полемическая пакость, кстати, вполне обычная в «академической парадигме» как и во всех прочих парадигмах, лишней раз доказывает, что любые попытки осмысления строительных традиций Древней Руси и Московского царства воспринимаются им чуть ли не как личное оскорбление. Впрочем, пакость вполне извинительная, с учетом растерянности и раздражения, в котором пребывал автор.

Как контрверсию гипотезе Е.А. Туровой А.В. Яганов выдвигает отвлекающие читателя рассуждения о перестройках угличского дворца владельцами города после 1491 г. Именно рассуждения, основанные исключительно на убежденности автора в том, что эти князья не могли не перестраивать дворец, более того, должны были перестраивать (Яганов 2021: 236). Ну и что? Даже если Дмитрий Жилка, долго княживший в Угличе, в самом деле что-то перестроил – какое отношение это имеет к теме статьи Е.А. Туровой? Ровным счетом никакого, кроме демонстрации эрудиции А.В. Яганова.

Что же здесь в сухом остатке? Как, собственно, и следовало ожидать, предмета для серьезной научной полемики на историческом поприще с А.В. Ягановым, собственно, не обнаруживается. Полемика может возникнуть вокруг гипотез, как недостоверного знания, претендующего на достоверность – но в исторических построениях А.В. Яганова, увы, нарушено первое требование к построению гипотез, а именно обоснован-

ность. Гипотез нет – есть догадки, а порой откровенные натяжки. Вероятно, на поприще собственно истории архитектуры поводы для полемики обнаружатся, однако, учитывая, как оперирует исследователь письменными источниками, можно полагать, что и там его позиции вряд ли будут неуязвимы.

Подведем итог. Обратившись к древностям Углича, А.В. Яганов с неизбежностью должен был подойти к важнейшим проблемам постижения отдаленного прошлого: характеристике поздних письменных источников, отразивших, в той или иной степени, разновременные устные традиции и соотношению материалов археологических исследований и результатов анализа сохранившихся до наших дней текстов эпохи Древней Руси и Московского царства. На эти темы и в России, и в других странах написаны тома на разных языках и, казалось бы, можно было бы осознать всю сложность проблем – однако этого не произошло, и результаты оказались неутешительными. Почему? Проще всего объяснить это той константой научного творчества А.В. Яганова, о которой речь шла выше. Но дело не только в этом. Дело еще и в том, и в первую очередь в том, на наш взгляд, что, как это ни парадоксально, искушенный в соавторстве исследователь, видимо, так и не осознал, что время даже самых талантливых и амбициозных

одиночек с впечатляющей работоспособностью, стимулированной академическими требованиями листажей – проходит, а соавторство – не команда, способная вести независимо друг от друга, но в тесном контакте комплексное исследование, это другой жанр. И не «независимое изучение» источников по А.Л. Баталову – этот жанр также приведет в тупик, поскольку и историки, и археологи, и искусствоведы, работая «независимо» в подавляющем большинстве случаев будут плодить гипотезы, т.е. то самое недостоверное знание, что на выходе создаст не сложение сил, а сложение слабостей. По мере осознания всей реальной сложности встающих перед исследователями задач, необходимость и неизбежность именно командного подхода становится все более очевидной, но вот правильная организация такого подхода оказывается делом очень непростым. Разумеется, в полной мере это относится и к изучению прошлого Углича, причем не только отдаленного. Только совместная, кропотливая и ответственная работа историков, археологов, искусствоведов может приблизить нас к максимальной обоснованности гипотез и даже вытащить крупницы истины из-за непреодолимого Порога Познания. Будем надеяться, что такая работа скоро начнется, вопреки всем реалиям нашего времени, уводящим исследователей совсем в другую сторону.

ЛИТЕРАТУРА

- Баталов 2016 - Баталов А.Л. Некоторые направления в теории и практике итальянского Ренессанса и их отражение в деятельности итальянских архитекторов в России в XVI веке // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сборник научных статей. Вып. 6. СПб.: НП-Принт, 2016. С. 229-241.
- Баталов 2020 - Баталов А.Л. Утрата историчности: полемика о датировке Никольского собора Антониева Краснохолмского монастыря // Искусствознание. 2020. № 4. С. 171-193.
- Борисов 2004 - Борисов Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М.: Молодая гвардия, 2004. 530 с.
- Булкин, Салимов 2017 - Булкин В.А., Салимов А.М. Строительство Андрея Большого в Угличском кремле по материалам архитектурно-археологических исследований 1985-1989 гг. // Seminarium Bulkinianum IV. К 80 летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина. СПб.: Каламос, 2017. С. 72-104.
- Данилевский 2004 - Данилевский И.Н. Цитаты, которые мы изучаем // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 2004. С. 299-317.
- ДДГ 1950 - Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950. 586 с.
- Зимин 1991 - Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России в XV в. М.: Мысль, 1991. 288 с.
- Зубарев, Яганов 2015 - Зубарев В.В., Яганов А.В. Подрядная запись 1700 г. на строительство соборной Спасо-Преображенской церкви в Угличе // Архитектурное наследие. Вып. 63. М.; СПб., 2015. С. 10-16.
- Карабчевский 1916 - Карабчевский Н.П. Речи 1882-1914 гг. М., 1916. 632 с.
- Ленин 1970 - Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 43. М.: Политическая литература, 1970. 561 с.
- ПСРЛ VIII - Полное собрание русских летописей. Т. VIII. Продолжение Воскресенской летописи. СПб., 1859. 301 с.
- Томсинский 2003 - Томсинский С.В. Угличе Поле в IX-XIII вв. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2003. 319 с.
- Турова 2001 - Турова Е.А. Церковь Алексея Митрополита Алексеевского монастыря в Угличе и ее строитель // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 35. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2001. С. 194-203.
- Турова 2019 - Турова Е.А. Результаты археологических работ Древнерусской экспедиции Государственного Эрмитажа сезона 2018 года в контексте исследований комплекса дворца удельных князей в Угличском кремле // Археология Владимирско-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 9. М., 2019. С. 129-140.
- Формозов 2005 - Формозов А.А. Человек и наука. Из записей археолога. М.: Знак, 2005. 222 с.
- Шумаков 1899 - Шумаков С.А. Угличские акты (1400-1749 гг.). М.: Университетская типография, 1899. 247 с.
- Экземплярский 1889 - Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. Т. I. СПб.: Издательство Императорской Академии наук, 1889. 475 с.
- Экземплярский 1891 - Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. Т. II. СПб.: Издательство Императорской Академии наук, 1891. 696 с.

- Яганов 2009** - Яганов А.В. О начале каменного строительства в угличском Николо-Улейминском монастыре // Искусство христианского мира. Сборник статей. М.: Издательство ПСТГУ, 2009. С. 167-177.
- Яганов 2012** - Яганов А.В. Об источниках датировки памятников «Бежецкого верку Николы Чудотворца Онтонова монастыря» // Архитектурное наследие. Вып. 57. М.: URSS, 2012. С. 51-66.
- Яганов 2014** - Яганов А.В. О ктиторской деятельности князя Андрея Васильевича Угличского // Археология: история и перспективы. Шестая межрегиональная конференция. Рыбинск: Рыбинский дом печати, 2014. С. 280-285.
- Яганов 2016** - Яганов А.В. О каменном Никольском соборе второй половины XVI в. Николо-Улейминского монастыря. Архитектурно-археологический комментарий // Археология: история и перспективы. Седьмая межрегиональная конференция. Сборник статей. Ярославль, 2016. С. 196-205.
- Яганов 2018** - Яганов А.В. К исторической топографии Углича: Богоявленский девичий монастырь // Археология: история и перспективы. Восьмая межрегиональная конференция. Сборник статей / под редакцией А.Е. Леонтьева. Ярославль: Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник; Академия 76. С. 218-229.
- Яганов 2018а** - Яганов А.В. «Новое село Олександровское», «Новая Слобода» или «Село Слобода Александровская»? Постановка вопросов для историко-топографического исследования // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 11. Тверь, 2018. С. 190-202.
- Яганов 2021** - Яганов А.В. Рецензия на статью: Турова Е.А. Результаты археологических работ Древнерусской экспедиции Государственного Эрмитажа сезона 2018 года в контексте исследований комплекса дворца удельных князей в Угличском кремле // Вестник сектора древнерусского искусства Государственного института искусствознания. 2021. № 1. С. 230-243.
- Яганов, Рузаева 2006** - Яганов А.В., Рузаева Е.А. К вопросу об истории Спасского собора Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле // Археология: история и перспективы. Сборник статей. М., 2006. С. 363-391.
- Яганов, Энговатова, Макаров 2018** - Яганов А.В., Энговатова А.В., Макаров Н.А. Восточная часть Кремля: история и историческая топография // Археология Московского Кремля: Раскопки 2016-2017 гг. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 26-31.
- Ярославский 1886** - Ярославский К. Об основании и месте первоначального существования Угличского Богоявленского женского монастыря // Ярославские епархиальные ведомости. № 40. Часть неофициальная. С. 630-640. № 41. Часть неофициальная. С. 654-656.

REFERENCES

- Batalov 2016** - Batalov A.L. Nekotorye napravleniya v teorii i praktike ital'yanskogo Renessansa i ih otrazhenie v deyatel'nosti ital'yanskih arhitektorov v Rossii v XVI veke [Some trends in the theory and practice of the Italian Renaissance and their reflection in the activities of Italian architects in Russia in the XVI century], in: Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: sbornik nauchnyh statej [Current problems of the theory and history of art: collection of scientific articles], Vol. 6, Saint-Petersburg, NP-Print Publ., 2016, pp. 229-241 [in Russian].
- Batalov 2020** - Batalov A.L. Utrata istorichnosti: polemika o datirovke Nikol'skogo sobora Antonieva Krasnoholmskogo monastyrya [Loss of historicity: the controversy over the dating of St. Nicholas Cathedral of the Antoniev Krasnokholmky Monastery], in: Iskustvoznaniye [Art studies], 2020, № 4, pp. 171-193 [in Russian].
- Borisov 2004** - Borisov N.S. Povsednevnyaya zhizn' srednevekovoj Rusi nakanune konca sveta [Everyday life of medieval Russia on the eve of the end of the world], Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2004, 530 p. [in Russian].
- Bulkin, Salimov 2017** - Bulkin Val.A., Salimov A.M. Stroitel'stvo Andrey Bol'shogo v Uglichskom kremlе po materialam arhitekturno-arheologicheskikh issledovanij 1985-1989 gg. [The construction of Andrei Bolshoy in the Uglich Kremlin based on the materials of architectural and archaeological research 1985-1989], in: Seminarium Bulkinianum IV. K 80 letiyu so dnya rozhdeniya Valentina Aleksandrovicha Bulkina [Seminarium Bulkinianum IV. On the 80th anniversary of the birth of Valentin Alexandrovich Bulkin], Saint-Petersburg, Kalamos Publ., 2017, pp. 72-104 [in Russian].
- Danilevskij 2004** - Danilevskij I.N. Citaty, kotorye my izuchaem [Quotes that we study], in: Odissej. CHelovek v istorii [Odysseus. A man in history], Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 299-317 [in Russian].
- DDG 1950** - Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knyazej XIV-XVI vv. [Spiritual and contractual letters of the great and appanage princes of the XIV-XVI centuries], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1950, 586 p. [in Russian].
- Ekzemplyarskij 1889** - Ekzemplyarskij A.V. Velikie i udel'nye knyaz'ya Severnoj Rusi v tatarskij period [The Great and Appanage princes of Northern Russia in the Tatar period], Vol. I, Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Imperatorskoj Akademii nauk Publ., 1889, 475 p. [in Russian].
- Ekzemplyarskij 1891** - Ekzemplyarskij A.V. Velikie i udel'nye knyaz'ya Severnoj Rusi v tatarskij period [The Great and Appanage princes of Northern Russia in the Tatar period], Vol. II, Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Imperatorskoj Akademii nauk Publ., 1891, 696 p. [in Russian].
- Formozov 2005** - Formozov A.A. CHelovek i nauka. Iz zapisej arheologa [Man and science. From the archaeologist's notes], Moscow, Znak Publ., 2005, 222 p. [in Russian].
- Karabchevskij 1916** - Karabchevskij N.P. Rechi 1882-1914 gg. [Speeches of 1882-1914], Moscow, 1916, 632 p. [in Russian].
- Lenin 1970** - Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij [The Complete Works], Vol. 43, Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1970, 561 p. [in Russian].
- PSRL VIII** - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. VIII. Prodolzhenie Voskresenskoj letopisi [The complete collection of Russian chronicles. Volume VIII. Continuation of the Resurrection Chronicle], Saint-Petersburg, 1859, 301 p. [in Russian].
- SHumakov 1899** - SHumakov S.A. Uglichskie akty (1400-1749 gg.) [The Uglich Acts (1400-1749)], Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1899, 247 p. [in Russian].
- Tomsinskij 2003** - Tominskij S.V. Ugleche Pole v IX-XIII vv. [Uglich in the IX-XIII centuries], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2003, 319 p. [in Russian].

- Turova 2001 - Turova E.A.** Cerkov' Alekseya Mitropolita Alekseevskogo monastyrya v Ugliche i ee stroitel' [The Church of Metropolitan Alexei of the Alekseevsky Monastery in Uglich and its builder], in: Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological collection of the State Hermitage Museum], Vol. 35, Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2001, pp. 194-203 [in Russian].
- Turova 2019 - Turova E.A.** Rezul'taty arheologicheskikh rabot Drevnerusskoj ekspedicii Gosudarstvennogo Ermitazha sezona 2018 goda v kontekste issledovanij kompleksa dvorca udel'nyh knyazjev v Uglichskom kremle [The results of the archaeological work of the Ancient Russian expedition of the State Hermitage Museum of the 2018 season in the context of research on the complex of the Palace of the Appanage Princes in the Uglich Kremlin], in: Arheologiya Vladimiro-Suzdal'skoj zemli. Materialy nauchnogo seminar [Archeology of the Vladimir-Suzdal land. Materials of the scientific seminar], Vol. 9, Moscow, 2019, pp. 129-140 [in Russian].
- YAganov 2009 - YAganov A.V.** O nachale kamennogo stroitel'stva v uglichskom Nikolo-Ulejminskom monastyre [About the beginning of stone construction in the Uglich Nikolo-Uleiminsky monastery], in: Iskusstvo hristianskogo mira. Sbornik statej [The art of the Christian world. Collection of articles], Moscow, Izdatel'stvo PSTGU Publ., 2009, pp. 167-177 [in Russian].
- YAganov 2012 - YAganov A.V.** Ob istochnikah datirovki pamyatnikov «Bezheckogo verhu Nikoly CHudotvorca Ontonova monastyrya» [About the sources of dating of the monuments of the "Bezhetsky top of St. Nicholas the Wonderworker Antonov Monastery"], in: Arhitekturnoe nasledstvo [Architectural heritage], Vol. 57, Moscow, URSS Publ., 2012, pp. 51-66 [in Russian].
- YAganov 2014 - YAganov A.V.** O ktitorskoj deyatelnosti knyazyza Andrey Vasil'evicha Uglichskogo [About the curatorial activities of Prince Andrei Vasilevich Uglichsky], in: Arheologiya: istoriya i perspektivy. Shestaya mezhregional'naya konferenciya [Archeology: history and prospects. The Sixth Interregional Conference], Rybinsk, Rybinskij dom pečati Publ., 2014, pp. 280-285 [in Russian].
- YAganov 2016 - YAganov A.V.** O kamennom Nikol'skom sobore vtoroj poloviny XVI v. Nikolo-Ulejminskogo monastyrya. Arhitekturno-arheologicheskij kommentarij [About the stone St. Nicholas Cathedral of the second half of the XVI century. Nikolo-Uleiminsky monastery. Architectural and archaeological commentary], in: Arheologiya: istoriya i perspektivy. Sed'maya mezhregional'naya konferenciya. Sbornik statej [Archeology: history and prospects. The seventh interregional Conference. Collection of articles], Yaroslavl, 2016, pp. 196-205 [in Russian].
- YAganov 2018 - YAganov A.V.** K istoricheskoj topografii Uglicha: Bogoyavlenskij devichij monastyr' [Towards the historical topography of Uglich: Epiphany Maiden Monastery], in: Arheologiya: istoriya i perspektivy. Vos'maya mezhregional'naya konferenciya. Sbornik statej / pod redakciej A.E. Leont'eva [Archeology: history and prospects. The eighth interregional conference. Collection of articles / edited by A.E. Leontiev], Yaroslavl, Yaroslavskij gosudarstvennyj istoriko-arhitekturnyj i hudozhestvennyj muzej-zapovednik Publ.; Akademiya 76 Publ., pp. 218-229 [in Russian].
- YAganov 2018a - YAganov A.V.** «Novoe selo Oleksandrovsckoe», «Novaya Sloboda» ili «Selo Sloboda Aleksandrovsckaya»? Postanovka voprosov dlya istoriko-topograficheskogo issledovaniya ["New village of Aleksandrovsckoye", "New Sloboda" or "Village of Sloboda Aleksandrovsckaya"? Setting questions for historical and topographical research], in: Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epohu srednevekov'ya [Tver, Tver Land and adjacent territories in the Middle Ages], Vol. 11, Tver, 2018, pp. 190-202 [in Russian].
- YAganov 2021 - YAganov A.V.** Recenziya na stat'yu: Turova E.A. Rezul'taty arheologicheskikh rabot Drevnerusskoj ekspedicii Gosudarstvennogo Ermitazha sezona 2018 goda v kontekste issledovanij kompleksa dvorca udel'nyh knyazjev v Uglichskom kremle [Review of the article: Turova E.A. The results of the archaeological work of the Ancient Russian expedition of the State Hermitage Museum of the 2018 season in the context of research of the Palace of the Appanage Princes in the Uglich Kremlin], in: Vestnik sektora drevnerusskogo iskusstva Gosudarstvennogo instituta iskusstvovznaniya [Bulletin of the Ancient Russian Art sector of the State Institute of Art Studies], 2021, № 1, pp. 230-243 [in Russian].
- YAganov, Engovatova, Makarov 2018 - YAganov A.V., Engovatova A.V., Makarov N.A.** Vostochnaya chast' Kremlya: istoriya i istoricheskaya topografiya [The Eastern part of the Kremlin: history and historical topography], in: Arheologiya Moskovskogo Kremlya: Raskopki 2016-2017 gg. [Archeology of the Moscow Kremlin: Excavations 2016-2017], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2018, pp. 26-31 [in Russian].
- YAganov, Ruzaeva 2006 - YAganov A.V., Ruzaeva E.A.** K voprosu ob istorii Spasskogo sobora Spaso-Preobrazhenskogo monastyrya v Yaroslavl'e [On the history of the Spassky Cathedral of the Transfiguration Monastery in Yaroslavl], in: Arheologiya: istoriya i perspektivy. Sbornik statej [Archeology: history and prospects. Collection of articles], Moscow, 2006, pp. 363-391 [in Russian].
- Yaroslavskij 1886 - Yaroslavskij K.** Ob osnovanii i meste pervonachal'nogo sushchestvovaniya Uglichskogo Bogoyavlenskogo zhenskogo monastyrya [About the foundation and place of the original existence of the Uglich Epiphany Convent], in: Yaroslavskie eparhial'nye vedomosti [Yaroslavl Diocesan Gazette], № 40, The part is unofficial, pp. 630-640; № 41, The part is unofficial, pp. 654-656 [in Russian].
- Zimin 1991 - Zimin A.A.** Vityaz' na rasput'e. Feodal'naya vojna v Rossii v XV v. [The Knight is at a crossroads. The feudal war in Russia in the XV century], Moscow, Mysl' Publ., 1991, 288 p. [in Russian].
- Zubarev, YAganov 2015 - Zubarev V.V., YAganov A.V.** Podryadnaya zapis' 1700 g. na stroitel'stvo sobornoj Spaso-Preobrazhenskoj cerkvi v Ugliche [Contract entry in 1700 for the construction of the Cathedral of the Transfiguration of the Savior in Uglich], in: Arhitekturnoe nasledstvo [Architectural heritage], Vol. 63, Moscow; Saint-Petersburg, 2015, pp. 10-16 [in Russian].

Томсинский Сергей Владимирович

– Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела архитектурной археологии Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия).

Sergey Tomsinsky

– Candidate of historical sciences, Leading Researcher of Department of Architectural Archaeology of the State Hermitage (St. Petersburg, Russia).

s.tomsinsky@yandex.ru

СПИСКИ СОЧИНЕНИЯ УТЕМИША-ХАДЖИ В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А.В. Парунин

Южно-Уральский государственный университет
Россия, 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, д. 76
e-mail: therion12399@gmail.com
SPIN-код: 7270-1393

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

Статья посвящена вопросам изучения ташкентской и стамбульской рукописей хивинского историка середины XVI в. Утемиша-хаджи. Утемиш-хаджи – один из многочисленных средневековых авторов XV-XVII вв., создававших свои труды на территории Средней Азии в государствах с ханами-Чингизидами во главе. Среди особенностей этих трудов было значительное внимание господствующему ханскому домену во главе с Чингис-ханом, проблемам генеалогии, отношениям хана и его элиты, а также вопросам иерархии. Не стал исключением в этом плане и Утемиш-хаджи, чье сочинение известно в двух списках, дополняющих друг друга. Историкографическое изучение обоих списков имело свои особенности и выстраивало вокруг них авторские концепции. Недавно опубликованный стамбульский список рукописи позволил исследователям вплотную подойти к их сравнительному анализу, проблемам хронологии их создания, а также рассмотреть взгляды хивинского историка на исторические события XV-XVI вв., происходивших как в Поволжье, так и в ряде сопредельных территорий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Утемиш-хаджи, Шибаниды, список, рукопись, историография, Золотая Орда.

MANUSCRIPT COPIES OF WORK BY UTEMISH HAJJI FROM THE POINT OF VIEW OF MODERN HISTORIOGRAPHY

Alexey Parunin

South Ural State University
Russia, 454080, Chelyabinsk, Lenin Avenue, 76
e-mail: therion12399@gmail.com

ABSTRACT

The article is devoted to the study of Tashkent and Istanbul manuscript copies of work by Utemish Hajji, a Khiva historian of the mid-16th century. Utemish Hajji is one of the numerous medieval authors of the 15th -17th centuries that created their works on the territory of Central Asia in states ruled by Genghisid khans. These works featured considerable attention to the dominant khan's domain headed by Genghis Khan, problems of genealogy, relations between the khan and his elite, and issues of hierarchy. Utemish Hajji, whose work is known in two manuscripts that complement each other, was no exception in this regard. The historiographic study of both documents had its own peculiarities and built authors' concepts around them. The recently published Istanbul copy of the manuscript has allowed researchers to come close to their comparative analysis, the problems of the chronology of their creation, as well as to consider the views of the Khiva historian on the historical events of the 15th-16th centuries, which took place both in the Volga region and in a number of adjacent territories.

KEYWORDS: Utemish Hajji, Shibanids, manuscript, copy, historiography, Golden Horde.

Тюркские, арабские и персидские исторические сочинения представляют не только большой интерес для изучения политической истории Золотой Орды, но и позволяют провести реконструкцию собственных взглядов придворных хронистов в зависимости от той ситуации, в которой они находились. Это обстоятельство особенно характерно для хивинского историка середины XVI в. Утемиша-хаджи, чье сочинение опубликовано относительно недавно полными изданиями, вследствие чего многократно изучалось специалистами-

ми. Путь к публикации обоих списков (т.н. «ташкентского» и «стамбульского») был непростым, а исторические исследования как факсимиле самих рукописей, так и содержания текстов сопровождалась либо авторским взглядом объекта исследования, либо обстоятельствами, в связи с которыми эти взгляды формировались.

В качестве примера можно привести исследования В.П. Юдина, подготовившего к публикации ташкентскую версию рукописи. В одной из своих работ исследователь предложил концепцию чингизизма, сформирова-

рованную в том числе и на материалах рукописи Утемиш-хаджи (Юдин 1983: 109-110, 114). Все это заставляет нас попытаться представить в данной статье всю палитру взглядов на письменное наследие Утемиш-хаджи, его жанровую специфику, актуальные вопросы использования письменных источников.

Ташкентская рукопись, известная как «Чингиз-наме», впервые была описана Е. Калем в 1889 г (Каль 1889: 52). Информации об авторе дано практически не было, за исключением того, что он служил у Шибанида Ильбарс-хана (умер в 1518 г.) (Кавагучи, Нагаминэ 2010: 48).

Более подробно рукопись изучена в 1902 г. В.В. Бартольд (Бартольд 1973: 164-168). Исследователь подчеркнул, что сочинение было составлено Утемиш-хаджи при Шибаниде Иш-султани, смерть которого датировалась 1558 г. Само сочинение содержит легендарный контекст, поскольку сам автор «стал собирать из уст знающих людей предания о прошлых временах; эти предания он «взвешивал на весах разума» и отвергал то, что не выдерживало никакой критики» (Бартольд 1973: 165). Тем не менее, В.В. Бартольд уточнил и тот факт, что Утемиш-хаджи пользовался письменными источниками, в частности «летописью» старшего брата Иш-султана Дост-султана, а также общался с очевидцами, позволившими уточнить те или иные события (Бартольд 1973: 166; Утемиш-хаджи 2017: 32-34). Исследователем также впервые озвучен и рассказ об установке старшим сыновьям Джучи юрт во время визита к Чингиз-хану, ставший часто цитируемым в исследовательской литературе (Бартольд 1973: 167-168). В целом, Утемиш-хаджи был отнесен к авторам, повествование которых строилось на легендарных известиях (Бартольд 1964: 545).

Стамбульская рукопись, получившая впоследствии название «Кара-таварих», впервые исследована А.-З. Валиди Тоганом. В статье 1915 г. исследователь сообщал, что рукопись получена «от редактора татарского журнала «Шура» в Оренбурге, Ризауддина Фахруддина и оказалась несравненно полнее ташкентской». Отмечена и дата составления – 1019 г.х. (26.03. 1610–15.03. 1611 гг.) (Валидов 1915: 320). Судя по всему, в дальнейшем стамбульская рукопись была передана А.-З. Валиди Тогану Р. Фахретдином. В 1920 г. Валиди Тоган покинул Россию, перебравшись в Турцию. Вскоре рукопись была передана исследователю (Миргалеев 2018: 61-62). Рукопись фигурировала под названием «Тарих-и Дост-султан», поскольку Валиди Тоган считал, что она посвящена вышеупомянутому шибаниду (Миргалеев 2018: 62). Все дальнейшие исследования этого списка на протяжении практически ста лет связаны уже с зарубежной историографией.

Основные исследовательские тенденции в последующем связаны уже с ташкентским вариантом сочинения. Краткая характеристика была опубликована в 1952 г., где рукопись получила обозначение «Книга о Чингизе», а в качестве источников текста указаны устные предания (Собрание 1952: 65).

Изучение рукописи было продолжено В.П. Юдиным, ознакомившемся с сочинением в конце 60-х гг. XX в. Исследователем был подготовлен перевод текста

на русский язык, примечания, а также факсимиле. Сюжеты «Чингиз-наме» легли в основу ряда его статей (Утемиш-хаджи 1992: 10, 13).

Выше мы уже касались вопроса концептуальности работ В.П. Юдина, предложившего ряд оригинальных трактовок. Упомянутая выше концепция чингизизма, по мысли В.П. Юдина, строилась на генеалогических представлениях тюрко-монгольских народов, а также формировалась вокруг самого Чингиз-хана и его потомков, становясь своего рода «пирамидой», объединяя в себе как родословные подчиненных кланов, так и род создателя Монгольской империи (Юдин 1983: 110-111). Одним из признаков чингизизма также выступает и право рода Чингиз-хана на верховную власть и обгрызание этого юридического акта в «Чингиз-наме»¹. Согласно сочинению, после смерти золотоордынского хана Токты власть узурпировал Баджир Ток-Буга «из омака уйгур». При его свержении подчиненные законному наследнику престола Узбеку беки Исатай и Алатай убили узурпатора со следующей формулировкой: «Воцарение черных людей с этой поры да прекратится!» (Утемиш-хаджи 1992: 104). Тем самым Утемиш-хаджи маркировал законность ханской власти перед нечингизидскими беками. Этот акт получает свою символичность благодаря законотворческой деятельности Чингиз-хана. Схожая формулировка еще будет встречаться на страницах сочинения Утемиш-хаджи.

Подобная легитимность была характерна не только в отношении правящей власти к подчиненным кланам, но и в деле построения иерархии внутри потомков Джучи, старшего сына Чингиз-хана. На этот факт указывает и В.П. Юдин, рассуждая о сюжете с установкой юрт сыновьям Джучи при их визите к деду Чингиз-хану (Утемиш-хаджи 1992: 92).

Повествование об установке юрт (Белая, Синяя и Серая Орды) рассматривается исследователем как сохранение принципов иерархии среди потомков Джучи в рамках существования устного исторического знания народов, населявших как Золотую Орду, так и государства-наследники. В качестве обоснования им предлагается употреблять термин «устная степная историология» как опорный в деле передачи устной информации (Юдин 1983: 122). Тем самым, в статье подчеркивается формирование исторических представлений Утемиш-хаджи именно на фоне устных преданий.

Также исследователем был написан ряд статей, в основу которых лег сюжет «Чингиз-наме». Среди них рассматривается вопрос о приходе к власти в Золотой Орде нечингизидских беков, а также исследование вопроса предыстории прихода к власти Урус-хана, в основу которого легло повествование хивинского историка (Утемиш-хаджи 1992: 58-62). Генетически к этой статье примыкает разбор строительства кыйатом Тенгиз-Букой мавзолея для своего отца (Утемиш-хаджи 1992: 83-86, 109), в котором участвовали Джучиды, отданные беку ханом Узбеком. Этот оригинальный сюжет известен лишь в сочинении Утемиш-хаджи и представляет

1 В целом концепция чингизизма не получила широкого распространения в исследовательской литературе. Её своеобразным продолжением является статья Т.К. Бейсембиева (Бейсембиев 1991: 26-32).

собой продолжение концепции хивинского историка вокруг незыблемости законной ханской власти.

Замыкает серию статей исследование обстоятельств смерти Урус-хана, чьему противостоянию с Токтамышем Утемиш-хаджи уделил немалое внимание (Утемиш-хаджи 1992: 77-82, 117). Рассматриваемый сюжет вкупе с остальными, согласно В.П. Юдину, являются результатом формирования в степях Дешт-и Кипчака собственных исторических знаний, имеющих не только историческую достоверность, но и острые социальные характеристики (Утемиш-хаджи 1992: 79). Тем самым формируется, на наш взгляд, вполне плодотворная мысль, что Утемиш-хаджи являлся не только ретранслятором суммы исторических знаний, но и формулировал моральные и этические представления, выразившиеся в его собственной концепции истории Золотой Орды (Парунин 2017: 8).

Очевидно, что исследования В.П. Юдина заложили некую теоретическую основу письменного наследия Утемиша-хаджи. В своих работах исследователь попытался проанализировать ряд сюжетов, в которых раскрываются взаимоотношения законных представителей трона с племенной элитой, необходимости поддержания политического порядка путем недопущения срыва легитимной власти, а также цены за эти попытки. Основным итогом работы В.П. Юдина стала публикация в 1992 г. ташкентской рукописи на русском языке.

Последующая историография пошла по пути рассмотрения ряда частных сюжетов «Чингиз-наме» в рамках создания собственных исторических концепций. К этому относится монография американского ученого Девина Дьюиза, посвященная вопросам исламизации Золотой Орды, а также роли в этом вопросе Бабы Туклеса, одного из персонажей «Чингиз-наме» (DeWeese 1994). Исследователь, рассматривавший исключительно ташкентскую рукопись, следует точке зрения В.П. Юдина в идентификации сочинения как продукта устных рассказов, подтверждая словами самого хивинского историка (DeWeese 1994: 144; Утемиш-хаджи 1992: 90). Д. Дьюиз изучал рукопись еще до ее полной публикации, находясь в командировках в Ташкенте (DeWeese 1994: 147). В целом рассматривая сюжет рукописи, он называет его прошибанидским, а интересующие обстоятельства смерти Токты и прихода к власти Узбека – уникальными, не получившими отражения в более ранних источниках (DeWeese 1994: 148-149). Центральным сюжетом его книги стали обстоятельства исламизации Золотой Орды и обращения Узбек-хана, взгляд на которые формировался под влиянием поздней устной традиции (DeWeese 1994: 150-158). Важным фактором также стали публикация факсимиле и его перевод (DeWeese 1994: 533-566).

Вопросы, поднятые Д. Дьюизом, нашли свое отражение в статье В.П. Костюкова. Исследователь, затрагивавший роль буддийской партии в Золотой Орде, развивает идеи своего предшественника. В частности, эпизод с захватом Баджиром Ток-Бугой престола В.П. Костюковым объясняется политическим доминированием буддийской партии, попытавшейся организовать переворот (Костюков 2009: 70). Факт прихода Узбек-ха-

на к исламу, а также обстоятельства посвящения анализируются в ключе буддийской обрядности (Костюков 2009: 73-78) на широких этнографических данных. Здесь же стоит упомянуть статью Ш.Н. Исянгулова, посвященную биографии упоминавшегося выше Баджира Ток-Буги, который рассматривается в контексте средневековой истории башкир на видимом созвучии. Со ссылкой на А.-З. Валиди Тогана, исследователь пишет о «Башкыре Токбуге» (Исянгулов 2009: 74), тем не менее, рассуждая о спорности подобной интерпретации. Здесь стоит отметить, что в переводе стамбульской рукописи персонаж значится как «Бачир Тукбуга». При этом его клановая принадлежность из «омака уйгур» (Утемиш-хаджи 2017: 41). В.П. Юдин сомневался в подобной трактовке, также рассматривая вопрос о соотношении персонажа с башкирами на основании имени (Утемиш-хаджи 1992: 68-69). Тем не менее, клановая принадлежность Ток-Буги в сочинении указана достаточно четко.

С начала 10-х гг. XXI в. в историографии формулируется попытка подойти к письменному наследию Утемиша-хаджи сквозь призму строгой исторической критики. Такой подход обосновывают в своей работе японские исследователи Т. Кавагучи и Х. Нагаминэ (Кавагучи, Нагаминэ 2010: 48-49). Они предложили пересмотреть мнение В.П. Юдина о «Чингиз-наме» как продукте степной устной традиции, обратив внимание на присутствие в рукописи письменных источников («хроники хазрат Дуст-султана»). Помимо этого, исследователи также привели список лиц, у которого хивинский историк мог брать те или иные сведения. Суммировав полученные результаты, был сделан следующий вывод: «Во всяком случае, «Чингиз-нама» является историографическим памятником, основанным на письменных источниках» (Кавагучи, Нагаминэ 2010: 48). Эта позиция была поддержана И.М. Миргалеевым в ряде статей (Миргалеев 2011: 14; Миргалеев 2013: 76). Э.Г. Сайфетдинова предположила, что помимо уже упомянутых «хроник Дуст-султана» Утемиш-хаджи мог использовать «Алтан дептер» («Золотая тетрадь» – официальная история Чингис-хана, его предков и потомков, использованная Рашид ад-Дином – прим), а также «Сборник летописей» Рашид ад-Дина (Сайфетдинова 2016: 525-526). Мнение исследователей, с которым отчасти согласны и мы, тем не менее, противоречит самому Утемишу-хаджи, который в ташкентской рукописи писал следующее: «В хрониках, которые я видел, записаны имена [лишь] меньшей части их (ханов – прим), и все. Благодаря чему и при каких обстоятельствах становились они ханами, упомянуто не было и не были упомянуты даже имена большей части их. Так как у меня было стремление надлежащим образом знать об их обстоятельствах, то по этой причине именно направлялся я непременно к [любому] человеку, о котором говорили, что такой-то хорошо знает предания, и устанавливал истину и вызнавал у него, и, взвесив на весах разума, приемлемое сохранял в памяти, а неприемлемое отвергал» (Утемиш-хаджи 1992: 90). Иначе говоря, мы можем смело утверждать об использовании историком письменных источников. Однако, какая именно информация из них

попала на страницы его сочинения – это уже дискуссионный вопрос.

Отметим также присутствие в историографии и обратной тенденции. А.Г. Юрченко, рассматривая эпизод военного противостояния Берке и Хулагу, где первый вышел против армии ильхана в одиночку, резюмирует, что перед нами «пример конструирования идеального прошлого в интересах группы дальних потомков Джучи-хана» (Юрченко 2006: 73-74). С этим высказыванием сложно не согласиться, но желание исследователя отказаться от поиска «ценной информации» выглядит деструктивным, поскольку перед нами не «мифологическая картина мира», а выстраивание собственной концепции политической истории Золотой Орды сквозь призму устной истории, сформированной в XVI в.

На схожие размышления может наводить статья А.А. Порсина, посвященная исследованию параллелей между «Зубдат ал-фикра» Бейбарса и «Чингиз-наме», что особенно проявилось в противостоянии Берке и Хулагу (Порсин 2017: 243-244). А.А. Порсин опирается здесь, прежде всего, на упоминание у Утемиша-хаджи «хроники хазрат Дуст-султана», которая, возможно, сохранила единый протограф с более ранними сочинениями. Единственный вопрос, который возникает здесь – как именно использовал хивинский историк письменный источник, что именно из него он мог взять для сюжета, и чем именно пользовался гипотетический автор «хроники» для построения исторической картины?²

Еще одной тенденцией этих лет стало активное изучение и публикация стамбульской рукописи сочинения Утемиша-хаджи. Издание осуществлено в 2017 г. Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань) под общим руководством И.М. Миргалеева (Утемиш-хаджи 2017). Стоит отметить, что еще в 2014 г. И.М. Миргалеев осуществил перевод и публикацию сообщения «Продолжателя» Утемиша-хаджи, составленного в первой половине XVII в (Миргалеев 2014: 64-67). Сообщение касалось, в первую очередь, истории и генеалогии Шибанидов вплоть до сыновей Кучум-хана, и представляло немалый интерес для исследователей сибирских ханств.

Публикация стамбульской рукописи, а также текста «Продолжателя» нашли отклик в исследовательской литературе. Д.Н. Маслюженко обратил внимание на текст «Продолжателя» в контексте средневековой сибирской истории, рассмотрев биографии и представленных Шибанидов в широком территориальном и политическом ключе (Маслюженко 2015: 119-126). Также им затронута линия отношений между Тайбугидами и Шибанидами, конфликт которых подробно озвучен лишь в сибирских летописях (Маслюженко 2015: 126-127). А.В. Беляковым затронуты вопросы времени написания текста «Продолжателя», а также биографии Сибирских Шибанидов XVII в (Беляков 2018: 370-392). И.М. Миргалеев обратил

внимание на обстоятельства вхождения рукописей сочинения в научный оборот, вопросы использования хивинским историком письменных источников, а также на факты государственных и властных отношений в XV-XVI вв. Сам факт создания «Чингиз-наме» И.М. Миргалеев связывает с желанием среднеазиатской группы, помнившей о своих исторических связях и контактах с Поволжьем и Сибирью в более ранний период времени, создать свой вариант истории как Золотой Орды так и тюрко-татарских ханств, «заказ» на которую, вероятно, и получил Утемиш-хаджи (Миргалеев 2018: 58-72).

Свою интерпретацию сюжетов сочинения Утемиша-хаджи предложил и автор данных строк. В статье 2017 г. при анализе «Чингиз-наме» было отмечено, что автор представляет нам историю Золотой Орды как единый и стабильный политический организм, начиная с момента легендарной установки юрт сыновьям Джучи, маркирующих их внутреннюю иерархию и заканчивая правлением Хызра, который отказавшись от династического брака с Тай-Дуглы-бегим, поставившей «в качестве свадебной юрты золотую юрту, оставшуюся от Узбек-хана и Джанибек-хана» разломал ее (Парунин 2017: 4-7). В итоге, присутствующий в сюжете сочинения порядок вещей был нарушен, «...случилась смута. Всяк повсюду поднял голову. Город Сарай порушился» (Утемиш-хаджи 1992: 112-113). В таком символическом ключе хивинским историком представлена версия «Великой Замятни» 1359-1380 гг.

Другие работы уже были основаны на более полной стамбульской рукописи. Ее публикация сделала возможным изучить представленные генеалогические и биографические сведения о Шибанидах. Установлено, что, несмотря на наличие ряда уникальных сведений, биографии династов представлены кратко и зачастую путано. Все это вынуждает нас вновь актуализировать вопрос об источниках Утемиша-хаджи, а также об обстоятельствах их использования (Парунин 2019: 104-116). Отчасти эти выводы касаются рассмотрения в сочинении истории Золотой Орды 1420-х гг. Этот эпизод подается с использованием фольклорных элементов; также значительное внимание уделено отношениям ханской власти и племенной элиты (Парунин 2020: 128-142).

Более пристальное внимание уделено отрывкам, на основании которых сформирована реконструкция ранней истории Тюменского ханства – позднесолотоордынского политического образования на юге Западной Сибири, существовавшего с 1430 по 1508 гг. Отметим, что информация, представленная Утемишем-хаджи, была положена в основу этой реконструкции (Парунин 2023: 62-72). Безусловно, Шибаниды Хызр, Хаджи-Мухаммед и Махмуд-Ходжа, правившие в 10-х – 20-х гг. XV вв. на территории юга Западной Сибири, заложили ту основу, которая была развита интронизацией Абу-л-Хайра в 1430 г. и во многом эта заслуга Утемиша-хаджи, представившего в «Кара таварих» краткие биографические характеристики этих династов (Утемиш-хаджи 2017: 60, 72).

В заключение стоит отметить статьи венгерского исследователя Чабы Гёнцёля. Работы автора посвящены, прежде всего, сравнению двух списков сочинения,

2 В качестве примера использования письменного источника: «Некоторые говорят, что в этом войске был [сам] Хулагу-хан. Когда войско это было разгромлено, он был убит. Никто [однако] не знал о его гибели. Но в хрониках хазрат Дост-султана говорится: “С тоски по этому войску, что было разгромлено в походе, он заболел и через два месяца умер”. А впрочем, Аллах лучше ведает» (Утемиш-хаджи 1992: 98).

а также проблеме установления точного времени их создания.

Проводя сравнительное изучение, Ч. Гёнцель отметил наличие пропусков в стамбульской и ташкентской рукописях. Так, в первой пропущена вводная часть, а во второй – окончание, а также текст «Продолжателя» (Goncol 2020: 128; Goncol 2023: 584). Касаясь жанра произведения, исследователь склонился к его устной основе, отметив также использование и письменных «хроник», что упоминалось и самим хивинским историком (Goncol 2020: 126).

Ч. Гёнцель предложил свою версию датировки обоих списков сочинения. Согласно ему, стамбульская рукопись могла быть составлена в промежутке 1530-1540-х гг., а в качестве обоснования предложена деятельность узбекских ханов-Шибанидов (Goncol 2020: 128-129). Венгерский исследователь также развил предположение, что ташкентская рукопись была первой редакцией сочинения. Отчасти этот вывод базируется на информации от самого Утемиша-хаджи, что стамбульская рукопись – это вторая редакция (Утемиш-хаджи 2017: 59-60).

Опираясь на разницу упоминаний Султана Гази-султана б. Ильбарс-хана, Ч. Гёнцель предположил, что ташкентская рукопись была составлена до 1538 г., т.е. до смерти династа, поскольку в стамбульском списке к его имени добавляется траурная часть (Goncol 2023: 584). Таким образом, информация, представленная в списках, давала возможность не только их датирования, но и взаимовлияния, однако проблема отсутствия вводной части стамбульского списка так и остается нерешенной.

Подытоживая все вышесказанное, отметим, что на современном этапе в исследовательской среде не утихает интерес как к сюжетам рукописи Утемиша-хаджи, так и к проблемам жанрового соотношения, источниковой базе, а также вопросам датирования. Во многом это связано с обстоятельствами публикации самих списков. Стамбульский список, подробно затронувший вопросы истории и генеалогии золотоордынских ханов и их беков, а также деятельность шибанидских царевичей, пролил свет на историко-географические интересы автора, включая Крым, а также Поволжье и Сибирь.

ЛИТЕРАТУРА

- Бартольд 1964 - Бартольд В.В. Шейбаниды // Сочинения. Том II. Часть 2. М., 1964. С. 545-548.
- Бартольд 1973 - Бартольд В.В. Отчет о командировке в Туркестан // Сочинения. Том VIII. М., 1973. С. 119-210.
- Бейсембиев 1991 - Бейсембиев Т.К. Чингизово право на Востоке и политико-правовые учения в соседних регионах (на примере сарматизма в Речи Посполитой XVI-XVIII вв.) // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. 1991. № 4. С. 26-32.
- Беляков 2018 - Беляков А.В. О времени и месте написания продолжения сочинения Утемиш-хаджи «Кара таварих» (комментарии к тексту) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 2. С. 370-392.
- Валидов 1915 - Валидов А.З. Восточные рукописи в Ферганской области // ЗВОРАО. Том 22. 1913-1914. Пг., 1915. С. 303-320.
- Исянгулов 2009 - Исянгулов Ш.Н. Утемиш-хаджи и хан Золотой Орды из башкир // Проблемы востоковедения. 2009. № 2 (44). С. 73-78.
- Кавагучи, Нагаминэ 2010 - Кавагучи Т., Нагаминэ Х. Некоторые новые данные о «Чингиз-наме» Утемиша-Хаджи в системе историографии в Дашт-и-Кипчаке // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань, 2010. С. 44-52.
- Каль 1889 - Каль Е. Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской Публичной библиотеки. Ташкент, 1889. 79 с.
- Костюков 2009 - Костюков В.П. Историзм в легенде об обращении Узбека в ислам // Золотоордынское наследие. Вып. 1. Казань, 2009. С. 67-80.
- Маслюженко 2015 - Маслюженко Д.Н. Сообщение продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-Хаджи как источник по истории Сибирских Шибанидов // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 117-134.
- Миргалеев 2011 - Миргалеев И.М. «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи: перспективы изучения // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4. Казань, 2011. С. 14-19.
- Миргалеев 2013 - Миргалеев И.М. «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи как источник по истории тюрко-татарских государств // V Международный Болгарский форум «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространстве (XV-XVI вв.): Тезисы. Симферополь, 2013. С. 75-78.
- Миргалеев 2014 - Миргалеев И.М. Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган, 2014. С. 64-66.
- Миргалеев 2018 - Миргалеев И.М. «Кара таварих» Утемиша-хаджи как источник по истории тюрко-татарских государств // Тюркологические исследования. 2018. Т. 1. № 2. С. 58-72.
- Парунин 2017 - Парунин А.В. «Чингиз-наме» как источник по истории Золотой Орды // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган, 2017. С. 3-9.
- Парунин 2019 - Парунин А.В. «Кара таварих» Утемиша-хаджи как источник по истории династии Шибанидов // Сибирский сборник. Вып. 4. Тобольск, 2019. С. 104-116.
- Парунин 2020 - Парунин А.В. Кара таварих Утемиша Хаджи как источник по истории Золотой Орды 1420-х годов. // Сибирский сборник. Вып. 5. Тобольск, 2020. С. 128-142.
- Парунин 2023 - Парунин А.В. Политическая история Тюменского ханства в 1430-1508 гг. Челябинск, 2023.
- Порсин 2017 - Порсин А.А. Следы ранней джучидской историографической традиции в «Зубдат ал-фикара» Бейбарс ал-Мансури и «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 240-246.
- Сайфетдинова 2016 - Сайфетдинова Э.Г. Становление историографической традиции // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 524-528.

- Собрание 1952 - Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Том 1. Ташкент, 1952.
- Утемиш-хаджи 1992 - Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992.
- Утемиш-хаджи 2017 - Утемиш-хаджи. Кара таварих. Казань, 2017.
- Юдин 1983 - Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI-XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С. 106-165.
- Юрченко 2006 - Юрченко А.Г. Историческая география политического мифа. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII-XV вв. СПб., 2006.
- DeWeese 1994 - DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Pennsylvania, 1994.
- Goncol 2020 - Goncol Cs. Remarks of the Cingiz-nama of Otamis Hajji // Ottomans – Crimea – Jochids. Studies in Honor of Maria Ivanics. Szeged, 2020. S. 123-131.
- Goncol 2023 - Goncol Cs. Redactions and dates of the compilation of the Cingiz-nama of Otamis Hajji // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11. № 3. С. 582-591.

REFERENCES

- Bartol'd 1973 - Bartol'd V.V. Otchet o komandirovke v Turkestan [Report on a business trip to Turkestan], in: Sochinenija. Tom VIII [Essays. Volume VIII], Moscow, 1973, pp. 119-210 [in Russian].
- Bartol'd 1964 - Bartol'd V.V. Shejbanidy [Shaybanids], in: Sochinenija. Tom II. Chast' 2 [Essays. Volume II. Part 2], Moscow, 1964, pp. 545-548 [in Russian].
- Bejsembiev 1991 - Bejsembiev T.K. Chingizovo pravo na Vostoke i politiko-pravovye uchenija v sosednih regionah (na primere sarmatizma v Rechi Pospolitoj XVI-XVIII vv.) [Chingiz law in the East and political and legal doctrines in neighboring regions (using the example of Sarmatism in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 16th-18th centuries)], in: Izvestija AN KazSSR. Serija obshhestvennyh nauk [News of the Academy of Sciences of the KazSSR. Social Science Series], 1991, № 4, pp. 26-32 [in Russian].
- Beljakov 2018 - Beljakov A.V. O vremeni i meste napisanija prodolzhenija sochinenija Utemish-hadzhi «Kara tavarikh» (kommentarii k tekstu) [About the time and place of writing the continuation of Utemish-haji's work "Kara tavarikh" (comments on the text)], in: Zolotoordynskoe obozrenie [Golden Horde Review], 2018, Vol. 6, № 2, pp. 370-392 [in Russian].
- DeWeese 1994 - DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde, Pennsylvania, 1994 [in English].
- Goncol 2020 - Goncol Cs. Remarks of the Cingiz-nama of Otamis Hajji, in: Ottomans – Crimea – Jochids. Studies in Honor of Maria Ivanics, Szeged, 2020, pp. 123-131 [in English].
- Goncol 2023 - Goncol Cs. Redactions and dates of the compilation of the Cingiz-nama of Otamis Hajji, in: Zolotoordynskoe obozrenie [Golden Horde Review], 2023, Vol. 11, № 3, pp. 582-591 [in English].
- Validov 1915 - Validov A.Z. Vostochnye rukopisi v Ferganskoj oblasti [Oriental manuscripts in the Fergana region], in: ZVORAO. Tom 22 [ZVORAO. Volume 22], 1913-1914, Petrograd, 1915, pp. 303-320 [in Russian].
- Isjangulov 2009 - Isjangulov Sh.N. Utemish-hadzhi i han Zolotoj Ordy iz Bashkir [Utemish-haji and Khan of the Golden Horde from the Bashkirs], in: Problemy vostokovedenija [Problems of Oriental Studies], 2009, № 2 (44), pp.73-78 [in Russian].
- Kavaguchi, Nagaminje 2010 - Kavaguchi T., Nagaminje H. Nekotorye novye dannye o «Chingiz-nama» Utemisha-Hadzhi v sisteme istoriografii v Dasht-i-Kipchake [Some new data about "Chingiz-nama" of Utemish-Hajji in the system of historiography in Dasht-i-Kipchak], in: Zolotoordynskaja civilizacija [Golden Horde civilization], Vol. 3, Kazan, 2010, pp. 44-52 [in Russian].
- Kal' 1889 - Kal' E. Persidskie, arabskie i tjurkskie rukopisi Turkestanskoj Publichnoj biblioteki [Persian, Arabic and Turkic manuscripts of the Turkestan Public Library], Tashkent, 1889, 79 p. [in Russian].
- Kostjukov 2009 - Kostjukov V.P. Istorizm v legende ob obrashhenii Uzbeka v islam [Historicism in the legend about the conversion of Uzbek to Islam], in: Zolotoordynskoe nasledie [Golden Horde heritage], Vol. 1, Kazan, 2009, pp. 67-80 [in Russian].
- Masljuzhenko 2015 - Masljuzhenko D.N. Soobshhenie prodolzhatelja «Chingiz-nama» Utemisha-Hadzhi kak istochnik po istorii Sibirskih Shibanidov [Message from the successor of "Chingiz-name" Utemish-Hajji as a source on the history of the Siberian Shibanids], in: Zolotoordynskoe obozrenie [Golden Horde Review], 2015, № 4, pp. 117-134 [in Russian].
- Mirgaleev 2011 - Mirgaleev I.M. «Chingiz-nama» Utemisha-hadzhi: perspektivy izuchenija ["Chingiz-name" by Utemish-Hajji: prospects for studying], in: Zolotoordynskaja civilizacija [Golden Horde civilization], Vol. 4, Kazan, 2011, pp. 14-19 [in Russian].
- Mirgaleev 2013 - Mirgaleev I.M. «Chingiz-nama» Utemisha-hadzhi kak istochnik po istorii tjurko-tatarskih gosudarstv ["Chingiz-name" by Utemish-Hajji as a source on the history of the Turkic-Tatar states], in: V Mezhdunarodnyj Bolgarskij forum «Politicheskoe i jetnokul'turnoe vzaimodejstvie gosudarstv i narodov v postzolotoordynskom prostranstve (XV-XVI vv.): Tezisy [V International Bulgarian Forum "Political and ethnocultural interaction of states and peoples in the post-Golden Horde space (XV-XVI centuries): Abstracts], Simferopol, 2013, pp. 75-78 [in Russian].
- Mirgaleev 2014 - Mirgaleev I.M. Soobshhenie Prodolzhatelja «Chingiz-nama» Utemisha-hadzhi o pozdних Shibanidah [Message from the successor of "Chingiz-name" Utemish-Hajji about the late Shibanids], in: Istorija, jekonomika i kul'tura srednevekovyh tjurko-tatarskih gosudarstv Zapadnoj Sibiri [History, economy and culture of the medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia], Kurgan, 2014, pp. 64-66 [in Russian].
- Mirgaleev 2018 - Mirgaleev I.M. «Kara tavarikh» Utemisha-hadzhi kak istochnik po istorii tjurko-tatarskih gosudarstv ["Kara tavarikh" by Utemish-Hajji as a source on the history of the Turkic-Tatar states], in: Tjurkologicheskie issledovanija [Turkic studies], Vol. 1, № 2, 2018, pp. 58-72 [in Russian].
- Parunin 2017 - Parunin A.V. «Chingiz-nama» kak istochnik po istorii Zolotoj Ordy ["Chingiz-name" as a source on the history of the Golden Horde], in: Istorija, jekonomika i kul'tura srednevekovyh tjurko-tatarskih gosudarstv Zapadnoj Sibiri [History, economy and culture of the medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia], Kurgan, 2017, pp. 3-9 [in Russian].

- Parunin 2019** - Parunin A.V. «Kara tavarikh» Utemisha-hadzhi kak istochnik po istorii dinastii Shibanidov [“Kara tawarikh” by Utemish-Hajji as a source on the history of the Shibanid dynasty], in: Sibirskij sbornik [Siberian collection], Vol. 4, Tobolsk, 2019, pp. 104-116 [in Russian].
- Parunin 2020** - Parunin A.V. Kara tavarikh Utemisha Hadzhi kak istochnik po istorii Zolotoj Ordy 1420-h godov [Kara tawarikh by Utemish-Hajji as a source on the history of the Golden Horde of the 1420s], in: Sibirskij sbornik [Siberian collection], Vol. 5, Tobolsk, 2020, pp. 128-142 [in Russian].
- Parunin 2023** - Parunin A.V. Politicheskaja istorija Tjumenskogo hanstva v 1430-1508 gg. [Political history of the Tyumen Khanate in 1430-1508], Chelyabinsk, 2023 [in Russian].
- Porsin 2017** - Porsin A.A. Sledy rannej dzhuchidskoj istoriograficheskoj tradicii v «Zubdat al-fikra» Bejbars al-Mansuri i «Chingiz-name» Utemisha-hadzhi [Traces of the early Jochid historiographical tradition in “Zubdat al-fikra” by Baybars al-Mansuri and “Chingiz-name” by Utemish-Hajji], in: Zolotoordynskaja civilizacija [Golden Horde civilization], № 10, Kazan, 2017, pp. 14-19 [in Russian].
- Sajfetdinova 2016** - Sajfetdinova Je.G. Stanovlenie istoriograficheskoj tradicii [The formation of a historiographic tradition], in: Zolotaja Orda v mirovoj istorii [Golden Horde in world history], Kazan, 2016, pp. 524-528 [in Russian].
- Sobranie 1952** - Sobranie vostochnyh rukopisej Akademii nauk Uzbekskoj SSR [Collection of oriental manuscripts of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR], Vol. 1, Tashkent, 1952 [in Russian].
- Utemish-hadzhi 1992** - Utemish-hadzhi. Chingiz-name [Chingiz-name], Almaty, 1992 [in Russian].
- Utemish-hadzhi 2017** - Utemish-hadzhi. Kara tavarikh [Kara Tawarikh], Kazan, 2017 [in Russian].
- Judin 1983** - Judin V.P. Ordy: Belaja, Sinjaja, Seraja, Zolotaja... [Hordes: White, Blue, Gray, Gold...], in: Kazahstan, Srednjaja i Central'naja Azija v XVI-XVIII vv. [Kazakhstan, Central and Central Asia in the 16th-18th centuries], Almaty, 1983, pp. 106-165 [in Russian].
- Jurchenko 2006** - Jurchenko A.G. Istoricheskaja geografija politicheskogo mifa. Obraz Chingis-hana v mirovoj literature XIII-XV vv. [Historical geography of political myth. The image of Genghis Khan in world literature of the 13th-15th centuries], Saint-Petersburg, 2006 [in Russian].

Парунин Алексей Владимирович

– Научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия).

Alexey Parunin

– Researcher at the Scientific and Educational Center for Eurasian Studies of South Ural State University (Chelyabinsk, Russia).

therion12399@gmail.com

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ ВЫЖИВАНИЯ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ

И.Ю. Васильев

Научно-исследовательский центр традиционной культуры
«Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия)

e-mail: ivasee@mail.ru

SPIN-код: 8437-3902

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

Основой полноценного культурного и социального воспроизводства, сохранения любого общества являются коллективы выживания. В статье рассматривается их специфика на примере дореволюционной традиции одного из регионов России – Кубани. Для территориальных (соседских) коллективов выживания и их локальных сетей был важен совместный досуг, а также взаимопомощь при строительстве, во время хозяйственных работ (вспашке земли, аренде сельскохозяйственной техники, рыбной ловли и пр.). Территориальные коллективы выживания и их малые сети способствовали усвоению традиционной культуры: правил поведения, фольклора и пр. Зримым воплощением таких локальных территориальных групп – улиц, краёв станицы и др. – были объединения молодёжи. Территориальные сети коллективов выживания кубанских казаков масштаба населённого пункта образовывали местные органы власти и самоуправления. Они поддерживали порядок на своей территории, развивали местную инфраструктуру, помогали членам общины материально и юридически. Такая территориальная сеть также была религиозной общиной, центром которой был храм. Для её единства огромное значение имели церковные праздники. Продолжением локальных сетей коллективов выживания уже после коллективизации сельского хозяйства в середине XX в. могли быть небольшие колхозы, которые охватывали определённую часть населённого пункта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: территориальные коллективы, коллективы выживания, Кубань, кубанские казаки.

TERRITORIAL SURVIVAL COLLECTIVES OF KUBAN COSSACKS

Igor Vasilyev

Research Center of traditional culture

«The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia)

e-mail: ivasee@mail.ru

ABSTRACT

The basis for a full-fledged cultural and social reproduction and preservation of any society are survival collectives. The article explores their specificity using the example of a pre-revolutionary tradition in one of the regions of Russia - Kuban. Important for territorial (neighborhood) survival groups and their local networks was joint leisure time, as well as mutual assistance during construction and field works (plowing the land, renting agricultural equipment, fishing, etc.). Territorial survival collectives and their small networks contributed to the assimilation of traditional culture: rules of behavior, folklore, etc. The visual embodiment of such local territorial groups - streets, village areas, etc. - were associations of youth. Territorial networks of Kuban Cossacks' survival collectives on the scale of a settlement formed local authorities and self-governments. They maintained order on their territory, developed local infrastructure, and helped community members materially and legally. Such a network was also a religious community, the center of which was the temple. Church festivals were of great importance for its unity. The continuation of the local networks of survival groups after the collectivization of agriculture in the middle of the 20th century could be small collective farms which encompassed a certain part of the settlement.

KEYWORDS: territorial groups, survival collectives, Kuban, Kuban Cossacks.

Основой полноценного культурного и социального воспроизводства, сохранения любого общества являются коллективы выживания¹. Рассмотрим их специфику на примере дореволюционной традиции одного

из регионов России – Кубани. В данном случае преимущественно будет уделено внимание традиции кубанских казаков (субэтнос русского народа) с привлечением материалов других о жизни других восточных славян региона. Что такое коллектив выживания? Это – минимальная группа людей, могущих совместно обеспечить своё существование, пользуясь услугами посторонних

¹ Статья является продолжением нашей работы о родственных коллективах выживания кубанских казаков (Васильев 2023: 99-105).

в минимальной степени. Основная цель коллектива выживания – культурное и физическое самосохранение и воспроизводство. Коллектив выживания – частный случай контактной группы. Его члены лично взаимодействуют друг с другом. Такова характеристика коллектива выживания как идеального типа. На деле реальные коллективы выживания чаще всего активно сотрудничают друг с другом в рамках сетей коллективов, они выполняют только часть функций, необходимых для поддержки членов коллектива.

Другая важная характеристика коллектива выживания – это посредник между семьёй (отдельным человеком) и обществом в целом (народом, государством). Коллектив выживания амортизирует давление на человека государственных и прочих структур, помогает человеку защититься от произвола сильнейших, пережить трудные времена, экономические и социальные кризисы и пр. Такой коллектив требует от человека соблюдения неких установленных в нём моральных норм, совместной деятельности на благо всего коллектива и других его членов. Коллективы выживания, как правило, объединены в какие-либо более крупные структуры. Например, этносы, церкви. Эти объединения строятся, помимо всего прочего, на основе солидарности, общности интересов.

Существует масса различных традиционных видов коллективов выживания. Это группы, организованные по родственному и территориальному принципам, религиозные сообщества. Известны как традиционные, так и современные виды коллективов выживания, такие как территориальные органы самоуправления и самоорганизации. При этом они отличаются от других видов самоорганизации стабильностью, чаще всего существуют на протяжении жизни нескольких поколений. Различные «краткосрочные» виды самоорганизации могут со временем превратиться в коллективы выживания, но не обязательно.

Достоинство дефиниции «коллектив выживания» – её гибкость, способность учитывать конкретную специфику малых коллективов, происходящие с ними изменения.

Научные исследования в рамках концепции коллективов выживания могут быть весьма разными. Например, направленными на выявление их локальной специфики (преобладания родственного либо территориального начала, роль конфессионального фактора, их взаимодействие; уровень разветвлённости сетей коллективов, специфика взаимодействия с государственными и потестарными структурами, другими видами самоорганизации). Очень важно установить степень автономности коллективов выживания и их сетей, набор выполняемых ими функций. Важно понять роли лидера и большинства членов коллектива выживания, а также принципы разделения – слияния коллективов, создания новых.

Коллективы выживания изучаются в рамках социологических и этнологических / антропологических исследований местных институтов семьи и устойчивых общинных структур, (например, комплекс концепций общинных исследований), методики изучения функ-

ционирования социальных сетей с акцентом на их гибкость и изменчивость, локальной и семейной истории. Немаловажен и психологический аспект.

При анализе функционирования коллективов выживания немалое значение имеет изучение конкретных проявлений реципрокации – взаимопомощи, взаимного обмена дарами, услугами, формирования соответствующих стереотипов поведения. А также редистрибуции – накопления части продукта, созданного в той или иной группе и последующего его распределения внутри той же самой группы (Васильев 1980: 172-186; Барсукова 2003: 81-122)².

Необходимость сильных горизонтальных социальных связей, например, наличия дееспособной общины для формирования реально действующей системы ценностей и этических принципов, хорошо показана в работах П.И. Смирнова. От названных выше социальных связей во многом зависело выживание человека и сообщества как целого. Поэтому человек сознательно выработывал в себе качества, необходимые для сохранения сообщества и своих связей с ним (Смирнов 2014; 2014а). Применительно к Кубани хозяйственную и этическую значимость самоорганизации и горизонтальных социальных связей показал еще Ф.А. Щербина (Щербина 1881; 1891).

В соответствии с общерусской традицией, наиболее разветвлёнными сетями коллективов выживания были сети, организованные по территориальному принципу. Они были сравнительно сложно устроены, включали в себя специфические социальные институты. Так, местная община была и религиозным сообществом, и низовым органом власти, в её рамках функционировали объединения молодёжи. Поэтому не удивительно, что жизнь станичного общества нашла своё отражение в рассказах старожилов, мемуарах, архивных документах, материалах прессы.

Рассказы о единстве местного социума, успешных коллективных действиях являются неотъемлемой частью корпуса устных рассказов, бытующих в кубанских станицах. Основой всего была повседневная трудовая помощь между соседями. Она порождала взаимное доверие, необходимые для взаимодействия социальные навыки: «На неделю, бывало в поле выезжали, с палаткой, там еду готовили. Домой ночевать ездили. А то бабушка ходила, на два двора смотрела... это отцова мать была. Ходить. Туда – сюда. Корову свою подоить, идёшь тут подоить. Рано встанет, скажет: “Соседки, выгоняйте! Я пойду туды доить”. Придёт тут подоить, выгонит в стадо» (ПМ КФЭЭ-1996. а/к 1080. ст. Удобная. Инф.: А.С. Федоренко, 1913 г.р. Исс-ли.: Богатырь Н.В., Чубова Е.И.); «Тада люди очень хорошо жили промеж собой! Бабушка Корнеенчиха сбоку жила. А я ж небольшая была.

2 Коллектив выживания / Электронный ресурс: https://traditio.wiki/Коллектив_выживания (Дата обращения - 20.11.2022); Community studies / Электронный ресурс: https://en.wikipedia.org/wiki/Community_studies (Дата обращения - 20.11.2022); Социальная сеть (социология) / Электронный ресурс: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Социальная_сеть_\(социология\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Социальная_сеть_(социология)) (Дата обращения - 20.11.2022); Теория возникновения социальной помощи / Электронный ресурс: https://studme.org/13761025/sotsiologiya/teoriya_vozniknoveniya_sotsialnoy_pomosch (Дата обращения - 20.11.2022).

Она свою коровку подое, прибежит и мою подое... Она подое, прибере, подскаже мне» (ПМ КФЭЭ-1996. а/к. 1112. ст. Удобная. Инф.: Кислицына В.М., 1902 г.р. Иссл.: Бондарь Н.И.); «Дедушка с бабушкой жили, старики. Они мне были как родные. Если бабушке, что нужно – она придет до мамы. А мама: “Придет моя хозяйка – у ей спросим”. И я прихожу с работы. Помогаю. Они мне чужие, а я к им относилась как к родным. И они ко мне. А внуки через дрого жили. Бабушка была не родная. Та умерла. А дедушка родной. Можно ж было приходиться?! А дедушка тот мне всегда помогал, подсказывал. Где дом строить – он измерил. Колышки позабывал. Столбики закопать помогал» (ПМ КФЭЭ-2010. а/к. 4264. ст. Имеретинская. Инф.: Твердохлебова А.Ф., 1935 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.); Соседи помогали друг другу приглядывать за домом, имуществом: «Крикнули соседке: “Тётя Агаша!” – И пошли пешком в Усть-Лабинск. Так крючочек накинули. Никто не трогал, хотя и трогать было нечего! Но соседи все приглядывали!» (ПМ КФЭЭ-2007. а/к. 3767. ст. Раздольная. Инф.-ты.: Гурина Е.Ф., 1926 г.р., Комарова З.Г., 1932 г.р. Иссл.: Логвинова В.А.).

Соседская / территориальная взаимопомощь во многом обеспечила выживание станичников в трудные годы первой половины XX столетия: «Раньше были дружеские такие отношения между соседями. То и выжили, до войны, после войны» (ПМ КФЭЭ-2004. а/к. 3174. ст. Запорожская. Инф.: Харченко Г.С., 1928 г.р. Иссл.: Матвеев О.В., Холстинина Г.В.). Например, так могли выжить дети-сироты: «И так мы стали по станице ходить. Просить у людэй. – А люди давали? – Конечно, давали. У кого было шо (есть – И.В.) – давали. Кто сам зазывал, кормыл нас. А кто прогонял нас, ругал. Всяки люды были. – А пока вы ещё сами жили до коммуны, больше было добрых людей, которые помогали детям, или которые прогоняли? – Нет, больше тих, кто помогал. Мало было. У кого забрали что. Мало, старухи там. Даже сами зазывали, кормили нас. Мы в Абхазькой знали, в каком доме нам якый хлеб дадут. Тут чисто кукурузный. Там с картошкой. Там с грушам. Лепёшки таки пекли» (ПМ КФЭЭ-2008. а/к. 3962. ст. Суздальская. Инф.: Семёнова А.И., 1923 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.).

Но взаимопомощь играла огромную роль и в более спокойные времена. Например, во время постройки хаты тем, кто строился, помогали их соседи, друзья, знакомые (ПМ КФЭЭ-1996. а/к. 1113. ст. Удобная. Инф.: Кирильчук В.М., 1898 г.р. Иссл.: Бондарь Н.И.): «Делали тада гуртом, почти всем хутором. Я если строюсь – сходятся все хуторяне. Вилами ж кидают с ямы этот замес. На бричке конями возять сюда, где ложить... Тада тоже собирались с села все»; «Гуртом хату ляпали. Всем селом строили, помогали так. Кто строится, я всё бросаю, иду помогать!»; «Глины, соломы навезут. На завтра собираешь знакомых. Человек двадцать и больше. Гуртом. Потом до стола» (ПМ КФЭЭ-2018. а/т СС1. ст. Спокойная Синюха. Инф.: Романчук И.Н., 1935 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.; ПМ КФЭЭ-2008. а/к. 4058. ст. Новолабинская. Инф.: Сопелкина М.П., 1924 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.; ПМ КФЭЭ-2010. а/к. 4182. ст. Дядьковская. Инф.: Проценко Н.Г., 1936 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.).

Особенно распространена была взаимопомощь при изготовлении блоков для постройки саманного дома, обмазке глиной вновь построенного жилища: «Я в пиесят седьмом году хату построил. Много начали строиться. (Н.Ф). Делали с самана хаты. Сами. Гуртом. Глину и солому месят конём. Водой поливают. Станки деревянные. И туда вот их запишают. Как блок, тока с глины. Месят конём. (В.И). Замесы большие. По триста кирпичей выкидали. Большие самана. Как блок щас делают. Есть немножко больше. Есть поменьше. Строились много-много! Как тока воскресение – саман делаем (помогаем друг другу)»; «Был пустой план (участок, где можно было строиться), завёз глины, завёз соломы. Лошадок взял. Ребята помогли. Коллективом делали. Тада люди друг другу помогали. Замесили, налепили самана»; «А люди мазать помогали? – Да. Тада вообще община вся приходила и помогала. Тада мазать дом никто сам не мазал. Только собирались человек пятьдесят, шестьдесят. Первую помазку всегда делали артелью» (ПМ КФЭЭ-2009. а/к. 4138. ст. Чамлыкская. Инф.-ты.: Ленцов В.И., 1926 г.р., Ленцова Н.Ф., 1940 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.; ПМ КФЭЭ-2010. а/к. 4201. ст. Сергиевская. Инф.: Фурса А.М., 1937 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.; ПМ КФЭЭ-2010. а/к. 4261. ст. Имеретинская. Инф.: Гапченко И.К., 1926 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.).

Помогать иногда приходили сами, без приглашения. В других случаях соседей, знакомых звали или подвали знак, что нуждаются в помощи. Отказываться было не принято, тем более, что работа заканчивалась праздничным застольем: «Гуртом как-то строили. Собрались, на шесток полотенце или флаг повесили. Знают, отуть стройка. Кто свободен от работы, кто может – все сюда»; «Зинченчиха легла уже спать. Две бабы молодые, моложе меня. Идут и говорят: “Чего Зинченчиха легла спать? А ну-ка вставай!”. Кирпич делали. У них замешанный замес. Они Зинченчиху разбудили. И тут же я по соседству. И кирпич лепили до утра... – А строить помогали? – Да мазали люди всегда по соседству. Помогали. И саман вместе. Каждый друг другу помогал. Плату не брали. Сегодня этой помогли, на другой день – другой. – Помогать звали или сами шли? – Кого звали, а кто шёл. Конечно, звали». – А раньше были саманные хаты? Их все вместе мазали? – Да, и мы ещё так жить начинали. Когда саман делали – всем хутором делали. Если хату мазать – мы вси едем. А щас платить надо. А тада шли как на праздник. – А как благодарили? – Стол накрывали. Борщ обязательно, мясо. Выпарка обязательно. Песни пели». «Дом строить – это был праздник? – Да, праздник! Идут: “О, там Иван, Грицко строится”. Манька, Гришка, Санька. И все идут! Господи! Наварила котелок: “Иштэ, пейтэ!”. Всё помазали! За один раз помазали!» (ПМ КФЭЭ-2008. а/к. 3973. ст. Суздальская. Инф.: Милюкова А.Я., 1937 г.р. Иссл.: Кузнецова И.А.; ПМ КФЭЭ-2007. а/к. 3754. ст. Раздольная. Инф.: Щегловская Е.Ф., 1918 г.р. Иссл.: Дианова Н.Ф.; ПМ КФЭЭ-2007. а/к. 3772. х. Верхний. Инф.: Лукина Е.Н., 1945 г.р. Иссл.: Скиба Д.А., Борейко А.Г.; ПМ КФЭЭ-1993. а/к. 398. ст. Ленинградская. Инф.: Е.А. Пручай, 1918 г.р. Иссл.: Буланкин А.А., Бабицкий В.В., Бутко Е.А.).

При этом считалось, что лучше не ждать просьбы о помощи, надо идти помогать самому: «Кого звали. А в кого (у кого) совесть е, придэ, поможе» (ПМ КФЭЭ-2018. а/т. ССЗ. ст. Спокойная Синюха. Инф.: Благодарова В.Г., 1938 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.). Но если кого-то не приглашали помогать в трудоёмких работах, это могло быть поводом для обиды: «Не дай Бог кто-то кого не пригло́се лепить эти кизеки!» (ПМ КФЭЭ-2018. а/т. Гус2. Село (далее - с). Гусаровское. Инф.: Логач Е.А., 1946 г.р., урож. х. Стуканов. Иссл.: Матвеев О.В.).

Практика взаимопомощи при строительстве была тесно связана с традиционными технологиями возведения домов, до широкого применения в частном строительстве кирпича и шлакоблока. И поэтому бытовала в основном до 1970-х гг. Но иногда саманные дома строили с привлечением взаимопомощи и немного позднее: «Вот буквально перед перестройкой строились. Люди строились, да я вот сам. Построил дом, навозил глины. Пришли, сосэди там, знакомые. Замесили эту глину, помогают. Дом, бесплатно, без ничего. Просто как отдавали должное. Если человек нуждается, значит все гуртом сошлись сделали. А сейчас такого нет!» (ПМ КФЭЭ-1992. а/к. 329. ст. Мартанская. Инф.: Афонасов В.Я., 1927 г.р. Иссл.: Жиганова С.А. Зуб Е.В.).

Распространённым явлением старожилы называли объединение усилий, предоставление друг другу скота или техники для какой-либо производственной деятельности, особенно связанной с сельским хозяйством (вспашки земли, обмолота зерна и пр.). Такая форма взаимной поддержки осмыслялась старожилыми как значимый символ прежних времён, ушедшего уклада жизни: «Зэмлю обрабатывали товариществом. Спрягались и начиналы работать. Охранялы. Ночами не спалы. Набеги были из-за Кубани»; «А у меня сосед ничего не имел (не имел рабочего скота). Сад у него был и пчёлы. Подходит весна – надо вспахать. Приходит. “Кум Чирва, дай мне быков, лошадей! Вспаху делянку свою. – Выбери!” Берёт, вспашет. Потом приводит лошадей. “Спасибо, кум! – Пожалуйста!”. Бесплатно помогали друг другу! Ни каких денег так и не платили»; «У меня лошадка, а у тебя тоже лошадка. Мы с тобой спряглыся. И пашем твою землю, мою землю»; «Я ж тебе рассказывал, как табак сажали. На быках, на коровах. Сажали, коров спрягали. Ты хозяин, и я хозяин. У тебя есть коровка. И у меня есть. Мы так спряжём. И зерно так вывозили»; «Единолично жили. Не у каждого была молотилка, шо молотэ пшеницу. Када молотыть – спрягались. Соединялыся несколько семей. Поезжай, до второго, до третьего. Но все вместе» (ПМ КФЭЭ-2010. а/к. 4217. ст. Платнировская. Инф.: Гришко С.П., 1922 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.; ПМ КФЭЭ-2008. а/к. 3980. ст. Саратовская. Инф.: Чирва И.Г. 1924 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.; КФЭЭ-2008. а/к. 3902. ст. Бакинская. Инф.: Згура Н.Н., 1926 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.; ПМ КФЭЭ-2008. а/к. 3923. ст. Бакинская. Инф.: Василенко И.А., 1930 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.; ПМ КФЭЭ - 1992. а/к. 233. ст. Платнировская. Саночкина В.М., 1922 г.р.).

Соседи могли объединяться и для рыбной ловли: «– А с кем обычно ловили рыбу? Семья сама себе ловила? – Знакомый со знакомым, по знакомству. Кумовья там

называются, знакомы, соседи. Кто есть. А можно и семьи». С ними также могли делиться уловом: «Наловлю, поотдаю. Каракаям, Петрусенкам. Всем же ж тоже рыбы хочется» (ПМ КФЭЭ-2008. а/к. 3967. ст. Имеретинская. Иссл.: Щербатюк Р.С.; ПМ КФЭЭ-2010. а/к. 4209. ст. Платнировская. Инф.: Гришко С.П., 1922 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.).

В начале XX в. на Кубани большое развитие получила хозяйственная кооперация «современного типа», которая была представлена различного рода кооперативами, ссудосберегательными товариществами и пр. Порой такие объединения действовали столь эффективно, что могли принимать участие в развитии местной инфраструктуры: «Общество было, вот как кооператив. Они сложились, и создали такое общество – ссудосберегательное товари́щество. Они так работали хорошо, что имели возможность построить у нас Дом культуры. Ссыпка была, принимали зерно. Чтоб людям не возить на переправу своей лошадкой... Амбра были, а потом большой навес, там стояли веялки, триера́. Нужно просеять зерно на посев – туда шли. В Доме культуры у нас библиотека была чудесная. Малый зал – это библиотека была. Причём стеллажей не было, были шкафы. Книги были все в таком переплёте твёрдом. Они ставили спектакли. Магазинчик был небольшой. Там продавали запчасти на сеялки, на веялки, на плуги. Их называли баклуши. И вот они имели возможность построить Дом культуры! В окружающих станицах ничего такого не было. Даже в Уманской, там маленькая хатка была. У нас в единственной из станиц, Челбасской, Платнировской, был дом культуры с паровым отоплением. Там библиотека, спектакли ставила наша интеллигенция. Кружки были мой отец ходил в хор – кружок» (ПМ КФЭЭ-1993. а/к. 330. ст. Крыловская. Инф.: Пентюх А.В., 1909 г.р. Иссл.: Зуб Е.В., Макаров А.Г.).

Но хозяйственная кооперация в дореволюционный период оставалась неразрывно связанной с территориальным единством.

Одним из наиболее ярких проявлений территориальных коллективов выживания и их сетей а рамках отдельной улицы, переулка, края (объединения нескольких близлежащих улиц) были территориальные объединения молодёжи: «На угол все сходилися (парни и девушки), вроде там закопана была каша (такое это было притягательное место)» (ПМ КФЭЭ-2010. а/к. 4200. ст. Сергиевская. Инф.: Борисенко А.А., 1938 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.). Парни и девушки, ещё не вступившие в брак, пели песни, играли в игры, усваивали принципы подходящего мужского и женского поведения, приглядывались друг к другу. Иногда здесь они находили будущего спутника жизни.

Порой территориальное деление населённого пункта совпадало с этническим: «Когда до греков пойдёшь – ихний край. А тут наш, казачий край»; «Они казаки считаются. А мы ж – хохлы» (ПМ КФЭЭ-2004. а/к. 3175. ст. Запорожская. Инф.: Харченко А.А., 1928 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.; ПМ КФЭЭ-1985. ст. Воронежская, Бесленевская. Инф.: Слюсарева М.И., 1897 г.р.).

Территориальное деление станицы, помимо прочего, выражалось в кулачных боях между мужчинами

из разных её частей, которые начинали подростки и юноши. «Кулачка» традиционно проходила по определённым правилам: «Проводились кулачные бои. Собирались все, мужчины и подростки. Начинали сначала дети. Дрались край на край. Чаще всего дрались Воробы и Мамайка... Драка останавливалась при первой крови»; «Я вот ещё був пацаном, во второй класс ходил. Ото бьются на лёду, школа ж на той стороне (показывает). Выходим с школы з во таких начинается (маленьких)! Тот снежок кинул – пишло дальше. И уже на лёд выходят с во такими бородами!» (ПМ КФЭЭ-2007. а/к. 3772. х. Верхний. Инф.: Лукина Е.Н., 1945 г.р. Исс-ли.: Скиба Д.А., Борейко А.Г.; ПМ КФЭЭ-1993. а/к. 411. ст. Ленинградская. Инф.: Филобок Г.Д., 1919 г.р., Исс-ли.: Ярешко В.С., Деркач А.Н., Макаров А.Г.). Кулачные бои случались и между жителями разных селений, располагавшихся по соседству: «То с новокорсунцами кулачка была. До девчат прыходять» (ПМ КФЭЭ-2007. а/к. 3728. ст. Дядьковская. Инф.: Серженко А.Т., 1938 г.р. Исс-ли.: Логвинова В.А.).

Как было сказано выше, передача традиционной культуры, фольклора молодому поколению имело место в рамках территориальных сетей коллективов выживания. Здесь значительную роль играло стремление младших подражать старшим: «Собрание. Большинство по воскресеньям – бубон и гармошка. Молодыци, они мамки наши, посходьлыся. Бубон, гармошка бубнят. Рассказывают (разговаривают), танцуют. А мы (дети) по-за кругом танцуем. А потом нам: “Идите, идите, идите!”. И мы в кружок. И спивалы» (ПМ КФЭЭ-1993. а/к. 433. ст. Крыловская. Инф.: Сыч Т.П., 1930 г.р. Исс-ли.: Бутко Е.А., Бабицкий В.В.).

Неудивительно, что некоторые небольшие населённые пункты со сплочённым населением практически были единственными территориальными коллективами выживания. Как, например, станица Абхазская в окрестностях Горячего Ключа. Она в глазах её жителей осмыслялась как единый коллектив: «А у нас дружно было. Как гулянка, так вся станицы празднует. Не було тако-го, что кто-то забув пригласить. Если зайдэ – никто его не выгонэ. “Пожалуйста, извиняй, что тебе не пригласили”» (ПМ КФЭЭ-2010. а/к. 4264. ст. Имеретинская. Инф.: Твердохлебова А.Ф., 1935 г.р. Исс-ли.: Васильев И.Ю.); «А раньше, в Абхазской было дело. А там, значит, провожают (парней в армию). Там есть поляна Пьяная Груша. Я её знаю. Чрез поле большая была груша. Вот такая толщиной. И вот тада всей станицей, все родственники, заходят туда последний раз. Чарку на коня и потом уже пошёл служить, пешком. А те возвращаются до дома» (ПМ КФЭЭ-2010. а/к. 4255. ст. Имеретинская. Инф-ты.: Терентьев М.Г., 1928 г.р., Шкурко М.В. 1930 г.р. Исс-ли.: Матвеев О.В.).

Жители станицы Абхазской продолжали общаться друг с другом уже в начале XXI в., задолго после её ликвидации: «– А связи як-то пиддержуете? – Конечно, вы шо! Встретимся як родные! Щас радости никакой уже в наших годах. А там хто помрэ, тада мы только встречаемся» (ПМ КФЭЭ-2010. а/к. 4245. ст. Имеретинская. Инф.: Якуня Е.А., 1938 г.р. Исс-ли.: Бондарь Н.И.).

В целом совместный досуг был одним из основных проявлений единства территориальных коллективов

выживания и их сетей.: «Мы ходили (друг к другу) на все праздники. Вот на Новый Год – гуляют у Логача. Следующий праздник (праздновали у других). Какие праздники были при советском времени – мы все отмечали. Сёдня в этой хате, на завтра в другой хате. Друг друга приглашали» (ПМ КФЭЭ-2018. а/т. Гус2. с. Гусаровское. Инф.: Логач Е.А., 1946 г.р., уроженка х. Стуканов. Исс-ли.: Матвеев О.В.); «А как раньше ходили в гости? По приглашению? – Компанией своих. Друг к другу ходили. Раз Масленица, до тебе приходят, и до тебе приходят»; «– А вот Троица такой праздник был? – Это складчина, складались, выпивали. Троица!»; «– Троицу как у вас праздновали? – Вязали венки. Собиралася молодёжь. Пацаны и девчата» (ПМ КФЭЭ-2007. а/к. 3728. ст. Дядьковская. Инф-ты.: Серженко А.Т., 1938 г.р., Серженко Н.Г., 1939 г.р. Исс-ли.: Логвинова В.А.; ПМ КФЭЭ-2008. а/к. 4059. ст. Новолабинская. Инф.: Кравченко М.А., 1924 г.р. Исс-ли.: Васильев И.Ю.; ПМ КФЭЭ-2007. а/к. 3728. ст. Дядьковская. Инф-ты.: Серженко А.Т., 1938 г.р., Серженко Н.Г., 1939 г.р. Исс-ли.: Логвинова В.А.).

Люди, жившие по соседству, помогали готовиться к семейным праздникам, особенно – к свадьбе: «Соседи помогали шишки печь. Разрешали печкой пользоваться. Специально пекли из сдобы. Сметану, масло клали. Сахар. Вымешивали. Раскатывали, резали наискосок. Поясочек делали с теста. Обводили это всё. В жаровку ставили» (ПМ КФЭЭ-2007. а/к. 3769. ст. Раздольная. Инф.: Комарова З.Г., 1932 г.р. Исс-ли.: Хромова А., Скиба Д.А.).

В праздничные дни практиковались угощения, особенно старались попотчевать наиболее бедных: «Я молоко, что родители надоили, разносила, не продавала! В воскресенье, на праздники, на Рождество, на Паску»; «Не говорили, что на Пасху приглашали бедных и нищих? – Обязательно утром корову выгонишь и пасочку бэрэш. И яичко. Встретишь кого-нибудь – отдаешь. Обязательно. Бедным. Пастуху обычно. И у кого нимае яичка» (ПМ КФЭЭ-2004. а/к. 3174. ст. Запорожская. Инф.: Харченко Г.С., 1928 г.р. Исс-ли.: Матвеев О.В., Холстинина Г.В.; ПМ КФЭЭ-2007. а/к. 3713. ст. Дядьковская. Инф.: Галай М.Д., 1928 г.р. Исс-ли.: Зудин А.И.).

Старожилы называли праздничные ритуальные обходы и взаимные визиты как таковые неотъемлемым элементом традиционного уклада жизни, ушедшего в прошлое: «– А вообще считалось хорошо, когда приходят колядовать? Рады были люди? – Да, да. Раньше вообще ради были. А сичас каждый позамыкався. У телевизор ото уткнэтся. И бильш нэчего им ны надо. Мы тепер ны стали ходить» (ПМ КФЭЭ-2008. а/к. 3909. ст. Бакинская. Инф.: Захарченко Е.А., 1937 г.р. Исс-ли.: Жиганова С.А.).

Символом единства станичного социума был и отчасти остаётся престольный праздник местной церкви: «Двадцать восьмого – Успение Пресвятой Богородицы – престольный день. У нас храм носит название такое, это престольный день. Мы тада сносим усё. И колхоз (агропромышленное предприятие), конечно, помогает, мясо выписует, масло дают, сахар дают и муку. И там прямо готовим» (ПМ КФЭЭ-2018. а/т. Гус2. с. Гусаровское. Инф.: Логач Е.А., 1946 г.р., уроженка х. Стуканов. Исс-ли.: Матвеев О.В.).

Храм вообще был важнейшим объединяющим элементом станичной общины, всей зачастую весьма разветвлённой сети территориальных коллективов выживания: «На площадь выходили (к храму) все и кругами ходили, када крестный ход» (ПМ КФЭЭ-2010. а/к. 4216. ст. Платнировская. Инф.: Мизин Г.П., 1923 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.). Помимо чисто религиозного, церковь была важнейшим организующей силой местного сообщества, одной из важнейших основ уклада жизни: «Была дисциплина, был порядок в станице. Праздники отмечали разные. Божественные, Рождество то, Пасха. Всё как обычно было» (ПМ КФЭЭ-2008. а/к. 4032. ст. Тенгинская. Инф.: Руденко М.Т., 1924 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.).

Церковная община могла быть многочисленной и могла включать в себя разные территориальные объединения, сохраняя свою значимость: «...мы жили на хуторе, у нас церквы не было. За шесть километров была церковь. И когда был большой религиозный праздник, Рождество и Паска, родители едут на подводах и берут детей. А крестили детей, маленькими, до года. Не как сейчас, кто када хочет. Два-три месяца, а то и месячных»; «У нас не було церкви, но мы знаем. Мы пид Паску всегда носили (пасхальные куличи) девчатушками и (уже) женщинами старими пешком аж в Мартанку. Ходылы святить паски. Вот это перед Паской всегда идэм. То с бабушкой, бабулечка у нас в сорок восьмом году умэрла. С бабушкой ходили пешком» (ПМ КФЭЭ-2008. а/к. 4032. ст. Тенгинская. Инф.: Радченко Г.Г., 1923 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.; ПМ КФЭЭ-2008. а/к. 3909. ст. Бакинская. Инф.: Захарченко Е.А., 1937 г.р. Иссл.: Жиганова С.А.).

Локальное объединение верующих вокруг храма обычно ровнялось местной территориальной самоорганизации в виде станичного / хуторского общества и была полномочным органом власти. Как исполнительным, так и представительным. Общество было ответственно за поддержание общественного порядка, развитие инфраструктуры, социальную политику: «Решение общественных и государственных вопросов атаман выносил на обсуждение выборных, которых выдвигали на станичном сходе в таком представительстве. Одного из ста казаков сроком на четыре года. В денежный фонд станичного управления поступали доходы от продажи леса, находящегося в юрте станицы, за аренду земельного участка в несколько сот десятин, которая находилась в Ейском отделе по реке Кугосе, госпошлина от оформления всевозможных справок. Станичное правление хранило деньги тут же, при казначействе. Штат правления содержался за счёт своего бюджета без государственных дотаций. Свободные средства использовались для строительства общественных зданий. Строились колодцы, мосты и другое. Хозяйство правления состояла из двух пар выездных лошадей. Две тачанки, две пары лошадей. И два комплекта пожарного инвентаря. Жеребец – производитель и два бугая производителя для общественного стада» (Щербина 2003: 126; ПМ КФЭЭ-2008. а/к. 3901. ст. Бакинская. Серяк В.П., Бойко Л.П. «История Бакинской школы и станицы» (чтение рукописи). Иссл.: Матвеев О.В.).

Организация строительных работ вообще была одной из основных функций станичной власти: «Что атаман сказал, то и делали. Атаман говорил своим урядникам. Они ходили по улицам. “Ты этот мост ремонтируешь! Ты – этот”»; «Построили больницу. Это где щас школа механизации. Это была двухэтажная больница. Ссыпку построили на станицу, имели двухгодовалый запас зерна. Гребли поправляли, всё в ручную делали. Порядок был что надо. Хозяева были в станице, а сейчас их нет» (ПМ КФЭЭ-2010. а/к. 4216. ст. Платнировская. Инф.: Мизин Г. П., 1923 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.; ПМ КФЭЭ-2008. а/к. 4090. ст. Некрасовская. Инф.: Бондарев Н.П., 1924 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.). Иногда станичнику приходилось выполнять определённые работы по строительству в качестве наказания за проступок: «Как мы его накажем-то? Михайловну ты знаешь бабу старенькую? – Да знаю! – Значит, завтра плетень ей, навози травы своими лошадыми. Плетень чтоб с другой стороны не начал разваливаться. А следующий раз он этого не делал. Это наказание такое было внутри» (ПМ КФЭЭ-2010. а/к. 4230. ст. Мартанская. Инф.: Ильяшенко В.Ф., 1954 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.).

К рубежу XIX-XX вв. сходы начали заботиться о местном здравоохранении: «Видны заботы и в организации медицинской части. Приемный покой и при нём аптека вполне удовлетворяют своему назначению» – писал в 1896 г. наказной атаман после осмотра станицы Абинской (Басханов и др. 1996: 129).

Общество станицы Царской вызывало в свою больницу хирурга из Майкопа для проведения сложных операций (ПМ КФЭЭ-1993. а/к. 448. ст. Новосвободная. Инф.: Романенко П.Я., 1923 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.). При этом органы казачьего самоуправления помогали налаживать жителям, страдавшим от недугов, необходимое для них общение за пределами общины. В 1873 г. правление станицы Азовской вызвало лабинских казаков С. Мордвинцева и Е. Косова к их тяжело больному родственнику (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 2).

Во второй половине XIX в. кубанцы начинают активно развивать народное образование. Ведь только получение знаний давало возможность приспособиться к условиям начавшихся быстрых перемен. Например, образованность во многом определяло карьерный рост казака в условиях мирного времени, давало возможность меньше служить и овладеть прибыльной профессией. Это обстоятельство способствовало преодолению недоверия к образованию как к новшеству. К тому же, каждый отдельный станичник всё больше втягивался во всевозможные виды экономических и юридических отношений, для участия в которых грамотность была необходима. Очевидцы постоянно отмечали относительно высокий уровень казачьих станичных школ. Система образования в Кубанской области быстро развивалась: в 1896 г. появилось 14 училищ, подотчётных директору народных училищ (Отчет 1897: 41), в 1905 – 25 (Отчет 1906: 55). К числу школ, подведомственных управлению епархиальных училищ, в 1896 г. прибавилось ещё 27 (Отчет 1897: 41), в 1898 – 78. Всего в этом году появилось 96 новых школ (Отчет 1899: 48). В 1903 г. чет-

верть кубанских казаков была грамотной (Отчет 1904: 72), в 1909 – около трети (Отчет 1910: 75).

Исследователю А.Н. Забазнову удалось обнаружить интересный документ. Это записка инспектора народных училищ второго района Кубанской области Е. Григорьева. В ней он ёмко характеризует школьное образование на Кубани: «Кубанская дирекция народных училищ по размаху организации всего школьного дела и должной постановке учебно-воспитательной части занимает одно из первых почётных мест в Российской империи» – писал инспектор (ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 1450а. Л. 2).

Таких результатов нельзя было бы добиться без помощи крепкой общинной организации. Заслуги станичных обществ в деле просвещения отражают следующие цифры: в 1905 г. они потратили на нужды народных училищ 653057 руб. (Отчет 1906: 58), в 1909 – 995 573 руб. (Отчет 1910: 70).

Станичные общества по-разному способствовали развитию системы образования. Они возводили здания школ, оказывали им материальную поддержку, всячески стремились к повышению их статуса. В 1909 г. в станице Пашковской одноклассное мужское училище было преобразовано в трёхклассное, а женское одноклассное – в двухклассное. Училища были отремонтированы и расширены (Станица Пашковская // Новая заря. 1909. № 693. С. 3). Значительный опыт в деле просвещения, наличие образованных кадров и энтузиазм жителей позволили в разгар гражданской войны (1919 г.) открыть в станице Полтавской учительскую семинарию (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 546. Л. 1).

Не удивительно, что существуют устные рассказы о постройке местной школы силами общины. Например: «Я ходил у пэрвый класс. А эту школу у центре, называется Красна школа, начала строить. А техники ны было ´ як сейчас. Всё в ручную. Мы пры ´ дэм, заглянем в эту траншею, шо выкопана на хундамэнт. Як упадэш туды, ны вылезешь. И строили ету школу общественным порядком. Деньги заплатылы тики тем, кто ложил кирпич, выкладывал стены. А всё остальное квартальный задавав тому, другому, третьему, четвёртому хозяину. С подводами шоб были ´ на недилю. Возыть кирпич, лис (лес), цемэнт. Людей пять – десять человек с вашего квартала, третьего, десятого. Человек пятьдесят, там сколько требуется кирпич подавать, цемэнт подавать. Эту школы сделали, как говориться, за шапку сухарив. Ны платылы, кто возив лошадьми кирпич, глыну, песок или там цемэнт. За это ны платылось ни кому. Это общественное. Ваши ж дети должны учиться! У уже в трэтий класс (ходил – построили)! Эту школу построили за два года! У трэтий класс я уже ходил в неё, в эту школу. И доси стоит!» (ПМ КФЭЭ-1992. а/к. 287. ст. Старолеушковская. Инф.: Лысенко Г.Ф., 1903 г.р. Иссл.: Зуб Е.В.).

Важнейшей обязанностью станичной общины также традиционно была благотворительность. Одним из мест средоточия единства общины был станичный зерновой фонд (называвшийся также «мага ´ зин»). В нём местные казаки, пострадавшие от стихийных бедствий и других неурядиц, могли получить зерно для собственных нужд: «Был фонд заложен. Станичный фонд. Магазин был, ма-

га ´ зин! В этом фонде находилось у нас зерно. И стихия когда постигает, люди туда обращаются, кому необходимо – давали... От народа (формировался фонд). Закладали в фонд. Облагали или просто душевно человек отвозил – этого я не скажу. А фонд был, я даже примерно могу сказать, где он находился. Примерно где колхозная заправочная. А то курган сюды (информант показывает). Это там хранилище было ´. Это если стихия, чи град, чи что, или если человек просто нуждается. Все ему помогали в этом случа ´е»; «А хлеб уберуть, помолотять, в амбары ссыпать. У человека несчастье, пожар там. Тада ж под соломой хаты были. Или град выбьеть. Идёшь до атамана, он пишет бумажку. И дають тебе хлеб – без платы, без ничего. И налог не платили – только за трубы 25 копеек. Это штраф, если труба (дымоход) разваленная»;

«Одно здание большое. На окраине станицы. Возле кладбища здание было большое. Специально построенно. У неё там закрома были. Комнатки. Комнатки, досками все заделаны. Для хранения зерна. И разных овощей. Усё было пристроено. Это шоб хранить. Для оказания помощи населению. – На случай неурожая? – Да, неурожая. У женщины двое-трое детей. Мужа нет. Корова сдохла – надо оказать помощь... Несчастье – надо оказать помощь»;

«...страховой фонд был. В станице у нас амбар был тут. “Гамазин” называли люди. Это магазин как бы в переводе на русский язык. Склад. И там страховой фонд был. Его года два тому назад или три как разобрали. Хороший, добротный. Склад был. И там ежегодно обновлялся зерновой фонд. Это который страховой. В случае неурожая. Или там помогали. Принимали решение, кому помочь надо. Было ж такое, супруга живёт, а супруг уже помер. Детишки. А как она? Тада ж не пенсии ж, ничего ж не было. Общественный фонд помогал. Воспитывали этих сирот. Вот это входило в обязанности самого атамана»;

«Там магазин был. Магазин. Там такие вот доски были шириной. С дуба сделанный двухэтажный. И там закрома были. Шесть закровов. – Это ссыпка? – Вот зерно туда ссыпали. Вдруг вот неурожай. Запас был, держали. И ли вот удовы были без мужей погибших. У кого детей много – помогали» (ПМ КФЭЭ-1996. а/к. 1094. ст. Удобная. Инф.: Куценкина А.Г., 1908 г.р. Иссл.: Капышкина С.Ю., Самарская А.; ПМ КФЭЭ-2008. а/к. 3980. ст. Саратовская. Инф.: Чирва И.Г., 1924 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.; ПМ КФЭЭ-2010. а/к. 4263. ст. Имеретинская. Инф.: Гапченко И.К., 1926 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.; ПМ КФЭЭ-2010. а/к. 4227. ст. Мартанская. Инф.: Радченко И.М., 1938 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.).

Часть зерна для страхового фонда собирали с полей, находившихся в собственности станичной общины: «А население станицы – тада ж ни пенсий, ничего не платили! Люди чё заработают – то и твоё. Чтоб было людям оказывать помощь – была земля, числилась за советом. Ну, и каждый казак должен был участвовать в работе. Поле засевать, убирать урожай – это общественное!» (ПМ КФЭЭ-2008. а/к. 3980. ст. Саратовская. Инф.: Чирва И.Г. 1924 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.).

Станичная община помогала своим членам и деньгами. 1911 г. жителям ст. Гиагинской, пострадавшим от пожара, было выдано по 50 рублей из станичных сумм (Чирик – Пырик. Гиагинская // Майкопская газета. 1911. № 210. С. 3). Станичное общество должно было покровительствовать всем принадлежащим к ней вдовам и сиротам, детям служащих казаков и происходящих из неблагополучных семей (Ивченко 1994: 155). Над имуществом сирот немедленно учреждалась опека. Это делалось на сходе. Имущество описывалось в присутствии 3 свидетелей и передавалось избранному на сходе опекуну. Опекун регулярно отчитывался об управлении имуществом (Ивченко 1994: 155-156). Таким образом, станичное общество отвечало за имущество сирот. Утраченное восполнялось из общественных сумм. Община за свой счёт снаряжала сирот на службу. Опекун был обязан заботиться о приращении имущества сирот. Он отвечал перед обществом за его сохранность. Так, казак станицы Старовеличковской Макар Мижирич давал сиротские деньги в рост. Должник И.А. Зоря оказался несостоятельным. Его имущества не хватило для покрытия долга. Мижирич был вынужден возместить убытки из собственных средств (Ивченко 1994: 159-161).

Члены общины заботились о людях, нужных станице. Казак Переясловского куреня Андрей Щербина, отец выдающего учёного Ф.А. Щербины, был слишком слаб для военной службы и земледельческого труда. Зато он был умен и выделялся хорошим голосом. По решению схода Андрей Щербина был направлен в Екатерино-Лебяжский монастырь для обучения и подготовки к церковной службе. Впоследствии о. Андрей сделал успешную карьеру священника (Щербина 2003: 126). Это было в первой половине XIX в. Позднее добрая традиция не была забыта. Станицы направляли на обучение будущих писарей (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28. Л. 2). В начале XX в. братья Д. и Р. Хохлины освоили профессию ветеринарного фельдшера на средства общества станицы Ладужской. Впоследствии они были весьма уважаемыми в общине людьми (Дергунов 2000: 138).

Атаман станицы Абхазской защищал своего станичника Т. Онищенко от кредитора (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. Л. 31). Правление станицы Попутной в 1863 г. поддержало казака Буланкина, который был незаконно оштрафован на 8 руб. за вырубку леса в юрте станицы Передовой (ГАКК. Ф. 355. Оп. 1. Д. 23. Л. 1-3об.). Расшеватский станичный сбор вступился за чабана Е. Горлова, который избил земельного поверенного станицы Темижбекской С. Щеглова, когда последний застал его на пастбище своей станицы. Сбору удалось доказать, что Щеглов неоднократно вымогал у расшеватских пастухов деньги и нарушил обычай, согласно которому казаки соседних общин свободно пасли скот на землях друг друга. Щеглов был посрамлён и, опасаясь судебного преследования, поспешил замять дело (ГАКК. Ф. 358. Оп. 1. Д. 43. Л. 1-32). Казаки поддерживали и тех чужаков, которые оказывали услуги общине. Сбор станицы Абинской постановил снизить налогообложение для Темрюкского мещанина Борзика на 243 руб. 20 коп. за его неоднократную помощь станице «как деньгами, так и делами» (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 2-2об.). Станичные суды, когда

разбирали личные ссоры, старались не столько наказывать виновных, сколько добиваться их примирения (Ивченко 1995: 25).

Взаимопомощь и самоорганизация в рамках станичного социума основывались на альтруистических ценностях и значимости личной репутации. Они укрепляли единство общины, улучшали отношения между её членами, и тем самым поддерживали её автономию от внешнего мира (ПМ КФЭЭ-1999. а/к. 1735. ст. Тбилисская. Инф.: Попов Б.Н. Иссл.: Рыбко С.Н.). В середине XIX в. сотник Бирюков, будучи начальником станицы Попутной, снарядил на службу в долг нескольких казаков. Он не пытался вернуть долги в течении всей своей жизни (ГАКК. Ф. 358. Оп. 1. Д. 24. Л. 1). В состоятельных кубанских семьях было принято держать много работников, что не всегда было необходимо (Эрастов 1998: 122). Это делалось для того, чтобы бедные люди имели возможность прокормиться. В 1866 г. сход станицы Прочноокопской добился права выплачивать казаку Г. Гейкину пособие по причине его старости и слепоты в размере 15 руб. серебром в год (ГАКК. Ф. 354. Оп. 1. Д. 60. Л. 1, 2, 5). «Взяток не брав, сырит та вдов защищав» – говорил о своих лучших качествах атаман станицы Каневской сотник И.И. Недбаевский (Недбаевский 1998: 87).

Из приведённых выше примеров видно, что основой общинного порядка, прежде всего, были межличностные отношения. Поэтому общество достаточно эффективно добивалось от своих членов нужного поведения, высказывая ему своё мнение о нём. В его арсенале были и улыбки, похвала, приглашения в гости; и насмешки, обидные прозвища (Очерки 2002: 198). Об эффективности общинного контроля над нравственностью и поведением косвенно свидетельствует мемуарист С.И. Эрастов. Он отмечал слабое распространение среди казаков второй половины XIX в. матерной брани (Эрастов 1998: 114).

Как и у всех восточных славян, место кубанского казака в обществе определялось его личной репутацией (Громыко 1986: 106). Для её поддержания необходимо было быть честным человеком, т.е. неукоснительно соблюдать определённые правила (не воровать, держать слово, возвращать долги).

Тесное взаимодействие в повседневном общении, практическая взаимозависимость, теснейшая связь самооценки с внешней оценкой заставляли казака дорожить мнением о себе окружающих (Щербина 1891: 60). Часто именно им, а не какими-либо объективными показателями оценивались достижения казака в профессиональной и общественной деятельности. Так, в 1864 г. решено было наградить похвальным листом церковного старосту станицы Отрадной казака Щербакова. Предварительно на это было получено разрешение станичного общества (ГАКК. Ф. 355. Оп. 1. Д. 35. Л. 1). Дурная репутация могла серьёзно повредить. Вдове А. Ермоленко было отказано в опекунстве над дочерью, так как её второй муж не вызывал доверия общества и мог оказать на падчерицу дурное влияние (Ивченко 1994: 158).

Огромное значение репутация имела при расследовании преступлений. Когда казаки-черноморцы Левицкий и Гладкий были заподозрены в краже денег, сле-

дователи сразу же решили узнать какого мнения о них однополчане и станичники (ГАКК. Ф. 285. Оп. 1. Д. 72. Л. 19). Новомышастовские казаки заметили своего земляка Н. Евтушенко, который в ночное время гнал куда-то быка. Евтушенко был известен как вор и был сразу же задержан. Бык действительно оказался ворованным (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 460. Л. 1об-2). Используя уважение казачьих властей к станичной репутации, община старалась помочь своим членам, подвергнувшимся необоснованным судебным преследованиям (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 440. Л. 32). При этом уличённых в преступлениях старались опозорить на всю станицу. Например, их заставляли ходить по улицам с украденной вещью и кричать «Я вор, я вор!»: «Беруть курицу, уже с дома. Надевают ему мешок, прорезают дырки. Беруть вот сюда завязывают, сюда завязывают (информант показывает). И идут по станице и (укрававший курицу) кричить “Я – вор”. Это ж страшный стыд был! Страшно было! Это один случай такой был. Завязывал»; «Вот если вот воровал, да, трафарет пишут, на спину вешают. И водят потом по станице. “Такой-то такой-то воровал корову”. Там ещё шо-то»; «А кто воровал, тэ ж (то, что украл) повесят на його. И ведут по станице, показывают. Шо вин вор. Шо украл повесят»; «Перед религиозными праздниками запрещались в станице массовые гулянья и всякий шум. В противном случае дежурный при правлении брали турлучины (колья, использовавшиеся для постройки турлучных построек), незаметно окружали гуляющих и разгоняли. Кто попадался, сажали в холодную. На следующий день, когда жители шли в церковь, провинившихся заставляли полоть бурьян на площади. Самым позорным было полоть колючки на площади в праздник» (ПМ КФЭЭ-2002. а/к. 2742. ст. Воровсколеская. Инф.-ты.: Головкин Н.Г., 1939 г.р., Передрий Т.Ф., 1938 г.р. Иссл.: Рыбко С.Н.; ПМ КФЭЭ-2010. а/к. 4230. ст. Мартанская. Инф.: Ильяшенко В.Ф., 1954 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.; ПМ КФЭЭ-2010. а/к. 4228. ст. Мартанская. Инф.: Радченко И.М., 1938 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.; ПМ КФЭЭ-2010. а/к. 4260. ст. Имеретинская. Инф.: Мирошниченко Е.Е., 1919 г.р. Иссл.: Рыбко С.Н.; КФЭЭ-2008. а/к. 3901. ст. Бакинская. Серяк В.П., Бойко Л.П. «История Бакинской школы и станицы» (чтение рукописи). Иссл.: Матвеев О.В.).

Воспитательное значение, апелляция к чувству стыда подразумевало и такое распространённое дореволюционное наказание, как порка: «Позор, о – о – о! Вся станица говорит. В станице говорили: “Отпороли его”» (ПМ КФЭЭ-2008. а/к. 3980. ст. Саратовская. Инф.: Чирва И.Г. 1924 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.).

Порой именно устранением территориальных коллективов выживания и их сетей из «воспитательного процесса» старожилы объясняют дерзость молодёжи, правонарушения среди молодого поколения: «“Твой сын нахулиганил! – За свои мы смотри!”. Ещё и выматюкает. А тада нет! Тада посторонний замечание сделал – отругал там или ещё что. И дома ещё дадут. Тада совсем. Щас вот маленькому скажи, и он огрызается» (ПМ КФЭЭ-2010. а/к. 4228. ст. Мартанская. Инф.: Радченко И.М., 1938 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.).

Как уже упоминалось выше, для сохранения репутации очень важно было вовремя отдавать долги. По вос-

поминаниям С.И. Эрастова, большим позором для черноморца было прощение ему долга как не способному вернуть. Это показывало неспособность человека отвечать за свои поступки и содержать себя, т.е. исключало его из числа людей, которые сами могут оказывать серьёзные услуги (Эрастов 1998: 126): «Долг надо отдать обязательно» – говорил уже упомянутый П.Я. Романенко (ПМ КФЭЭ-1993. а/к. 448. ст. Новосвободная. Инф.: Романенко П.Я., 1923 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.). Однако в целом станичный сход был достаточно снисходительным и ценил любого своего члена (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 95. Л. 17-17об.).

В свою очередь станица стремилась не мстить своим недостойным жителям. В казачьей общине официальное право применялось редко. Оно использовалось при взаимоотношениях с представителями других общин, государством и в случаях трудноразрешимых внутренних конфликтов. В соответствии с казачьими традициями поход к каждому отдельному событию был по возможности индивидуальным (Щербина 2003: 126).

Уже наказанных за недостойное поведение членов общества охотно прощало в случае их просьб. Особенно снисходительны были к тем, кто совершал значимые проступки всего один раз. В 1876 г. казак станицы Канеловской был лишен прав состояния за истязание казачки. Вскоре он был восстановлен в правах, так как у него была семья, которую надо было содержать, и он не был ранее судим. Высылка из станицы обычно применялась к преступникам-рецидивистам, чьё поведение показало их нелояльность к обществу (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 499. Л. 4об.).

В начале XX в. эффективность станичной общины слабеет вместе с их единством. Нарастает имущественное расслоение, которое приводит к конфликтам: «Раньше ж боролись за между! За между не ходи! И дрались даже за между! Перепахал немного дальше, на полметра. Давай снова перемеривай, отступай назад!» (ПМ КФЭЭ-2004. а/к. 3175. ст. Запорожская. Инф.: Харченко А.А., 1928 г.р. Иссл.: Матвеев О.В.). Ощущается потребность в разделении по отраслям и профессионализации органов управления, например, организации постоянных отделений полиции. Атаману и станичному сходу всё труднее было совмещать контроль над теми же строительными работами с поддержанием правопорядка.

Но даже в советское время достаточно действенные элементы традиционной социальной организации ещё сохранялись. Например, в практике колхозных бригад и малых (включавших в себя часть станицы) колхозов: «Раньше дэ наша станица шесть колхозив было. Ленин, Сталин, Молотов, Ворошилов и “Путь к коммунизму”. И Крупской. Шесть колхозив! У каждого колхоза бригада в станице. Собрание. Большинство по воскресеньям – бубон и гармошка». Это, например, выражалось во взаимопомощи при строительстве: «– Если дом строили, помогали друг другу? – Да! После войны, всё дальше и дальше, по десять, по пятнадцать домов строили. Каждый год. И всем колхозом шли, помогали друг другу». Колхоз как единая структура также мог поддержать того, кто в нём работал: «А колхоз помогал строиться людям? – Лошадей давал – месили. Бочку давал, воду

возили. Когда высох саман – брали лошадей и подвозили на место. Строиться уже колхоз помогал. Уже стали богатые» (ПМ КФЭЭ-1993. а/к. 433. ст. Крыловская. Ленинградский р-н. Инф.: Сыч Т.П., 1930 г.р. Исс-ли.: Бутко Е.А., Бабицкий В.В.; ПМ КФЭЭ-2010. а/к. 4255. ст. Имертинская. Инф-ты.: Терентьев М.Г., 1928 г.р., Шкурко М.В. 1930 г.р. Исс.: Матвеев О.В.; ПМ КФЭЭ-2009. а/к. 4138. ст. Чамлыкская. Инф-ты.: Ленцов В.И., 1926 г.р., Ленцова Н.Ф., 1940 г.р. Исс.: Васильев И.Ю.).

Таким образом, для территориальных (соседских) коллективов выживания и их локальных сетей был важен совместный досуг. А также взаимопомощь при строительстве, во время хозяйственных работ (вспашке земли, аренде сельскохозяйственной техники, рыбной ловли и пр.). Территориальные коллективы выживания и их малые сети способствовали усвоению традиционной культуры: правил поведения, фольклора и пр. Зри-

мым воплощением таких локальных территориальных групп: улиц, краёв станицы и др., были объединения молодёжи.

Территориальные сети коллективов выживания кубанских казаков масштаба населённого пункта образовывали местные органы власти и самоуправления. Они поддерживали порядок на своей территории, развивали местную инфраструктуру, помогали членам общины материально и юридически. Такая территориальная сеть также была религиозной общиной, центром которой был храм. Для её единства огромное значение имели церковные праздники. Продолжением локальных сетей коллективов выживания уже после коллективизации сельского хозяйства в середине XX в. могли быть небольшие колхозы, которые охватывали определённую часть населённого пункта.

ЛИТЕРАТУРА

Барсукова 2003 - Барсукова С.Ю. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // Мир России. Социология. Этнология. 2003. № 2. С. 81-122.

Басханов и др. 1996 - Басханов А.К., Басханов М.К., Егоров Н.Д. Линейцы. Очерки по истории станицы Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области. Никосия, 1996.

Васильев 1980 - Васильев Л.С. Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству – чифдом) // Народы Азии и Африки. 1980. № 1. С. 172-186.

Васильев 2023 - Васильев И.Ю. Родственные коллективы выживания кубанских казаков // Исторический формат. 2023. № 1-2. С. 99-105.

ГАКК - Государственный архив Краснодарского края.

Громыко 1986 - Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и нормы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

Дергунов 2000 - Дергунов Ф.С. История станицы Ладожской. Краснодар, 2000.

Ивченко 1994 - Ивченко И.В. Попечительское дело в общине кубанских казаков // Проблемы историографии и истории Кубани. Краснодар, 1994.

Ивченко 1995 - Ивченко И.В. Эволюция казачьего самоуправления на Кубани (по материалам законодательства) // Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995.

Недбаевский 1998 - Недбаевский М.И. Поведаю вам о старовыне... // Родная Кубань. Краснодар, 1998. № 3.

Отчет 1897 - Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1896 год. Екатеринодар, 1897.

Отчет 1899 - Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1898 год. Екатеринодар, 1899.

Отчет 1904 - Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1903 год. Екатеринодар, 1904.

Отчет 1906 - Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1905 год. Екатеринодар, 1906.

Отчет 1910 - Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1909 год. Екатеринодар, 1910.

Очерки 2002 - Очерки истории органов внутренних дел Кубани. 1793-1917. Краснодар, 2002.

ПМ КФЭЭ - Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции.

Смирнов 2014 - Смирнов П.И. Русская сельская община: происхождение, основные функции и ценности. 2014 / Электронный ресурс: <http://credo-new.ru/archives/277> (Дата обращения – 16.03.2022).

Смирнов 2014а - Смирнов П.И. Функционирование русской сельской общины: важнейшие следствия. 2014 / Электронный ресурс: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/kr4-2014/25723-funkcionirovanie-russkoy-selskoy-obschiny-vazhneyshie-sledstviya.html (Дата обращения – 16.03.2022).

Щербина 1881 - Щербина Ф.А. Очерки южнорусской артели и общинно-артельных форм. Одесса, 1881.

Щербина 1891 - Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков. Екатеринодар, 1891.

Щербина 1891а - Щербина Ф.А. История самоуправления у кубанских казаков // Кубанский сборник. 1891. Т. 1.

Щербина 2003 - Щербина Ф.А. Моя Деревянковка // Родная Кубань. Краснодар, 2003. № 2.

Эрастов 1998 - Эрастов С.И. Воспоминания старого екатеринодарца // Родная Кубань. Краснодар, 1998. № 2.

REFERENCES

Barsukova 2003 - Barsukova S.YU. Setevaya vzaimopomoshch' rossijskih domochozyajstv: teoriya i praktika ekonomiki dара [Network mutual assistance of Russian households: theory and practice of gift economics], in: Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya [The world of Russia. Sociology. Ethnology], 2003, № 2, pp. 81-122 [in Russian].

- Baskhanov i dr. 1996 - Baskhanov A.K., Baskhanov M.K., Egorov N.D.** Linejcy. Ocherki po istorii stanicy Labinskoj i Labinskogo otdela Kubanskoj oblasti [The Linemen. Essays on the history of the village of Labinskaya and the Labinsk department of the Kuban region], Nikosiya, 1996 [in Russian].
- Dergunov 2000 - Dergunov F.S.** Istoriya stanicy Ladozhskoj [The history of the village of Ladoga], Krasnodar, 2000 [in Russian].
- Erastov 1998 - Erastov S.I.** Vospominaniya starogo ekaterinodarca [Memories of an old Yekaterinodar], in: Rodnaya Kuban' [Native Kuban], Krasnodar, 1998, № 2 [in Russian].
- Gromyko 1986 - Gromyko M.M.** Tradicionnye normy povedeniya i normy obshcheniya russkikh krest'yan XIX v. [Traditional norms of behavior and norms of communication of Russian peasants of the XIX century], Moscow, 1986 [in Russian].
- Ivchenko 1994 - Ivchenko I.V.** Popечitel'skoe delo v obshchine kubanskih kazakov [Guardianship in the community of Kuban Cossacks], in: Problemy istoriografii i istorii Kubani [Problems of historiography and history of Kuban], Krasnodar, 1994 [in Russian].
- Ivchenko 1995 - Ivchenko I.V.** Evolyuciya kazach'ego samoupravleniya na Kubani (po materialam zakonodatel'stva) [The evolution of Cossack self-government in the Kuban (based on the materials of legislation)], in: Problemy istorii kazachestva [Problems of the history of the Cossacks], Volgograd, 1995 [in Russian].
- Nedbaevskij 1998 - Nedbaevskij M.I.** Povedayu vam o starovyne... [I'll tell you about the antiquity], in: Rodnaya Kuban' [Native Kuban], Krasnodar, 1998, № 3 [in Russian].
- Ocherki 2002 - Ocherki istorii organov vnutrennih del Kubani. 1793-1917** [Essays on the history of the Kuban internal affairs bodies. 1793-1917], Krasnodar, 2002 [in Russian].
- Otchet 1897 - Otchet nachal'nika Kubanskoj oblasti i nakaznogo atamana Kubanskogo kazach'ego vojska o sostoyanii oblasti i vojska za 1896 god** [Report of the head of the Kuban region and the ataman of the Kuban Cossack army on the state of the region and the army in 1896], Ekaterinodar, 1897 [in Russian].
- Otchet 1899 - Otchet nachal'nika Kubanskoj oblasti i nakaznogo atamana Kubanskogo kazach'ego vojska o sostoyanii oblasti i vojska za 1898 god** [Report of the head of the Kuban region and the ataman of the Kuban Cossack army on the state of the region and the army in 1898], Ekaterinodar, 1899 [in Russian].
- Otchet 1904 - Otchet nachal'nika Kubanskoj oblasti i nakaznogo atamana Kubanskogo kazach'ego vojska o sostoyanii oblasti i vojska za 1903 god** [Report of the head of the Kuban region and the ataman of the Kuban Cossack army on the state of the region and the army in 1903], Ekaterinodar, 1904 [in Russian].
- Otchet 1906 - Otchet nachal'nika Kubanskoj oblasti i nakaznogo atamana Kubanskogo kazach'ego vojska o sostoyanii oblasti i vojska za 1905 god** [Report of the head of the Kuban region and the ataman of the Kuban Cossack army on the state of the region and the army in 1905], Ekaterinodar, 1906 [in Russian].
- Otchet 1910 - Otchet nachal'nika Kubanskoj oblasti i nakaznogo atamana Kubanskogo kazach'ego vojska o sostoyanii oblasti i vojska za 1909 god** [Report of the head of the Kuban region and the ataman of the Kuban Cossack army on the state of the region and the army in 1909], Ekaterinodar, 1910 [in Russian].
- PM KFEE - Polevye materialy Kubanskoj fol'klorno-etnograficheskoy ekspedicii** [Field materials of the Kuban folklore and ethnographic expedition] [in Russian].
- SHCHerbina 1881 - SHCHerbina F.A.** Ocherki yuzhnorusskoj arteli i obshchinno-artel'nyh form [Essays on the South Russian artel and community artel forms], Odessa, 1881 [in Russian].
- SHCHerbina 1891 - SHCHerbina F.A.** Zemel'naya obshchina kubanskih kazakov [Land community of Kuban Cossacks], Ekaterinodar, 1891 [in Russian].
- SHCHerbina 1891a - SHCHerbina F.A.** Istoriya samoupravleniya u kubanskih kazakov [The history of self-government among the Kuban Cossacks], in: Kubanskij sbornik [Kuban collection], 1891, Vol. 1 [in Russian].
- SHCHerbina 2003 - SHCHerbina F.A.** Moya Derevyankovka [My Derevyankovka], in: Rodnaya Kuban' [Native Kuban], Krasnodar, 2003, № 2 [in Russian].
- Smirnov 2014 - Smirnov P.I.** Russkaya sel'skaya obshchina: proiskhozhdenie, osnovnye funkcii i cennosti [Russian rural community: origin, main functions and values], 2014, Electronic resource: <http://credo-new.ru/archives/277> (Date of access - 16.03.2022) [in Russian].
- Smirnov 2014a - Smirnov P.I.** Funkcionirovanie russkoj sel'skoj obshchiny: vazhnejshie sledstviya [Functioning of the Russian rural community: the most important consequences], 2014, Electronic resource: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/kr4-2014/25723-funkcionirovanie-russkoy-selskoy-obschiny-vazhneyshie-sledstviya.html (Date of access - 16.03.2022) [in Russian].
- Vasil'ev 1980 - Vasil'ev L.S.** Stanovlenie politicheskoy administracii (ot lokal'noj gruppy ohotnikov i sobiratelej k protogosudarstvu – chifdom) [The formation of a political administration (from a local group of hunters and gatherers to a proto-state – chiefdom)], in: Narody Azii i Afriki [The peoples of Asia and Africa], 1980, № 1, pp. 172-186 [in Russian].
- Vasil'ev 2023 - Vasil'ev I.YU.** Rodstvennye kollektivy vyzhivaniya kubanskih Kazakov [Kinship survival collectives of kuban cossacks], in: Istoricheskij format [Historical format], 2023, № 1-2, pp. 99-105 [in Russian].

Васильев Игорь Юрьевич

– Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры «Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия).

Igor Vasilyev

– Candidate of Historical Sciences, Senior research associate of the Research Center of traditional culture «The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia).

ivasee@mail.ru

НАСЛЕДИЕ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА АЗБЕЛЕВА

В 2022 году журнал «Исторический формат» запустил масштабный проект публикации научного наследия выдающегося русского историка и фольклориста Сергея Николаевича Азбелева (1926-2017), доктора филологических наук, многолетнего ведущего научного сотрудника Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, известного исследователя Древней Руси, Великого Новгорода, русского летописания и фольклора, члена редколлегии нашего журнала, ветерана Великой Отечественной войны, автора многих работ по истории, литературе и фольклору Древней Руси. Заместитель главного редактора «Исторического формата» М.И. Жих проделал работу по разбору его личного архива и готовит к печати неизданные работы учёного, а также документы, связанные с ключевыми этапами его жизни и творчества. В каждом новом номере «Исторического формата» в рамках рубрики «Наследие Сергея Николаевича Азбелева» планируется издавать одну из его неопубликованных статей или документальных подборок о жизни выдающегося исследователя.

НЕИЗДАННАЯ КРУПНЕЙШАЯ ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И КАК ПАМЯТНИК ИСТОРИОГРАФИИ

С.Н. Азбелев

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
e-mail: mail@histformat.com
Researcher ID: C-5151-2018
<https://orcid.org/0000-0001-9063-6544>
SPIN-код: 1390-8096

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

Новгородская Забелинская летопись занимает центральное место в ряду неизданных крупных памятников новгородского летописания. Ее текст включил и существенно дополнил составленные ранее Новгородскую Уваровскую и Новгородскую третью летописи и стал материалом для сокращенного текста Новгородской Погодинской летописи. Новгородская Забелинская летопись начинается легендами о происхождении славян и доведена до 1679 года. Памятник занимает первое место среди всех новгородских летописей не только по своему объему, но и по разнообразию использованных источников. Этот свод лег в основу последовавшей летописной работы в Новгороде, суммировав и обогатив привлечением неизвестных ранее материалов результаты предшествовавшего летописания не только самого Новгорода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Великий Новгород, источники, летописи, историография, Новгородская Забелинская летопись.

THE UNPUBLISHED LARGEST CHRONICLE OF NOVGOROD THE GREAT AS A HISTORICAL SOURCE AND A HISTORIOGRAPHICAL MONUMENT

Sergey Azbelev

Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the RAS
Russia, 199034, г. St. Petersburg, the Makarov's Embankment, 4
e-mail: mail@histformat.com

ABSTRACT

The Novgorod Zabelinskaya Chronicle occupies a central place among the unpublished major monuments of the Novgorod chronicle writing. Its text included and significantly supplemented the earlier Novgorod Uvarovskaya and Novgorod Third chronicles and became the material for the abridged text of the Novgorod Pogodinskaya Chronicle. The Novgorod Zabelinskaya Chronicle begins with legends about the origin of the Slavs and goes up to 1679. The monument ranks first among all Novgorod chronicles not only by its volume, but also by variety of sources used. It formed the basis for the subsequent annalistic work in Novgorod, summarizing and enriching with the use of previously unknown materials the results of the previous chronicle writing, not only of Novgorod itself.

KEYWORDS: Novgorod the Great, sources, chronicles, historiography, Novgorod Zabelinskaya Chronicle.

Публикация статьи, датируемой 2011 годом, подготовлена М.И. Жихом по машинописи из архива С.Н. Азбелева. К статье прилагаются документы из архива С.Н. Азбелева (также подготовленные к публикации по машинописям из архива учёного), о планах издания Новгородской Забелинской летописи в 1980-е гг., которые не были осуществлены.

Крупнейший летописный свод Великого Новгорода – Новгородская Забелинская летопись (далее: НЗабЛ) – более полувека назад была мною так названа по фамилии прежнего владельца ее основного списка (Азбе-

лев 1957: 282-297; 1960: 71-76). Название это прижилось. Но летопись была исследована далеко не полно, а опубликован до сих пор лишь небольшой фрагмент ее текста. Публикация произведена еще незадолго до начала

Великой Отечественной войны будущим академиком М.Н. Тихомировым по рукописи Государственного Исторического музея (далее: ГИМ) из собрания И.Е. Забелина № 261. Тихомиров напечатал в седьмом выпуске «Новгородского исторического сборника» отрезок летописи, охватывающий третью четверть XVII века, и приложил описание рукописи (Тихомиров 1940: 66-114). В год окончания войны будущий академик Л.В. Черепнин обратился к той же рукописи НЗабЛ при исследовании «Нового летописца» – в связи с тем, что одна из его редакций включена в состав этой рукописи. Черепнинным было определено время составления НЗабЛ и выявлена часть ее источников. Однако главный из этих источников – пространная редакция Новгородской третьей летописи – оставалась неизвестной Л.В. Черепнину, так как не была еще тогда введена в научный оборот. Но он привлек три списка самой НЗабЛ: ГИМ, собр. Забелина, № 261 (по которой ранее была выполнена публикация М.Н. Тихомирова), ГИМ, Музейное собр., № 2159 и Российский Государственный Архив древних актов (далее: РГАДА), ф. 181, № 22 (Черепнин 1945: 119-127).

Новгородская Забелинская летопись начинается легендами о происхождении славян и доведена до 1679 года. Памятник занимает первое место среди всех новгородских летописей не только по своему объему, но и по разнообразию использованных источников. Этот свод лег в основу последовавшей летописной работы в Новгороде, суммировав и обогатив привлеченным неизвестным ранее материалами результаты предшествовавшего летописания не только самого Новгорода.

На сегодняшний день мною зарегистрировано десять списков этого свода: 1) ГИМ, собр. Забелина, № 261 (80-е годы XVII в., 1°, 760 лл., летописный текст на лл. 2-673) (в дальнейшем сокращенно: Забел. 261); 2) Российская Государственная библиотека, М., 733 (третья четверть XVIII в., 1°, 985 лл., летописный текст на лл. 4-857); 3) Библиотека Российской академии наук, 16. 4. 1. (1756 г., 1°, 664 лл.); 4) там же, 34. 2. 26 (третья четверть XVIII в., 1°, 567 лл.); 5) там же, Текущие поступления, № 1342 (в дальнейшем сокращенно: ТП. 1342. Список обнаружен В.В. Яковлевым) (первая четверть XVIII в., 1°, 691 лл.); 6) Российская Национальная библиотека, Эрмитажное собр. № 417 (в дальнейшем сокращенно: Эрм. 417) (третья четверть XVIII в., 1°, 201 лл., летописный текст на лл. 1-195 об.) и 7) № 418 (в дальнейшем сокращенно: Эрм. 418) (вторая четверть XVIII в., 1°, 380 лл., летописный текст на лл. 2-368 об.); 8) там же, собр. Вяземского Q. ССХLI (в дальнейшем сокращенно: Вяз. 241) (середина XVIII в., 4°, 425 лл., летописный текст на лл. 67-424 об.); 9) ГИМ, Музейное собр. № 2159 (в дальнейшем сокращенно: Муз. 2159) (вторая четверть XVIII в., 1°, 345 лл.); 10) РГАДА, Рукописный отдел библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел, № 22 (в дальнейшем сокращенно: МИД. 22) (третья четверть XVIII в., 1°, 347 лл.).

Наиболее интересна рукопись собрания Забелина № 261. Здесь мы имеем дело с явлением чрезвычайно редким – список является архетипным. Вся рукопись написана одним почерком, но содержит множество вставок (объемом от одного листа до нескольких десят-

ков листов), бумага которых своим цветом, плотностью и водяными знаками отличается от бумаги, на которой написан остальной текст. Содержание каждой из этих вставок представляет собой самостоятельное целое, иногда разрывающее основной текст на полужресе или даже на полуслове (наличие вставок в этой рукописи было отмечено М.Н. Тихомировым: Тихомиров 1940: 68). В отдельных случаях, для устранения таких разрывов, начальная часть разорванного известия оказывается перечеркнутой и вписанной заново на свободной части листа после вставки. Имеются также пометки, указывающие, что продолжение оборванного текста следует искать через столько-то листов. Содержание вставок и содержание окружающего их текста восходит к разным источникам. Факт соединения разнородного материала самим писцом рукописи Забел. 261 не вызывает, таким образом, никаких сомнений. Остальные списки этого свода повторяют ее содержание, вместе со вставками и перебивками текста. Несомненно, что все они (как и любые другие списки данной редакции НЗабЛ, если таковые будут обнаружены), восходят к рукописи Забел. 261.

Основу памятника составляет пока неизданная пространная редакция Новгородской третьей летописи. Она включена почти целиком и дополнена другими летописными источниками, среди которых, начиная от первых листов и до конца XVI века, отчетливо прослеживается псковская летопись. Судя по составу известий, это был летописец псковского Печерского монастыря. Далее идет особая редакция «Нового летописца», продолженная до 1679 года (исследована Л.В. Черепнинным в указанной работе). В этот текст, могущий быть условно названным первоначальной редакцией НЗабЛ, включены в виде вставок, вклеенных на отдельных листах, несколько крупных памятников. Это «Синописис» изданий 1674 и 1680 годов¹ (почти весь – отдельными главами), «История еже о начале Русския земли» (сначала в виде отдельных вставок, а затем – целиком), Летописец новгородских владык, оканчивавшийся известием о наставлении митрополитом Корнилия (1674-1695), подборка летописных известий, касающихся новгородского Софийского собора (включены целиком), «Повесть о Мамаевом побоище» (О тексте этой «Повести» в рукописи Забел. 261 см.: Тихомиров 1947: 204-206). Включены большие отрывки из неизвестных до настоящего времени новгородских летописей (в числе их – харатейный летописец²). Использованы и многие другие источники. Вследствие необработанности свода, в тексте его встречаются дублировки известий и непоследовательность в хронологии.

Существенный интерес представляет не отмечавшееся прежними исследователями рукописи Забелина № 261 критическое отношение составителя свода к используемым источникам. После легендарных по содер-

- 1 Л.В. Черепнин в указанной статье (где он рассматривал преимущественно заключительную часть свода) отметил только использование издания 1680 г. В начальной же части НЗабЛ несколько раз прямо говорится, что та или иная статья выписана из «Синописиса» издания 1674 г.
- 2 На использование его указывает сам составитель на л. 169 об. Начало отрывка, почерпнутого из харатейного летописца, приведено М.Н. Тихомировым (Тихомиров 1940: 67).

жанию глав из «Синописа» о Мосохе и о переселении киевского митрополита Максима в Москву читаем пространное рассуждение (с использованием «Истории еже о начале Руския земли», печатных Псалтири и «Цветослова», а также ряда летописных источников), трактующее о несостоятельности утверждений Гизеля о существовании Мосоха, о происхождении от него Москвы, с также некоторых других сведений автора «Синописа».

Время возникновения летописи может быть определено сравнительно точно. Поскольку составитель использовал «Синописис» в издании 1680 г., свод возник, естественно, не ранее этого года. Очевидно, составление его произошло и не позднее 1681 г., так как на л. 635 об. автор отмечает, что церковь Воскресенского монастыря «и донныне тако недостроена суть», между тем как в 1681 г. строительство ее было возобновлено и вскоре закончено (Черепнин 1945: 121). Это известие читается на одном из вклеенных листов, и, следовательно, относится к окончательной редакции свода (Л.В. Черепнин относил составление летописи к 1680 г.: (Черепнин 1945: 121 и 127).

Составителем НЗабЛ был использован, не окончательный вид Пространной редакции Новгородской третьей летописи, представленный списком Российской Государственной библиотеки, в собрании ОИДР № 127, а первоначальный вид данной редакции. Об этом свидетельствует не только то обстоятельство, что окончательная редакция самой НЗабЛ возникла, по-видимому, не позднее 1681 г. (см. выше), но также – и с полной очевидностью – состав самого летописного текста. Многие известия рукописи Забел. 261, отсутствующие или измененные в ОИДР 127, содержатся без изменений в Новгородской Уваровской летописи, представляющей собой основной источник Новгородской третьей летописи (включенный в нее целиком), и совпадают, в свою очередь, с соответствующими текстами Софийской первой и других древних летописей, к которым восходит Новгородская Уваровская. С другой стороны, составитель краткой редакции Новгородской третьей летописи, основу которой составляет извлечение из окончательного вида пространной ее редакции, использовал, по-видимому, для дополнений НЗабЛ, так как в этой редакции есть известия, отсутствующие в рукописи ОИДР 127 (как и в Новгородской Уваровской), но содержащиеся в рукописи Забел. 261. Обратной картины, т.е. использования краткой редакции Новгородской третьей летописи, быть не могло, так как, во-первых, эта редакция возникла не ранее 1682 г., Новгородская же Забелинская летопись, по-видимому, не позднее 1681 г. (см. выше), а во-вторых, тексты, тождественные этой редакции и отсутствующие в рукописи ОИДР 127 и в Новгородской Уваровской, есть как в основной части рукописи Забел. 261, так и на вклеенных листах, т.е. восходят к разным источникам.

Как уже сказано, составление НЗабЛ осуществлялось в два этапа. Сначала был составлен летописный свод, основанный на пространной редакции Новгородской третьей летописи и использовавший кроме нее «Новый летописец», псковскую летопись и другие

источники. Этот текст представлял собой первоначальную, в чистом виде не сохранившуюся редакцию НЗабЛ. В составленную таким образом летопись были сделаны затем вставки из «Синописа» и других памятников, что и дало окончательную редакцию свода, архетипом которой является список Забел. 261. Первоначальная редакция НЗабЛ составлена не ранее 1674 года, так как не ранее этого года возник использованный ею первоначальный вид пространной редакции Новгородской третьей летописи. Составлена, естественно, и не позднее 1681 года, так как не позднее этого года была создана окончательная редакция НЗабЛ., основанная на первоначальной редакции этой летописи.

Списки Новгородской Забелинской летописи распадаются на три группы. Первая группа представлена пятью списками: 1) Забелина 261, 2) М. 733, 3) ТП. 1342, 4) 16. 4. 1 и 5) 34. 2. 26. Второй и третий списки полностью повторяют текст рукописи Забелина 261 (включая следующую за летописью «Казанскую историю»). Остальные две рукописи содержат только летописный текст, причем в списке 16. 4. 1., представляющем собой, как это явствует из записи на последнем листе, копию, снятую при Академии Наук в 1756 году «с оригинала Михаила Ларионовича Воронцова»³, отсутствует начальная часть свода, а в списке 34. 2. 26 – окончание. Следов утраты начальных или конечных листов в этих рукописях нет. Неполнота их, по-видимому, является результатом сознательного опущения части текста переписчиками, так как границами летописного текста в этих списках являются границы структурных частей свода. В первом случае опущена вводная часть, предшествующая «Истории еже о начале Руския земли», а во втором случае – «Новый летописец» вместе с последующим текстом.

Вторая и третья группы списков составляют особый вид, который может быть назван неполным видом НЗабЛ. Он содержит только заключительную часть летописи – текст «Нового летописца» с продолжением. Четыре списка второй группы – Муз. 2159, МИД. 22, Эрм. 417 и Эрм. 418 – совершенно сходны между собой и содержат заключительную часть свода без каких-либо дополнений. По-видимому, эти списки восходят к общему протографу. Л.В. Черепнин, касаясь взаимоотношения списков Муз. 2159 и МИД. 22 с Забел. 261, высказал предположение о «большей близости к протографу Забелинского списка» (Черепнин 1945: 123), ввиду того, что новгородский характер данной редакции Нового летописца соответствует новгородскому происхождению всего текста Забел. 261, а время составления этой редакции совпадает со временем составления всего свода, и что в связи с этим вероятнее возводить указанную редакцию «Нового летописца» к этому своду, а не наоборот (Черепнин 1945: 121-123). Правильность такого предположения доказывается с полной очевидностью сличением списков Муз. 2459 и МИД. 22 с Забел. 261. Текст содержащихся в последнем вставок, написанных на другой бумаге, есть и в той части свода, которая читается в этих (и других) его списках. Одна из этих встав-

³ Оригинал этой рукописи в архиве Воронцовых обнаружить не удалось.

вок (на лл. 232-235) разрывает в списке Забел. 261 ранее составленный текст на полуслове («...что слово Корсунская...»), причем на л. 231 об., перед началом вставки, приписано «А конец сей статьи – перекинув 4 листа и тут конец». Весь текст, включая вставку, есть в списках Муз. 2159 и МИД. 22 (как и в других списках свода). Переписчик, обратив внимание на приписку, устранил разрыв и дописал сначала конец разорванного известия, а затем уже – текст вставки (см. Муз. 2159, л. 280; МИД. 22, л. 273).

Третью группу составляет описок Вяз. 241, где текст дополнен в конце известиями о воцарении Федора

Алексеевича и о пожарах в Москве и Старой Руссе за счет опущения читающейся в других списках (и в самом Забел. 261) пространной статьи о Чигиринских походах, взятой из «Синописа» (имеются и другие отличия).

Новгородская Забелинская летопись занимает центральное место в ряду неизданных крупных памятников новгородского летописания. Ее текст включил и существенно дополнил составленные ранее Новгородскую Уваровскую и Новгородскую третью летописи и стал материалом для сокращенного текста Новгородской Погодинской летописи.

ЛИТЕРАТУРА

Азбелев 1957 - Азбелев С.Н. Летописные памятники Новгорода XVII-XVIII вв. (обзор списков) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. Т. 13. М.; Л., 1957. С. 282-297.

Азбелев 1960 - Азбелев С.Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. 296 с.

Тихомиров 1940 - Тихомиров М.Н. Новгородский хронограф XVII века // Новгородский исторический сборник. Вып. 7. Новгород, 1940. С. 66-114.

Тихомиров 1947 - Тихомиров М.Н. Древняя Москва. М.: Издательство МГУ, 1947. 224 с.

Черепнин 1945 - Черепнин Л.В. «Смута и историография XVII века» (из истории древнерусского летописания) // Исторические записки. Т. 14. М., 1945. С. 119-127.

REFERENCES

Azbelev 1957 - Azbelev S.N. Letopisnye pamyatniki Novgoroda XVII-XVIII vv. (obzor spiskov) [Chronicle monuments of Novgorod of the XVII-XVIII centuries. (overview of the lists)], in: Trudy Otdela drevnerusskoj literatury Instituta russkoj literatury (Pushkinskogo Doma) AN SSSR [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the USSR Academy of Sciences], Vol. 13, Moscow; Leningrad, 1957, pp. 282-297 [in Russian].

Azbelev 1960 - Azbelev S.N. Novgorodskie letopisi XVII veka [The Novgorod chronicles of the XVII century], Novgorod, 1960, 296 p. [in Russian].

CHerepnin 1945 - CHerepnin L.V. «Smuta i istoriografiya XVII veka» (iz istorii drevnerusskogo letopisaniya) ["Troubles and historiography of the XVII century" (from the history of the Old Russian chronicle)], in: Istoricheskie zapiski [Historical notes], Vol. 14, Moscow, 1945, pp. 119-127 [in Russian].

Tihomirov 1940 - Tihomirov M.N. Novgorodskij hronograf XVII veka [The Novgorod chronograph of the XVII century], in: Novgorodskij istoricheskiy sbornik [Novgorod Historical Collection], Vol. 7, Novgorod, 1940, pp. 66-114 [in Russian].

Tihomirov 1947 - Tihomirov M.N. Drevnyaya Moskva [Ancient Moscow], Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1947, 224 p. [in Russian].

Азбелев Сергей Николаевич

– Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, профессор кафедры отечественной истории Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.

Sergey Azbelev

– Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian History at the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Senior Research Scientist at the Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences.

mail@histformat.com

**ПИСЬМО С.Н. АЗБЕЛЕВА В.И. БУГАНОВУ ОТ 11
МАЯ 1976 Г.**

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ПОЛНОГО СОБРАНИЯ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ ДОКТОРУ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК В.И. БУГАНОВУ

Глубокоуважаемый Виктор Иванович!

Согласно нашей договоренности представляю Вам свои предварительные соображения относительно издания всех новгородских летописей в составе ПСРЛ. Буду рад, если этот материал в какой-то мере окажется практически полезен.

1. Система наименований новгородских летописей. Существующая сейчас нумерация некоторых из них неудобна по ряду причин. Прежде всего потому, что она не соответствует хронологической последовательности и в эту нумерацию не укладываются летописи, обнаруженные позже ее возникновения. Поэтому кроме пяти «нумерованных» все больше становится летописей «нечисленных», названия которых отчасти уже вошли в научную традицию (Новг. летопись Дубровского, Новг. Забелинская, Новг. Погодинская, Новг. Карамзинская и др.). Устаревшая нумерация отчасти начала уже, как будто, «преодолеваться» в ПСРЛ, где в 30-м томе напечатана «Новгородская вторая (Архивская) летопись».

В 1936 г. М.Д. Приселков предлагал в новом издании ПСРЛ перенумеровать все новгородские летописи: в этом проекте (который позже опубликовал С.Н. Валк) оказалось 9 «номерных» новгородских летописей, номера которых отвечали хронологии. Но с тех пор обнаружен еще ряд новгородских летописей, которые нарушили бы и эту нумерацию. Думаю, что любая новая нумерация нереальна, во-первых потому, что она не может быть окончательной, а во-вторых потому, что уже существует обширная исследовательская литература, где новгородские летописи фигурируют под их «старыми» номерами. Присвоение этим же летописям других, «новых» номеров вызовет серьезные неудобства в дальнейшей исследовательской работе.

Новые названия «номерных» летописей вообще не должны быть «номерными». Это упростит соотношение их с уже существующими номерами (которые будут не «отменены» вовсе, а «продублированы» названиями, которые номеров не содержат). Кроме того, в этом случае не будет возникать сложностей при обнаружении новых летописей, которым надо будет давать новые названия.

Какие именно присвоить названия «номерным» летописям – вопрос не принципиальный, его можно решать по-разному. Я предлагаю поступить аналогично тому, как уже обстоит дело с летописями, номеров не имеющими: присвоить каждой летописи название, соответствующее названию одного из ее списков (лучше – старшего по хронологии рукописей, а если летопись известна в одном списке, то естественно называть ее по нему). При таком решении могут быть предложены

следующие новые названия (впрочем, часть их в научной литературе по отношению к соответствующим летописям уже применялась):

Новгородская Пергаменная летопись (1-я старш. извода),

Новгородская Комиссионная летопись (1-я младш. извода),

Новгородская Строевская летопись (4-я),

Новгородская Хронографическая летопись (5-я),

Новгородская летопись Малиновского (2-я),

Новгородская Академическая летопись (3-я пространной ред.),

Новгородская Щукинская летопись (3-я краткой ред.).

2. Списки, привлекаемые к изданию всех летописей. Перечисляю их в приблизительном хронологическом порядке, указывая предлагаемую степень очередности издания летописи, если она еще не публиковалась. После названия каждой летописи даю сокращенное его обозначение (как новое, так и старое, если оно есть).

Новгородская Пергаменная летопись (НПЛ, НЛ ст. изв.). Вновь публикуется по ее единственному списку.

Новгородская Комиссионная летопись (НКЛ, НЛ мл. изв.). Вновь публикуется по всем ее спискам аналогично последнему изданию А.Н. Насонова.

Новгородская Строевская летопись (НСЛ, НЛЛ). Публикуется по всем спискам, привлекавшимся к последнему изданию, кроме списков Дубровского и Архивского (они – особая летопись), и с привлечением списков, обнаруженных М.Н. Тихомировым (после дополнительного изучения их).

Новгородская Карамзинская летопись (НКарЛ). Публикуется по ее единственному списку, который в свое время изучался А.А. Шахматовым, а недавно – Я.С. Лурье. При некотором различии их выводов не вызывает сомнений тесная связь этой летописи с НСЛ (НЛЛ). Поскольку НКарЛ оригинальных исторических сведений почти не содержит (а ее текст, представляющий две последовательных выборки из одного оригинала для пользования малоудобен), она может публиковаться во вторую очередь.

Новгородская Хронографическая летопись (НХЛ, НЛЛ). Публикуется по всем ее спискам, по которым издание было начато в ПСРЛ, но до конца не доведено.

Новгородская летопись Авраамки (НЛА). Публикуется по всем ее спискам, которые изучались А.А. Шахматовым (и часть которых издана по отдельности). Хотя составлена эта летопись в Смоленске, по составу известий и по своим источникам она относится к новгородским.

Новгородская летопись Дубровского (НЛД). Публикуется на основе списка Дубровского, с привлечением остальных ее списков, выявленных А.А. Шахматовым и, частично, С.Н. Азбелевым (кроме списка ГПБ, F.IV.188, являющегося поздней копией списка Дубровского). Существующее издание отдельных частей списка дубровского (с разночтениями по Архивскому списку) в IV томе ПСРЛ не отвечает современным требованиям, давая далеко не все существенно отличающиеся от НСЛ (НЛЛ) известия даже одного только этого списка.

Новгородская летопись Малиновского (НЛМ, НИЛ). Публикуется по списку Малиновского (его поздняя копия не привлекается). Но, в отличие от недавнего издания в ПСРЛ, должны быть устранены те механические перебивки текста, которые вызваны неверным переплетением листов в рукописи.

Краткие новгородские летописи XVI века. Это Новгородская летопись Никольского (НЛН), ранее изданная в IV томе ПСРЛ, не издававшаяся Новгородская Павловская летопись (НПавл) – БАН, собр. Доброхотова, № 18 (состав этой летописи, находящейся в сборнике еп. Павла, был определен А.А. Шахматовым), не издававшаяся Новгородская Троицкая летопись (НТЛ) – ГБЛ, Троицк. собр. (ф. 304), № 805 (обнаружена и описана А.Н. Насоновым). Возможно, что сюда следует отнести еще некоторые краткие летописи этого столетия, мне пока неизвестные.

Новгородская Уворовская летопись (НУЛ). Публикуется по Уваровскому и Погодинскому спискам, изучавшимся С.Н. Азбелевым. Поскольку эта летопись почти не содержит материала, не вошедшего в НАЛ (НИЛ протр. ред.), можно публиковать НУЛ во вторую очередь.

Новгородская Академическая летопись (НАЛ, НИЛ протр. ред.). Публикуется по Академическому списку и по списку ОИДР, изучавшимся С.Н. Азбелевым (поздняя копия описки ОИДР не привлекается). Эта летопись содержит много уникальных исторических известий, она должна публиковаться в первую очередь.

Новгородская Забелинская летопись (НЗабл). Публикуется по ее редакторской рукописи ГИМ, Забел. 261, которая изучалась М.Н. Тихомировым, затем Л.В. Черепнинным, затем С.Н. Азбелевым. Последним было выяснено, что все другие списки восходят без редакционных изменений, которые потребовали бы их привлечения для издания, именно к этой рукописи. Но сама рукопись Забел. 261 имеет во многих местах характер необработанного черновика, что затрудняет пользование летописью. Однако наличие в ней значительного числа уникальных сведений требует издания в первую очередь.

Новгородская Щукинская летопись (НЩЛ, НИЛ кратк. ред.). Переиздается на основе неизвестного прежним издателям лучшего списка ГИМ, Щук. 710, с использованием ряда других списков, в том числе уже издававшихся. Изучалась С.К. Шамбинаго, затем С.Н. Азбелевым. Хотя в основе своей эта летопись имеет извлечение из НАЛ (НИЛ пр. ред.), она содержит значительное число дополнительных уникальных сведений.

Новгородская Погодинская летопись (НПогЛ). Публикуется целиком первоначальная редакция этой летописи – по спискам ГПБ, Погод. 1411 и ГИМ, Чертк. 331 (второй привлекается только для восполнения позднейших утрат в списке Погод. 14.11, так как восходит к нему). Остальные списки этой редакции, также восходящие к Погод. 1411, не привлекаются. В приложении дается независимый от него сокращенный вид этой редакции (БАН, 17.8.13). Сокращенная редакция и краткая редакция этой летописи в основной своей части не содержат нового материала, поэтому публикуются в при-

ложениях только оригинальные продолжения некоторых списков и уникальные дополнительные известия списка БАН, 17.8.25. Летопись изучалась С.Н. Азбелевым. Поскольку ее оригинальный материал относится почти исключительно к событиям XVIII века и по преимуществу – к событиям церковной истории Новгорода, эта летопись может издаваться во вторую очередь.

Краткие новгородские летописи XVII-XVIII вв. Небольшая часть их опубликована, большинство неизданных требует предварительного изучения. Эти летописи, в той их части, которая мне сейчас известна, дают мало ценных, оригинальных сравнительно с подробными летописями сведений. Издание этих летописей может осуществляться во вторую очередь.

3. Примерная последовательность всех публикаций. Она должна, как мне кажется, исходить из общей ценности каждого памятника в качестве исторического источника и из отсутствия или наличия его изданий (а также степени полноты и доступности их). Предлагаю такую последовательность: 1) НАЛ (НИЛ протр. ред.); 2) НЛД; 3) НЗабл; 4) НХЛ (НВЛ); 5) Кратк. летописи XVI в.; 6) НПЛ (НИЛ ст. изв.); 7) НКЛ (НИЛ мл. изв.); 8) НСЛ (НИВЛ), 10) НКарЛ; 11) НПогЛ; 12) Кратк. летописи XVII-XVIII вв.; 13) НЩЛ (НЗЛ кратк. ред.); 15) НЛМ (НИЛ).

Можно исходить и из иных принципов, например: а) издать все летописи по порядку их хронологии; 2) издать сначала все неопубликованные летописи, затем все опубликованные неполно, затем те, которые уже были целиком изданы на хорошем уровне.

К сожалению, я не имел сейчас возможности просмотреть требовавшие этого рукописи Москвы (например, ГИМ, Муз. 2060, состав которой был неодинаково определен М.Н. Тихомировым и А.Н. Насоновым). Возможно, что мною не учтены какие-либо из требовавших этого недавних работ, поскольку в последнее время я не занимался новгородскими летописями.

С.Н. Азбелев
11 мая 1976 г.

ПИСЬМО С.Н. АЗБЕЛЕВА В.Л. ЯНИНУ ОТ 29 ОКТЯБРЯ 1982 Г.

Глубокоуважаемый Валентин Лаврентьевич!

Вы просили меня подсчитать стоимость работы по подготовке издания Новгородской Забелинской летописи. Я навел для этого необходимые справки.

Объем летописного текста примерно 50 листов. Оплата работы

того, кто такое издание готовит (включая оплату им самим перепечатки на машинке) – 80 рублей за лист. Следовательно, всего примерно 4000 рублей.

У меня есть небольшие дополнения к нашему разговору в Новгороде.

По возвращении в Ленинград я звонил В.И. Буганову. Он согласен числить за мной подготовку издания Новгородской Забелинской летописи, но предупредил, что ее публикация в ПСРЛ не может быть осуществлена раньше, чем через 8-10 лет.

К Ю.К. Бегунову я отношусь положительно, но совместно с ним вести такого рода работу не согласился бы (соответственно, с ним я этот вопрос не обсуждал).

Ваше полушутливое обещание – зачислить меня рабочим Новгородской экспедиции – может быть реализовано, когда я буду на пенсии (до пенсионного возраста мне осталось 3 с половиной года). Пока я работаю в Пушкинском доме, такая форма компенсации внеслужебной работы над летописью поставила бы меня

в двусмысленное положение. Если необходимо, чтобы эту работу я вел уже в ближайшие годы, надо бы придумать что-то другое.

С глубоким уважением

29 октября 1982 г.

Глубокоуважаемый Валентин Лаврентьевич!

Вы просили меня подсчитать стоимость работы по подготовке издания Новгородской Забелинской летописи. Я навел для этого необходимые справки.

Объем летописного текста примерно 50 листов. Оплата работы того, кто такое издание готовит (включая оплату им самим перепечатки на машинке) – 80 рублей за лист. Следовательно, всего примерно 4000 рублей.

У меня есть небольшие дополнения к нашему разговору в Новгороде.

По возвращении в Ленинград я звонил В.М.Буганову. Он согласен числить за мной подготовку издания Новгородской Забелинской летописи, но предупредил, что ее публикация в ПСРЛ не может быть осуществлена раньше, чем через 8–10 лет.

К Ю.К.Бегунову я отношусь положительно, но совместно с ним вести такого рода работу не согласился бы (соответственно, с ним я этот вопрос не обсуждал).

Ваше ^{п о лу} шути^лвое обещание – зачислить меня рабочим Новгородской экспедиции – может быть реализовано, когда я буду на пенсии (до пенсионного возраста мне осталось 3 с половиной года). Пока я работаю в Пушкинском доме, такая форма компенсации внеслужебной работы над летописью поставила бы меня в двусмысленное положение. Если необходимо, чтобы эту работу я вел уже в ближайшие годы, надо бы придумать что-то другое.

С глубоким уважением

29 октября 1982 г.

О НЕКОТОРЫХ ДИСКУССИОННЫХ ВОПРОСАХ ПОХОДА РУСОВ НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ В 860 Г.

М.И. Жих

Международный научный журнал «Исторический формат»

(Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: max-mors@mail.ru

Scopus Author ID: 55358941500

Researcher ID: F-3154-2014

http://orcid.org/0000-0003-2212-6416

SPIN-код: 6149-3974

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

В рецензии рассматривается статья петербургского историка М.А. Несина, подвергнувшего недавно критике традиционные взгляды на масштабы и характер похода на Константинополь в 860 г. как значительную военную и политическую акцию Руси. Показано, что ключевые положения М.А. Несина основываются на произвольных допущениях и прямо противоречат данным источников, что не позволяет всерьез рассматривать его гипотезу о походе русов 860 г. на Константинополь как небольшом и кратком рейде.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русы, славяне, Византия, историография, Константинополь.

SOME DEBATABLE ISSUES OF THE RUS' CAMPAIGN TO CONSTANTINOPLE IN 860

Maksim Zhikh

International Scientific Journal «Historical Format»

(Saint Petersburg, Russia)

e-mail: max-mors@mail.ru

ABSTRACT

The review examines an article by St. Petersburg historian M.A. Nesin, who recently criticized traditional views on the scale and nature of the campaign against Constantinople in 860 as a significant military and political action of Rus'. It is shown that the key provisions of M.A. Nesin are based on arbitrary assumptions and directly contradict source data, which does not allow to consider seriously his hypothesis about the Rus' campaign against Constantinople in 860 as a small and brief raid.

KEYWORDS: Rus, Slavs, Byzantium, historiography, Constantinople.

Поход русов на Константинополь в 860 г.¹ является знаковым событием древнерусской истории. Именно с ним связан начало «Русской земли» автор Повести временных лет: «В год 6360 (852), индикта 15, наченшу Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо уведахомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется в летописаньи гречь-

стемь. Темже отसेле почнем и числа положимъ» (ПСРЛ. I: 17-18; ПСРЛ. II: 12)².

По словам современного историка П.В. Кузенкова, «это эпохальное событие стало первым крупным международным предприятием малоизвестного прежде народа, в ходе которого Русь вышла на авансцену всемирной истории – «получила имя», как говорил патриарх Фотий, или «нача ся прозывати», по выражению русского летописца» (Кузенков 2012: 71).

Всеми исследователями, рассматривавшими историю этого похода, отмечались его масштабный для той

1 Точную дату появления русов под стенами Константинополя (18 июня 860 г.) сообщает единственный известный нам источник – опубликованная в 1894 г. бельгийским учёным Фр. Кюмоном найденная им в Королевской библиотеке Брюсселя рукопись XIII в. (Кузенков 2003: 156). Доступные древнерусским летописцам византийские хронографы не содержали соответствующей даты, что привело к тому, что авторы Начального свода и ПВЛ датировали это событие по-своему.

2 Дата начала правления Михаила III в ПВЛ указана не верно: Михаил начал править совместно со своей матерью в 842 г. в младенческом возрасте, а единолично – с 856 г.

эпохи характер, тщательная подготовка и значительная численность армии атакующих русов, создавшая серьёзную угрозу Царю городов (Мавродин 1945: 214-219; 1949: 31-39; Vasiliev 1946; Левченко 1956: 57-90; Пашуто 1968: 58-60; Сахаров 1980: 48-58; 2019: 13-19; Литаврин 2000: 47-60; Седов 2002: 283-286; Кузенков 2003: 3-172; 2012: 71-83; Франклин, Шепард 2009: 88-101; Цветков 2010; Беззаконов, Жих 2021: 78-124).

Традиционные взгляды на масштабы и характер похода 860 г. как значительную военную и политическую акцию Руси подверглись решительной критике в недавней статье петербургского историка М.А. Несина, по мнению которого «набег русов на Константинополь 860 г. представлял собой рейд небольшого войска на единицах – десятках судов. Внезапно появившись под стенами города, они в течение ночи или суток жгли и разоряли предместья, не пытаясь взять крепость»; поход русов «напоминает небольшой внезапный набег на неподготовленного противника единиц – немногих десятков кораблей, а не поход многотысячного войска на сотнях судов» (Несин 2024: 45).

Аргументируются данные тезисы тем, что число в 200 кораблей, участвовавших в походе на Константинополь, которое традиционно рассматривается как основа для суждения о численности армии русов, «фигурирует в тех же самых сравнительно поздних византийских и русских источниках, в которых сообщается о чудесной буре, по воле высших сил разбившей суда безбожных русов» (Несин 2024: 45), о которой не сообщают более ранние источники.

Прямое соседство цифры в 200 судов русов и позднего предания о потопившей русский флот буре имеет только в Хронике Симеона Логофета (середина X в.): «Василевс же отправился в поход на агарян (событие не датировано – М.Ж.), оставив в городе для охраны его Оорифу, бывшего ипархом, который, когда император, не сделав ничего из того, о чем заботился и что имел на уме, оказался уже у Мавропотама, дал ему знать о нашествии безбожных росов. И василевс был отвлечен от намеченного похода и той [цели], ради которой он в него отправился, и не совершил ничего царственного и достойного. Росы же, успев оказаться внутри Иерона, совершили великое избиение христиан и проливали невинную кровь. Было же у них 200 судов, которые окружили город и внушили находящимся в нем великий страх. Василевс же, прибыв, едва смог переправиться. И отправились они с патриархом Фотием во Влахернский храм Божьей Матери и там призывали к милости и состраданию Божество. Затем, вынеся с пением гимнов святой омофорий Богородицы, они окунули его краем в море; и хотя стоял штиль, сразу же начались порывы ветров, и на спокойном море волны стали громоздиться друг на друга, и суда безбожных росов были разбиты, так что лишь немногие избежали опасности» (Кузенков 2003: 114-115).

Брюссельская хроника (XI в.), уникальный источник, отражающий какую-то особую, причем очень раннюю

традицию о походе 860 г.³, также оценивает флот русов в 200 судов, но об итогах похода говорит существенно иначе: в царствование Михаила III «18 числа июня месяца, 8 [индикта], в 6368 году, на 5 году его правления пришли росы с двумястами кораблями, которые, ходатайствами Всехвальной Богородицы, были христианами покорены, сокрушительно побеждены и истреблены» (Кузенков 2003: 156). По прямому смыслу слов Брюссельской хроники, русы были побеждены византийцами в сражении, а отнюдь не потоплены чудесной бурей.

Таким образом, два византийских источника, дающие цифру в 200 кораблей русов, существенно расходятся между собой в остальном: Хроника Симеона Логофета не знает точной даты нападения русов, а Брюссельская хроника даёт её; Хроника Симеона Логофета говорит о том, что флот русов был потоплен чудесней бурей, разразившейся благодаря молитвам его защитников во главе с патриархом Фотием (858-867; 877-886) и императорам Михаилом III (842-867), а Брюссельская хроника повествует о том, что русы были разгромлены византийцами. Таким образом, эти два источника отражают разную традицию известий о походе 860 г., причем Брюссельская хроника передаёт традицию более раннюю (это очевидно из того, что она сообщает точную дату похода, записать которую мог лишь современник), что повышает доверие к сообщаемой ими цифре русских кораблей.

Современник и очевидец похода русов, константинопольский патриарх Фотий так объяснял причины отхода русов от стен Константинополя: вокруг города было пронесено облачение Матери Божьей – «это пресвятое одеяние! Оно окружило стены – и по неизреченному слову враги показали спины; город облачился в него – и как по команде распался вражеский лагерь; обрядился им – и противники лишились тех надежд, в которых витали. Ибо, как только облачение Девы обошло стены, варвары, отказавшись от осады, снялись с лагеря и мы были искуплены от предстоящего плена и удостоились нежданного спасения» (Кузенков 2003: 60).

Видимо, на основе зафиксированных Фотием ранних представлений об уходе русов от Константинополя в результате заступничества Богородицы, впоследствии появились две «творчески развивающие» их версии: версия о военном поражении русов у стен города (отражённая в Брюссельской хронике) и версия о гибели русского флота в результате чудесной бури (отражённая в Хронике Симеона Логофета).

3 «Самым удивительным и необычайно важным... оказалось то, что в разделе, посвященном правлению Михаила III, Брюссельская хроника содержит краткий рассказ о нападении руси на Константинополь (и только о нем!) и дает необыкновенно подробную датировку этого события – число, месяц, индикт, год от сотворения мира и год царствования Михаила, точно соответствующие друг другу. Следует отметить, что подобная дата, вообще крайне редкая для византийской хронографической традиции, является единственной в весьма скупой на сообщения Брюссельской хронике (правление преемника Михаила, Василия I, вообще не отмечено никакими событиями). По мнению исследователей, такое внимание к нападению руси 860 г. можно было бы объяснить, если допустить, что заметка о нем записана его свидетелем или по крайней мере современником» (Кузенков 2003: 155-156).

Третий источник, сообщающий о численности русского флота, напавшего на Константинополь, – Венецианская хроника Иоанна Диакона (вторая половина X – первая четверть XI в.): «В это время (событие у Иоанна Диакона не датировано, а лишь привязано к ряду других событий, хронологический разбег которых составляет десять лет между смертью в 853 г. патриарха Виктора и смертью франкского короля Карла, умершего 25 января 863 г. – М.Ж.) племена норманов («северных людей», в данном случае русов – М.Ж.) с тремястами шестьюдесятью кораблями дерзнули подступить ко граду Константинопольскому; но, поскольку никоим образом не имели они сил причинить вред неприступному городу, учинив жестокою войну в пригороде, беспощадно убили очень многих тамошних жителей, и так упомянутое племя с триумфом отступило восвояси» (Кузенков 2003: 151).

Пытаясь дезавуировать значение данного известия, М.А. Несин, отметив, что его автор был знаком с византийской традицией, делает вывод: «Иоанн Диакон, наверное, был знаком с поздними византийскими преданиями об участии в этом походе сотен судов и в этом отношении развил греческую традицию, связанную с поздней легендой о чудесной буре» (Несин 2024: 46).

Это утверждение представляет собой недоразумение: ни о какой буре, погубившей флот русов, у Иоанна Диакона не говорится ни слова, напротив, у него о нападавших сказано, что они «с триумфом отступили восвояси». Сообщение Иоанна Диакона вовсе не «развивает греческую традицию, связанную с поздней легендой о чудесной буре», напротив, видимо, он пользовался каким-то ранним греческим источником (это ясно, в частности, из того, что он называет русов «северными людьми», то есть просто калькирует византийскую терминологию – патриарх Фотий говорит о напавших на Константинополь русах: «народ с севера», «гроза гиперборейская», «скифский народ» и т.д. Все известные примеры именованья русов «северными людьми» в латиноязычных источниках связаны с Византией и калькируют византийскую терминологию: Беззаконов, Жих 2021: 92-93), написанным до формирования поздней традиции о погубившей русский флот буре, а это, в свою очередь, повышает и доверие к приводимой им цифре кораблей русов.

Таким образом, видим, что сообщения о двух-трёх сотнях судов у русов, оказываются несводимыми к одному источнику и отражают три разные и в разное время возникшие традиции: (1) Наиболее раннюю традицию о триумфальном возвращении русов на родину после похода (отразившуюся у Иоанна Диакона); (2) Более позднюю (но тоже достаточно раннюю) традицию о военном поражении русов у стен Константинополя благодаря помощи Богородицы (отразившуюся в Брюссельской хронике); (3) Самую позднюю традицию об уничтожении флота русов чудесной бурей, разразившейся благодаря молитвам защитников города (отразившуюся в Хронике Симеона Логофета). И в рамках всех трёх традиций общим местом оказывается представление о многочисленности русского флота.

По словам М.А. Несина, патриарх Фотий «не сообщал о многочисленности врагов и их судов» (Несин 2024: 46). Цифр Фотий, действительно, не называет и едва ли они могли быть им названы в силу самой специфики жанра его гомилий. Тем не менее, он говорит о «скопище» русов и сравнивает их атаку с нахлынувшим морем, а общая тональность его речи явно указывает на мощь русов и связанную с ней угрозу Константинополю: «Из-за этого шум брани на земле нашей и великое разрушение; из-за этого Господь открыл хранилище Свое и взял сосуды гнева Своего, из-за этого выполз народ с севера, словно устремляясь на другой Иерусалим, и народ поднялся от краев земли, держа лук и копье; он жесток и немилосерд; голос их шумит, как море. Мы услышали весть о них – точнее, увидели воочию скопище их, – и руки у нас опустились; скорбь объяла нас, муки, как женщину в родах» (Кузенков 2003: 32).

Фотий говорит и о том, что опасность для города была совершенно реальной: «О, как нахлынуло тогда все это, и город оказался – еще немного, и я мог бы сказать – завоеван! Ибо тогда легко было стать пленником, но нелегко защитить жителей; было ясно, что во власти противника – претерпеть или не претерпеть [это нам]; тогда спасение города висело на кончиках пальцев врагов, и их благоволением измерялось его состояние; и немногим лучше, скажу я, – скорее же, гораздо тягостнее – было не сдаваться городу, чем давно уже сдаться: ведь первое стремительностью испытания, возможно, сделало бы незаметной причину несиюминутного пленения; второе же, затяжкой времени превознося человеколюбие противников – якобы до сих пор [город] не пал из-за их милосердия – и присоединяя к страданию позор снисхождения, мучительней делает взаимное ощущение пленения» (Кузенков 2003: 58-59).

Неужели создать такую угрозу для Константинополя и оставить такой след в византийской литературе и историографии мог «небольшой внезапный набег единиц – немногих десятков кораблей»? М.А. Несин все-таки полагает, что да: «Для раннего Средневековья такой небольшой рейд на столицу Византийской империи был вполне достойным военным предприятием» (Несин 2024: 46). Однако, ни одного соответствующего примера М.А. Несин не приводит, да их и невозможно привести, поскольку все известные нападения на Константинополь (включая морские походы русов 941 г. и 1043 г., а также сухопутный поход Святослава 970-971 гг.) представляли собой масштабные военные акции, осуществляемые с помощью максимально крупных для той эпохи военных сил:

Согласно Лиутпранду Кремонскому (ок. 920 – ок. 972) в походе 941 г. флот русов составлял «тысячу и даже более кораблей» (ДРЗИ IV: 39), а согласно Хронике Симеона Логофета – десять тысяч судов (Хроника Симеона Логофета 2014: 231). По справедливым словам А.В. Назаренко, «сведения Лиудпранда следует признать более исправными» (ДРЗИ IV: 39. Примеч. 21);

Согласно Михаилу Атталиату (ок. 1030 – ок. 1085) флот русов, нападавший на Византию в 1043 г., включал в себя 400 судов (Бибииков 2021: 153). Иоанн Скилица (вторая половина XI – начало XII в.) даёт явно фанта-

стическую цифру в сто тысяч русских воинов (Бибииков 2021: 159);

Согласно Льву Диакону (вторая половина X – начало XI в.), Святослав, отправляясь в балканский поход, «поднял на войну всё молодое поколение тавров» (Лев Диакон 1988: 44) и пришёл на Балканы с шестидесяти-тысячным войском (Лев Диакон 1988: 44), а к моменту заключения мира с императором Иоанном Цимисхием (969-976) у него осталось двадцать две тысячи воинов, на каждого из которых в соответствии с условиями мирного соглашения византийцы выделили продуктовое содержание на обратный путь (Лев Диакон 1988: 81). Последняя цифра выглядит вполне достоверной, поскольку цифры выданного русам продуктового довольствия должны были отразиться в византийской документации. Иоанн Скилица и в этом случае называет явно фантастическую цифру русского войска, вместе с союзниками из болгар, венгров и печенегов, составлявшего будто бы триста восемь тысяч человек (Лев Диакон 1988: 122).

Никаких «небольших» рейдов на Константинополь история просто не знает и это не случайно: численность его населения, по оценкам изучавших данный вопрос учёных, составляла в IX-X вв. от 500 до 800 тысяч человек (Andréadès 1920: 105-106; Waugh 2004). Даже если эти оценки несколько завышены, бесспорно, что Константинополь был на тот момент крупнейшим мегаполисом в Европе, следовательно, экстраординарной целью для военной атаки. Совершенно невероятно, что такой город могла так напугать пара десятков кораблей. Судя по аутентичным источникам (проповедям патриарха Фотия, письму римского папы Николая I от 865 г. и т.д.), нападение русов буквально потрясло Константинополь, вызвало в городе настоящую панику, отношение к нему византийских властей было исключительно серьёзным. Неужели потрясти колоссальный мегаполис мог обычный пиратский рейд? Это просто невероятно. Для того, чтобы осуществить нападение на Константинополь, буквально потрясшее Царь городов (а именно о таком нападении говорят все источники), необходимо было серьёзное войско, соответственно, с неизбежностью речь должна идти о многих десятках, а то и сотнях кораблей, и тысячах воинов.

Судя по тому, какое впечатление произвёл этот поход на современников и какой след он оставил в византийской историографии, это был поход достаточно значимого флота и войска. Разумеется, никакие точные цифры тут дать нельзя, но традиционная оценка в восемь тысяч участников (Пашуто 1968: 59; Кузенков 2003: 68; 2012: 76; Франклин, Шепард 2009: 92; Цветков 2010: 58; Сахаров 2019: 15; Беззаконов, Жих 2021: 88)⁴ выглядит реалистичной. Иначе едва ли бы Фотий стал читать свои проповеди, говорить о нависшей над городом опасности, император разворачивать войска из похода на арабов и т.д. Более того – даже если армия русов составляла восемь тысяч человек, она не могла представлять серьёзную угрозу для такого города в обычной

ситуации. Это стало возможным только благодаря тому, что русская флотилия пришла под стены Царьграда в аккурат после того как византийские армия и флот, возглавляемые императором Михаилом III, покинули столицу империи, отправляясь на очередную войну с арабами. В городе остался гарнизон из ветеранов возглавляемый префектом Никитой Оорифом, из чего многие историки высказывают предположение, что об уходе византийской армии из столицы русам донесла хорошо поставленная разведка (Левченко 1956: 68; Сахаров 1980: 53-54; Цветков 2010: 213).

По справедливым словам А.Н. Сахарова, «нападение Руси на Константинополь в 860 г. на протяжении почти пяти веков неизменно становилось сюжетом греческих хроник, переписки, религиозных песнопений, благодарственных слов, проповедей, официальных циркуляров, речей. Думается, что не все сведения о нашествии дошли до современников, но и те, что стали достоянием истории, несомненно, свидетельствуют о том, что поход 860 г. не был для Византии ординарным пограничным конфликтом с одним из “варварских” племен, а вылился в противоборство с опасным и сильным противником, стал из ряда вон выходящим событием, может быть столь же прогремевшим на весь тогдашний европейский и ближневосточный мир, как и предыдущие нападения на Византию персов, аваров, арабов. Во всяком случае, значительность информации византийских источников не оставляет на этот счет сомнений» (Сахаров 1980: 51).

М.А. Несин, ссылаясь на неясные слова Фотия, назвавшего русов во второй гомилии «кочующим» народом, задаётся вопросом: «Воспринимал ли Фотий русов в качестве устойчивого политического образования, или считал их бродячей ватагой морских разбойников, перемещающейся где-то на юге Восточной Европы, в Причерноморье или Средиземноморье, разоряющей и держащей в страхе своими внезапными налетами прибрежное население?» (Несин 2024: 48).

Такое предположение выглядит крайне сомнительным. Во-первых, подобная «ватага морских разбойников» должна была иметь опорные базы, однако таковых науке не известно. Во-вторых, должна была себя проявить и другими набегами, но никакой иной активности русов на море около 860 г., кроме самого похода на Константинополь, источники не знают.

Свои проповеди Фотий произносил непосредственно в момент когда русы находились под стенами города или сразу после их ухода, а нападение, как он сам утверждал, было неожиданным (Кузенков 2003: 35), соответственно точной и подробной информации о русах и их стране у него на тот момент просто могло не быть.

В написанном в 867 г. «Окружном послании» Фотий, как справедливо указывает П.В. Кузенков, «предстает уже гораздо лучше осведомленным об истории “росов”, поскольку объясняет их недавнее нападение на империю тем, что они сумели “поработить всех окрест них и оттого чрезмерно возгордились”. Таким образом, патриарх сообщает нам важную информацию – несомненно, полученную им из достоверных источников (ведь его епископ находился среди самих росов), – согласно

4 Она получена на основе указаний Хроники Симеона Логофета и Брюссельской хроники о том, что флот русов состоял из 200 кораблей (Кузенков 2003: 114, 156) и данных Начального свода и ПВЛ, оценивающих экипаж русской ладьи времён Вещего Олега в 40 человек (ПСРЛ. I: 30; ПСРЛ. II: 22; ПСРЛ. III: 108).

которой поход 860 г. стал возможен именно вследствие возникновения некоего мощного племенного союза во главе с русью, типологически сходного с теми коалициями подвластных племен, которые поведут на Константинополь в X в. русские князья Олег и Игорь» (Кузенков 2012: 80).

Описанное в «Окружном послании» Фотия крещение русов М.А. Несин сравнивает с тем как «предводитель датчан Хастинг, избегая боя с войском г. Луны, выразил притворное намерение креститься» и высказывает следующее предположение: «В дальнейшем русы тоже могли пожелать креститься, а византийские власти – послать к ним епископа для проведения служб, создав т.н. миссийную епархию» (Несин 2024: 48).

Предложенная М.А. Несиным аналогия между крещением русов и притворным крещением Хастинга совершенно некорректна. Во-первых, источники, – сам Фотий и Константин Багрянородный (945-959), – говорят о крещении русов совершенно серьёзно и не рассматривают его как некий притворный жест, каковым было псевдо-крещение Хастинга. Во-вторых, в случае с Хастингом речь шла лишь о вожде и его дружине, в то время как в случае с русами источники говорят о крещении народа и создании епископии (Фотий) или архиепископии (Константин Багрянородный).

Считать Русскую епархию миссийной источники также не дают никаких оснований. В «Окружном послании» Фотия рассказ о крещении Руси следует сразу за рассказом о крещении Болгарии: «И ведь не только этот народ (болгары – М.Ж.) переменял прежнее нечестие на веру во Христа, но и даже сам ставший для многих предметом многократных толков и всех оставляющий позади в жестокости и кровожадности, тот самый так называемый [народ] Рос, те самые, кто – поработив [живших] окрестных и оттого чрезмерно возгордившись – подняли руки на саму Ромейскую державу! Но однако ныне и они переменяли языческую и безбожную веру, в которой пребывали прежде, на чистую и неподдельную религию христиан, сами себя охотно поставив в ряд подданных и гостеприимцев вместо недавнего разбоя и великого дерзновения против нас. И при этом столь воспламенило их страстное влечение и рвение к вере – вновь восклицает Павел: Благословен Бог во веки!, – что приняли они у себя епископа и пастыря и с великим усердием и старанием предаются христианским обрядам» (Кузенков 2003: 74-75).

Из этого обстоятельства можно заключить, что обе созданные епархии (Болгарская и Русская) были равного статуса. Во всяком случае, это куда более вероятное заключение, чем приписывать Русской епархии какой-то особый статус, о котором Фотий не говорит ни слова (это будет очередной источниковедческой натяжкой, каковыми полна статья М.А. Несина).

В более поздних источниках, начиная с Константина Багрянородного, крещение русов отнесено к периоду второго патриаршества Игнатия, то есть между 867-877 гг. (после того как Василий I Македонянин (867-886) сверг Михаила III, он отстранил патриарха Фотия и вернул из ссылки Игнатия, которому возвратил патриарший сан). Причём, если согласно повествованию самого

Фотия в его «Окружном послании», Русь приняла у себя «епископа и пастыря» (Кузенков 2003: 75), то по рассказу Константина Багрянородного, архиепископа, который был «благосклонно принят народом» (Кузенков 2003: 127).

Объяснений этому противоречию может быть два: либо Константин Багрянородный, создавая жизнеописание своего деда, Василия Македонянина, приписал ему некоторые деяния его предшественника, в частности, крещение русов; либо при императоре Василии Македоняnine и патриархе Игнатии к русам действительно была отправлена новая церковная миссия (после низложения Фотия были низложены и все поставленные им епископы), а ее статус был повышен с уровня епископии до уровня архиепископии (обсуждение данной проблемы см.: Левченко 1956: 76-79; Сахаров 1980: 59-82; Брайчевский 1989: 69-78; Рапов 1998: 76-98; Литаврин 2000: 54-56; Цукерман 2001: 62-63; Кузенков 2012: 79-83).

П.В. Кузенков справедливо отмечает, что «едва ли ведение дипломатических переговоров с Византийской империей и назначение епископа, тем более архиепископа, могли бы иметь место в отношении некоей незначительной группы руси; и то и другое указывает на то, что Византия имела дело с достаточно мощным политическим образованием: ведь даже могущественный болгарский князь далеко не сразу добился назначения архиепископа для своей страны» (Кузенков 2003: 82); «Особое внимание следует обратить на то, что Василий направил к русам не простого епископа, а архиепископа, то есть возвел Русскую церковь на тот же уровень, которого с таким трудом добились для себя болгары. С большой долей вероятности можно предположить, что болгарский пример послужил поводом для Руси требовать себе при крещении аналогичных условий» (Кузенков 2012: 82). Таким образом, подробные описания в источниках создания Русской епархии, а также её высокий статус, аналогичный статусу Болгарской епархии, исключают гипотезу М.А. Несина о крещении небольшой группы русов и миссийном характере Русской епархии.

М.А. Несин настаивает на том, что пребывание русов под стенами Константинополя было крайне непродолжительным: русы лишь «в течение ночи или суток жгли и разоряли предместья» (Несин 2024: 45); «По-видимому, набег русов на предместья Константинополя занял часы, а не недели и месяцы» (Несин 2024: 49), поскольку «источники не сообщают о том, что оно (пребывание русов под Константинополем – М.Ж.) длилось много дней» (Несин 2024: 49).

Однако, источники не сообщают и обратного – ни один из них не говорит о том, что русы ушли от города через несколько часов после своего появления. Следовательно, время пребывания русов у стен Константинополя – вопрос дискуссионный. М.А. Несин пытается буквалистски трактовать слова Фотия о ночи, упомянутой им в связи с нашествием русов, и о дне, упомянутом им в связи с их уходом: «Русы ушли той же ночью. Или, по крайней мере, в ближайшие сутки после своего вечернего прихода» (Несин 2024: 49). Такая пря-

молинейная интерпретация выглядит, мягко говоря, наивно, ведь по справедливым словам П.В. Кузенкова, «к сожалению для нас, византийский риторический стиль построен на абстрактном морализаторстве, тонких аллюзиях и ссылках на Священное Писание и старается избегать всего преходящего и случайного. Гомилии Фотия далеки от документального описания» (Кузенков 2012: 74). Противопоставление Фотием ночи и дня может иметь символическое значение, вывести из него, что русы находились под стенами города одну реальную ночь, оставаясь на почве корректного отношения к источнику, совершенно невозможно.

Важным косвенным свидетельством того, что русы находились под Константинополем как минимум несколько дней, является упоминание Фотием возведённого русами τὸ χαρακῶμα – «вала с частоколом, которым обычно укреплялся военный лагерь», что явно указывает на то, что русы вели регулярную осаду города (Кузенков 2012: 75).

Для решения вопроса о времени пребывания русов под стенами Константинополя серьёзное значение, на наш взгляд, имеют два момента, проигнорированные М.А. Несиним.

Во-первых, в старейшей рукописи Синаксаря Константинопольской Великой Церкви (конец IX – начало X вв.) говорится: «25 июня, нашествие сарацинов и рун, и лития во Влахернах» (Кузенков 2003: 98), которая может быть сопоставлена с сообщением Хроники Симеона Логофета о молитве во Влахернах Фотия и Михаила III. В других рукописях (середина X в. и XII-XIII вв.) и поздних синаксарях данное празднование соотносено с арабской осадой Константинополя в 674-678 гг., но это может быть вторичным переосмыслением раннего известия, которое вполне может относиться к событиям 860 г., когда Византия вела войну с арабами, а русы атаковали Константинополь (существует гипотеза, что арабы и русы имели соглашение об одновременных действиях против Византии: Сахаров 1980: 53; 2019: 15; Цветков 2010: 36-38)? По мнению ряда исследователей под именем «руны» (Ῥουν) в цитируемом тексте скрывается Русь, имя которой было искажено (Красносельцев 1892: 63; Grégoire, Orgels 1954: 141-143)⁵, другие историки допускают такую возможность, но не считают данное отождествление доказанным (Станг 1999: 131; Кузенков 2003: 101). Если речь действительно идет о Руси, то отход русов от стен Константинополя можно датировать 25 июня (Приселков 1939: 99; Мавродин 1945: 215; 1949: 34; Сахаров 1980: 56; 2019: 14; Литаврин 2000: 49; Седов 2002: 283) или временем после него.

Во-вторых, Дж. Уортли, проанализировав систему библейских цитат во второй гомилии Фотия, пришёл к выводу, что она была произнесена патриархом в девятое воскресенье после Пятидесятницы, которое в 860

году (когда Пасха была 14 апреля) пришлось на 4 августа (Wortley 1970: 50-53; Цукерман 2001: 60; Кузенков 2003: 66), следовательно русы ушли от стен города незадолго до этой даты. М.А. Несин формально выразил несогласие с выводами Дж. Уортли, но не рассмотрел предметно содержащуюся в его работе аргументацию, ограничившись странным заявлением, что Дж. Уортли «не анализировал сведения источников о пребывании русов под стенами Константинополя, о многодневной осаде города не сообщающие» (Несин 2024: 49). Но источники равно не говорят и о быстром уходе русов от Царьграда (похоже, М.А. Несин настолько уверил себя в верности своей гипотезы, что начал использовать её саму в качестве доказательного аргумента) – они вообще напрямую не указывают время пребывания русов у стен города и наблюдения Дж. Уортли, сделанные на независимом материале – логике подбора Фотием библейских цитат, которая не могла быть случайной, как раз и способны пролить свет на этот вопрос. Несогласие с ними должно предметно обосновываться анализом библеизмов у Фотия, а не ссылками на собственное субъективное прочтение других источников.

На основе имеющихся источников хронология пребывания русов под Константинополем в 860 г. может быть реконструирована следующим образом: (1) Во вторник 18 июня флот русов появляется у стен города (Брюссельская хроника); (2) В воскресенье 23 июня Фотий, по всей видимости, произносит свою первую гомилию; (3) 25 июня патриарх Фотий (и, если доверять Хронике Симеона Логофета, император Михаил III, который вернулся в город) совершает литию во Влахернах (Синаксарь Константинопольской Великой Церкви), вокруг города обносят ризу Божьей Матери; (4) Между 25 июня и 4 августа византийским властям удаётся, по всей видимости, заключить какое-то соглашение с русами (большинство историков справедливо считает, что отступление русов от стен Константинополя стало результатом их договора с византийцами: Приселков 1939: 99; Мавродин 1945: 214-215; 1949: 33-34; Сахаров 1980: 55-59; 2019: 13-19; Рыбаков 1982: 290; Литаврин 2000: 53-54; Седов 2002: 285; Котляр 2003: 20-21) и те уходят от стен Царьграда (свою роль в этом мог сыграть их страх перед возвращением византийских армии и флота); (5) В воскресенье 4 августа (это следует из логики подбора им библейских цитат) Фотий произносит свою вторую гомилию.

О том, что география русской атаки в 860 г. не ограничивалась самим Константинополем и его пригородами, говорит Хронография Продолжателя Феофана (середина X в.), согласно которой «землям ромеев причинял зло набег росов: этот скифский народ, дикий и грубый, принялся предавать огню самый Понт, вовсе уже не гостеприимный, и обступать сам город, в то время как Михаил отправился в поход на исмаилитов» (Кузенков 2003: 124). Из этих слов следует, что разорению подверглись и некоторые другие причерноморские владения Византии.

Этот факт подтверждается свидетельством Жития патриарха Игнатия (847-858; 867-877) Никиты Давида Пафлагонца (вторая половина IX в. – первая половина X

5 Как отмечал А.А. Дмитриевский, издавший этот источник, «Патмосская рукопись № 266, содержащая в себе Устав великой константинопольской церкви, писана весьма небрежным почерком безграмотного писца, как выразился покойный И. Саккелион, а поэтому переполнена массою орфографических ошибок... в силу безграмотности писца, подверглись наиболее всего искажению имена собственные, т.е. имена святых, царей, игемонов, названия городов, местностей, рек и т.п.» (Дмитриевский 1895: VII).

в.), которое ещё более расширяет географию действий русов в ходе похода 860 г.: «В то время кровожаднейшее скифское племя, так называемые росы, через Эвксинский Понт подступив к Проливу (Босфору – М.Ж.) и разграбив все усадьбы и все монастыри, напали к тому же и на соседние с Византией (Константинополем – М.Ж.) острова (Игнатий пребывал в это время в ссылке на острове Теревинф – М.Ж.), забирая всю утварь и деньги, а взятых в плен людей всех убивая. Напав среди прочих с варварским пылом и яростью и на монастыри патриарха (находившегося в ссылке Игнатия автор Жития именует «патриархом» – М.Ж.), они похитили все найденное имущество и, схватив двадцать два человека из ближайшей к нему челяди, изрубили их всех топорами на одном из трохантиров судна... посреди острова Плати стоит храм Сорока мучеников [Севастийских], а к нему принадлежит часовня Богоматери. Ее престол недавно опрокинули на землю росы, разорявшие остров, Игнатий же заново восстановил его» (Кузенков 2003: 104-105).

Таким образом, часть флота русов проникла в Мраморное море и начала грабить находившиеся там Принцевы острова. Понятно, что столь широкая география действий русов возможна лишь при условиях наличия у них относительно большого количества кораблей и относительно продолжительного (минимум, несколько дней) времени.

Понимая, что свидетельство Жития Игнатия полностью уничтожает гипотезу «малого непродолжительного рейда» русов, М.А. Несин пытается дезавуировать его: по мнению автора «прочтение этого известия склоняет нас к выводу, что в нем описаны реалии какого-то иного набега русов, а не рейда на Константинополь 860 г.» (Несин 2024: 52). Такое предположение невозможно охарактеризовать иначе как фантастическое. Игнатий находился в ссылке с 858 г. по 867 г. Вероятность того, что в этом промежутке времени помимо известного по ряду источников похода на Константинополь в 860 г., русы совершили ещё один набег на империю, проникнув аж в Мраморное море, который при этом, кроме Жития Игнатия, не отразился больше ни в одном источнике, стремится к нулю⁶.

По мнению М.А. Несина, описание действий русов в «Житии Игнатия» «напоминает летописный поход Олега на Константинополь, тоже состоявшийся по ПВЛ в начале X в.: тогда греки “замкоша Суд”, в результате чего Олег не смог подойти к городу, разорял округу и “пожгоша церкви”» (Несин 2024: 52). Однако, незави-

симо от того, считать поход Олега начала X в. реальным или нет, он никак не мог приходиться на период нахождения Игнатия в ссылке (858-867 гг.), соответственно, в любом случае не имеет никакого отношения к делу.

Конкретные аргументы, которые М.А. Несин приводит в пользу допущения об особом и неведомом иным источникам походе русов в Мраморное море между 858-867 гг., также не выдерживают критики. Так, по словам М.А. Несина, «житийный набег не затронул предместья Константинополя» (Несин 2024: 52), хотя в Житии ясно сказано что русы разграбили «все усадьбы и все монастыри» у Босфора, а это ведь и есть предместья Константинополя.

М.А. Несин считает, что «если бы русы действительно начали рейд на предместья Константинополя с разорения черноморского побережья у Босфора, то их набег не был столь неожиданным для горожан, как он описан очевидцем Фотием» (Несин 2024: 52). Однако, флот русов мог сначала централизованно подойти к Константинополю, а потом от него могли отделиться флотилии, одна из которых начала грабить побережье Чёрного моря, а вторая выдвинулась в Мраморное море, опустошая расположенные там Принцевы острова.

По мнению М.А. Несина, Житие Игнатия «упоминает разорение монастырей на Черном море и на Принцевых островах, а во время набега на Константинополь русы этим массово не занимались. Глава византийской церкви Фотий сообщая о беспощадных убийствах и разорении жителей предместий, не упоминал о разорении храмов и обитателей, об убийствах духовенства и иных святотатствах» (Несин 2024: 52). Если Фотий специально не упомянул о разорении русами храмов и монастырей, это вовсе не значит, что таковых не было. По словам патриарха, русы «народ жестокий и дикий безнаказанно обступивший город и грабящий пригороды, все губящий, все уничтожающий – поля, жилища, стада, скот, жен, детей, стариков, юношей – все предающим мечу, не слушая никаких воплей, никого не щадя. Погибель всеобщая! Как саранча на ниву и как ржа на виноградник, точнее – как вихрь, или буря, или ураган, или не знаю что еще, обрушившись на нашу землю, он погубил целые поколения жителей» (Кузенков 2003: 52). Как в ситуации такого всеобщего разорения остались бы нетронутыми церкви и монастыри?

М.А. Несин пишет, что не исключает, что напавшие на Константинополь русы «были данами, связанными с приявшими Христианство Харальдом Клаком и Рериком Ютландским и что в их ватаге могли быть христиане» (Несин 2024: 52). Это домысел, не основанный ни на чём: ни один источник, описывающий поход 860 г., во-первых, не указывает ни на какую связь русов со скандинавами (тем более, конкретно, с данами), во-вторых, не говорит даже намёком о том, что среди его участников были христиане, все они описывают русов как исключительно жестоких варваров. В Окружном послании 867 г. Фотий чётко говорит, что на момент похода 860 г. русы исповедовали «языческую и безбожную веру» (Кузенков 2003: 75), следовательно, как минимум, на «официальном» уровне и среди элиты в обществе русов доминировало язычество.

6 Предшественником М.А. Несина в деле изобретения неведомых истории «дополнительных» походов Руси на Византию был Б.А. Рыбаков, который на основе наивного доверия к сообщениям Никоновской летописи XVI в. высказал предположение, что в 860-870 гг. имел место не один поход русов на Константинополь, а четыре разных похода (Рыбаков 1963: 159-173; 1982: 114-116, 304-309; Рапов 1998: 78-98). О.В. Творогов, проведя текстологический анализ, показал, что причиной четырехкратного повторения рассказа о походе Аскольда и Диры на Константинополь в Никоновской летописи было то, что ее автор особо не утруждал себя систематизацией имеющихся у него под рукой источников, а просто переписывал все подряд, в итоге разные описания одного и того же похода 860 г. оказались под его пером разными походами (Творогов 1992: 54-59; Лурье 1997: 66-68; Кузенков 2003: 167-168).

К сожалению, христиане в войнах друг с другом нередко тоже немилосердно разоряли храмы и монастыри противоположной стороны, поэтому если даже в войске русов в 860 г. были гипотетические христиане, едва ли это могло гарантировать безопасность византийским храмам и монастырям. В 940-е гг. среди русов достоверно были христиане, которые при заключении договора Руси с Византией клялись в церкви святого Ильи (ПСРЛ. I: 52-53; ПСРЛ. II: 41-42), что, однако, не мешало русам в ходе похода 941 г. грабить византийские храмы и жестоко расправляться со священнослужителями: «А кого из священнослужителей они схватили, тем, связав сзади руки, вбивали железные гвозди посреди головы и много святых храмов предали огню» (Хроника Симеона Логофета 2014: 231-232).

О том, что русы в ходе своего похода разоряли вокруг Константинополя церкви прямо писал римский папа Николай I (858-867) в своём послании императору Михаилу III в 865 г. М.А. Несин пытается отвести этот аргумент указанием на то, что в письме папы речь идёт о «варварах» вообще, соответственно, «мы не уверены, что это не относилось к набегам арабов первой половины IX в.» (Несин 2024: 52).

На самом деле в письме папы Николая I события, связанные с походом русов на Константинополь, вполне чётко отделены от событий, связанных с арабскими нашествиями, и о разорении церквей говорится именно в связи с походом на Константинополь, а такой поход в то время совершили только русы, в то время как об арабских набегах на Константинополь и его пригороды в IX в. ничего не известно, соответственно слова о разорении церквей, вне сомнения, относятся именно к действиям русов: «Что дурного сделали мы? Уж точно мы не вторгались на Крит, не опустошали Сицилию, не захватывали бесчисленные греческие провинции; наконец, не сжигали, убив множество людей, церкви святых и пригороды Константинополя, примыкающие почти к самым стенам его. Но все же нет никакого возмездия тем, кто суть язычники, кто иной веры, кто враги Христовы, кто непрестанно враждует со служителями истины» (Кузенков 2003: 89).

Подводя итоги, видим, что ключевые положения М.А. Несина основываются на произвольных допущениях и прямо противоречат источникам, что не позволяет всерьёз рассматривать его гипотезу о походе русов 860 г. на Константинополь как небольшом и кратком рейде.

ЛИТЕРАТУРА

- Беззаконов, Жих 2021 - Беззаконов С.Н., Жих М.И. Поход русов на Константинополь в 860 г.: проблемы исторической географии и логистики // Исторический формат. 2021. № 4. С. 78-124.
- Бибиков 2021 - Бибиков М.В. BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси. Т. IV. Византийские литературные свидетельства о Руси (до XIII в.). М.: Языки славянской культуры, 2021. 480 с.
- Брайчевский 1989 - Брайчевский М.Ю. Утверждение христианства на Руси. К.: Наукова думка, 1989. 298 с.
- Дмитриевский 1895 - Дмитриевский А.А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. I. Типика. Ч. 1. К., 1895. 1084 с.
- ДРЗИ IV - Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. IV. Западноевропейские источники / Составление, переводы и комментарии А.В. Назаренко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 512 с.
- Котляр 2003 - Котляр Н.Ф. Дипломатия Южной Руси. СПб.: Алетей, 2003. 300 с.
- Красносельцев 1892 - Красносельцев Н.Ф. Типик церкви св. Софии в Константинополе IX в. Одесса: Типография Штаба Одесского военного округа, 1892. 101 с.
- Кузенков 2003 - Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. Проблемы источниковедения. М.: Восточная литература, 2003. С. 3-172.
- Кузенков 2012 - Кузенков П.В. Из истории начального этапа византийско-русских отношений // Исторический вестник. 2012. Т. 1 (148). С. 52-97.
- Лев Диакон 1988 - Лев Диакон. История / Перевод М.М. Копыленко; статья М.Я. Сюзюмова; комментарий М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова. М.: Наука, 1988. 240 с.
- Левченко 1956 - Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М.: Издательство АН СССР, 1956. 556 с.
- Литаврин 2000 - Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб.: Алетей, 2000. 398 с.
- Лурье 1997 - Лурье Я.С. Россия Древняя и Россия Новая (Избранное). СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 406 с.
- Мавродин 1945 - Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л.: Издательство ЛГУ, 1945. 427 с.
- Мавродин 1949 - Мавродин В.В. Очерки по истории феодальной Руси. Л.: Издательство ЛГУ, 1949. 204 с.
- Несин 2024 - Несин М.А. Набег русов на Константинополь летом 860 года (ход событий, продолжительность, командование, численность судов) // Социогуманитарные коммуникации. 2024. № 1 (7). С. 45-55.
- Пашуто 1968 - Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 472 с.
- Приселков 1939 - Приселков М.Д. Русско-византийские отношения IX-XII вв. // Вестник древней истории. 1939. № 3 (8). С. 98-109.
- ПСРЛ I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997. 496 с.
- ПСРЛ II - Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998. 648 с.
- ПСРЛ III - Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки славянской культуры, 2000. 720 с.

- Рапов 1998 - Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Русская панорама, 1998. 416 с.
- Рыбаков 1963 - Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.: Издательство АН СССР, 1963. 364 с.
- Рыбаков 1982 - Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука, 1982. 590 с.
- Сахаров 1980 - Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. М.: Мысль, 1980. 360 с.
- Сахаров 2019 - Сахаров А.Н. 860 год: начало Руси // Исторический формат. 2019. № 1. С. 13-19.
- Седов 2002 - Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 2002. 622 с.
- Станг 1999 - Станг Х. Наименование Руси (герульская версия) // Stratum plus. 1999. № 5. С. 119-147.
- Творогов 1992 - Творогов О.В. Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // Славяноведение. 1992. № 2. С. 54-59.
- Франклин, Шепард 2009 - Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. 750-1200 / Авторизованный перевод с английского Д.М. Буланин, Н.Л. Лужецкая. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 672 с.
- Хроника Симеона Логофета 2014 - Хроника Симеона Магистра и Логофета / Перевод со среднегреческого А.Ю. Виноградова, вступительная статья и комментарии П.В. Кузенкова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. 264 с.
- Цветков 2010 - Цветков С.В. Поход русов на Константинополь в 860 году и начало Руси. СПб.: БЛИЦ, 2010. 248 с.
- Цукерман 2001 - Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства // Славяноведение. 2001. № 4. С. 59-69.
- Andréadès 1920 - Andréadès A. De la population de Constantinople sous les empereurs byzantins // Metron. 1920. Vol. 1. № 2. S. 68-119.
- Grégoire, Orgels 1954 - Grégoire H., Orgels P. Les invasions russes dans le Synaxaire de Constantinople // Byzantion. 1954. Vol. 24. S. 141-145.
- Vasiliev 1946 - Vasiliev A.A. The Russian attack on Constantinople in 860. Cambridge: The Mediaeval Academy of America, 1946. 246 s.
- Waugh 2004 - Waugh Daniel C. Constantinople. 2004 / Электронный ресурс: <http://depts.washington.edu/silkroad/cities/turkey/istanbul/istanbul.html> (Дата обращения - 20.03.2024).
- Wortley 1970 - Wortley J. The Date of Photius' Fourth Homily // Byzantinoslavica. 1970. T. 31. S. 50-53.

REFERENCES

- Andréadès 1920 - Andréadès A. De la population de Constantinople sous les empereurs byzantins [Of the population of Constantinople under the Byzantine emperors], in: Metron, 1920, Vol. 1, № 2, pp. 68-119 [in French].
- Bezzakonov, ZHih 2021 - Bezzakonov S.N., ZHih M.I. Pohod rusov na Konstantinopol' v 860 g.: problemy istoricheskoy geografii i logistiki [Military expedition of the Rus' to Constantinople in 860: problems of historical geography and logistics], in: Istoricheskij format [Historical format], 2021, № 4, pp. 78-124 [in Russian].
- Bibikov 2021 - Bibikov M.V. BYZANTINROSSICA: Svod vizantijskih svidetel'stv o Rusi. T. IV. Vizantijskie literaturnye svidetel'stva o Rusi (do XIII v.) [BYZANTINROSSICA: A set of Byzantine testimonies about Russia. Volume IV. Byzantine literary evidence of Russia (before the 13th century)], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2021, 480 p. [in Russian].
- Brajchevskij 1989 - Brajchevskij M.YU. Utverzhdenie hristianstva na Rusi [The establishment of Christianity in Russia], Kiev, Naukova dumka Publ., 1989, 298 p. [in Russian].
- Cukerman 2001 - Cukerman K. Dva etapa formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [Two stages of the formation of the Ancient Russian state], in: Slavyanovedenie [Slavic studies], 2001, № 4, pp. 59-69 [in Russian].
- Cvetkov 2010 - Cvetkov S.V. Pohod rusov na Konstantinopol' v 860 godu i nachalo Rusi [The Rus campaign against Constantinople in 860 and the beginning of Russia], Saint-Petersburg, BLIC Publ., 2010, 248 p. [in Russian].
- Dmitrievskij 1895 - Dmitrievskij A.A. Opisanie liturgicheskikh rukopisej, hranyashchihysya v bibliotekah Pravoslavnogo Vostoka [Description of liturgical manuscripts kept in libraries of the Orthodox East], Vol. I. Тутика, Part 1, Kiev, 1895, 1084 p. [in Russian].
- DRZI IV - Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov: Hrestomatiya. T. IV. Zapadnoevropejskie istochniki / Sostavlenie, perevody i kommentarii A.V. Nazarenko [Ancient Russia in the light of foreign sources: A textbook. Volume IV. Western European sources / Compilation, translations and comments by A.V. Nazarenko], Moscow, Russkij fond sodejstviya obrazovaniju i nauke Publ., 2010, 512 p. [in Russian].
- Franklin, SHepard 2009 - Franklin S., SHepard D. Nachalo Rusi. 750-1200 / Avtorizovannyj perevod s anglijskogo D.M. Bulanin, N.L. Luzhetskaya [The beginning of Russia. 750-1200 / Authorized translation from English by D.M. Bulanin, N.L. Luzhetskaya], Saint-Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2009, 672 p. [in Russian].
- Grégoire, Orgels 1954 - Grégoire H., Orgels P. Les invasions russes dans le Synaxaire de Constantinople [The Russian invasions in the Synaxary of Constantinople], in: Byzantion, 1954, Vol. 24, pp. 141-145 [in French].
- Hronika Simeona Logofeta 2014 - Hronika Simeona Magistra i Logofeta / Perevod so srednegrecheskogo A.YU. Vinogradova, vstupitel'naya stat'ya i kommentarii P.V. Kuzenkova [Chronicle of Simeon Magister and Logothete / Translated from the Middle Greek by A.Y. Vinogradov, introductory article and comments by P.V. Kuzenkov], Moscow, Russkij fond sodejstviya obrazovaniju i nauke Publ., 2014, 264 p. [in Russian].
- Kotlyar 2003 - Kotlyar N.F. Diplomatija YUzhnoj Rusi [Diplomacy of Southern Russia], Saint-Petersburg, Aletejya Publ., 2003, 300 p. [in Russian].
- Krasnosel'cev 1892 - Krasnosel'cev N.F. Tipik cerkvi sv. Sofii v Konstantinopole IX v. [The type of the Church of St. Sophia in Constantinople of the IX century.], Odessa, Tipografiya SHtaba Odesskogo voennogo okruga Publ., 1892, 101 p. [in Russian].
- Kuzenkov 2003 - Kuzenkov P.V. Pohod 860 g. na Konstantinopol' i pervoe kreshchenie Rusi v srednevekovyh pis'mennyh istochnikah [The 860 campaign against Constantinople and the first Baptism of Russia in medieval written sources], in:

- Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2000. Problemy istochnikovedeniya [The oldest states of Eastern Europe. 2000. Problems of source studies], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2003, pp. 3-172 [in Russian].
- Kuzenkov 2012 - Kuzenkov P.V. Iz istorii nachal'nogo etapa vizantijsko-russkikh otnoshenij [From the history of the initial stage of Byzantine-Russian relations], in: Istoricheskij vestnik [Historical bulletin], 2012, Vol. 1 (148), pp. 52-97 [in Russian].
- Lev Diakon 1988 - Lev Diakon. Istoriya / Perevod M.M. Kopylenko; stat'ya M.YA. Syuzyumova; kommentarij M.YA. Syuzyumova, S.A. Ivanova [History / Translation by M.M. Kopylenko; article by M.Ya. Syuzyumov; commentary by M.Ya. Syuzyumov, S.A. Ivanov], Moscow, Nauka Publ., 1988, 240 p. [in Russian].
- Levchenko 1956 - Levchenko M.V. Ocherki po istorii rusko-vizantijskikh otnoshenij [Essays on the history of Russian-Byzantine relations], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1956, 556 p. [in Russian].
- Litavrin 2000 - Litavrin G.G. Vizantiya, Bolgariya, Drevnyaya Rus' (IX – nachalo XII v.) [Byzantium, Bulgaria, Ancient Russia (IX – early XII century)], Saint-Petersburg, Aletejya Publ., 2000, 398 p. [in Russian].
- Lur'e 1997 - Lur'e YA.S. Rossiya Drevnyaya i Rossiya Novaya (Izbrannoe) [Ancient Russia and New Russia (Selected works)], Saint-Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1997, 406 p. [in Russian].
- Mavrodin 1945 - Mavrodin V.V. Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva [The formation of the Ancient Russian state], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1945, 427 p. [in Russian].
- Mavrodin 1949 - Mavrodin V.V. Ocherki po istorii feodal'noj Rusi [Essays on the history of feudal Russia], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1949, 204 p. [in Russian].
- Nesin 2024 - Nesin M.A. Nabeg rusov na Konstantinopol' letom 860 goda (hod sobytij, prodolzhitel'nost', komandovanie, chislennost' sudov) [Rus raid on Constantinople in the summer of 860 (course of events, duration, command, number of ships)], in: Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications], 2024, № 1 (7), pp. 45-55 [in Russian].
- Pashuto 1968 - Pashuto V.T. Vneshnyaya politika Drevnej Rusi [The foreign Policy of Ancient Russia], Moscow, Nauka Publ., 1968, 472 p. [in Russian].
- Priselkov 1939 - Priselkov M.D. Russko-vizantijskie otnosheniya IX-XII vv. [Russian-Byzantine relations of the IX-XII centuries], in: Vestnik drevnej istorii [Bulletin of Ancient History], 1939, № 3 (8), pp. 98-109 [in Russian].
- PSRL I - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. I. Lavrent'evskaya letopis' [The complete collection of Russian chronicles. Vol. I. The Laurentian Chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 1997, 496 p. [in Russian].
- PSRL II - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. II. Ipat'evskaya letopis' [The complete collection of Russian chronicles. Vol. II. The Ipatiev Chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 1998, 648 p. [in Russian].
- PSRL III - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. III. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [The complete collection of Russian chronicles. Vol. III. The Novgorod first Chronicle of the elder and younger], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2000, 720 p. [in Russian].
- Rapov 1998 - Rapov O.M. Russkaya cerkov' v IX – pervoj treti XII v. Prinyatie hristianstva. Izdanie vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe [The Russian Church in the IX – first third of the XII century. The adoption of Christianity. Second edition, revised and expanded], Moscow, Russkaya panorama Publ., 1998, 416 p. [in Russian].
- Rybakov 1963 - Rybakov B.A. Drevnyaya Rus'. Skazaniya. Byliny. Letopisi [Ancient Russia. Legends. Epics. Chronicles], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1963, 364 p. [in Russian].
- Rybakov 1982 - Rybakov B.A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vv. [Kievan Rus and the Russian principalities of the XII-XIII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 590 p. [in Russian].
- Saharov 1980 - Saharov A.N. Diplomatiya Drevnej Rusi. IX – pervaya polovina X v. [The diplomacy of Ancient Russia. IX – the first half of the tenth century], Moscow, Mysl' Publ., 1980, 360 p. [in Russian].
- Saharov 2019 - Saharov A.N. 860 god: nachalo Rusi [860 year: the start-date of Russia], in: Istoricheskij format [Historical format], 2019, № 1, pp. 13-19 [in Russian].
- Sedov 2002 - Sedov V.V. Slavyane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical and archaeological research], Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 2002, 622 p. [in Russian].
- Stang 1999 - Stang H. Naimenovanie Rusi (gerul'skaya versiya) [The name of Russia (Herul version)], in: Stratum plus, 1999, № 5, pp. 119-147 [in Russian].
- Tvorogov 1992 - Tvorogov O.V. Skol'ko raz hodili na Konstantinopol' Askol'd i Dir? [How many times did Askold and Dir go to Constantinople?], in: Slavyanovedenie [Slavic studies], 1992, № 2, pp. 54-59 [in Russian].
- Vasiliev 1946 - Vasiliev A.A. The Russian attack on Constantinople in 860, Cambridge, The Mediaeval Academy of America Publ., 1946, 246 p. [in English].
- Waugh 2004 - Waugh Daniel C. Constantinople, 2004, Electronic resource: <http://depts.washington.edu/silkroad/cities/turkey/istanbul/istanbul.html> (Date of access - 20.03.2024) [in English].
- Wortley 1970 - Wortley J. The Date of Photius' Fourth Homily, in: Byzantinoslavica, 1970, Vol. 31, pp. 50-53 [in English].

Жих Максим Иванович

– Заместитель главного редактора Международного научного журнала «Исторический формат» (Санкт-Петербург, Россия).

Maksim Zhikh

– Deputy Editor-in-Chief of International Scientific Journal «Historical Format» (Saint Petersburg, Russia).

max-mors@mail.ru

НОВАЯ КНИГА

В издательстве БЛИЦ вышла в свет книга известного российского историка, члена-корреспондента РАН Андрея Николаевича Сахарова (1930-2019) **Дипломатия Владимира и Крещение Руси.**

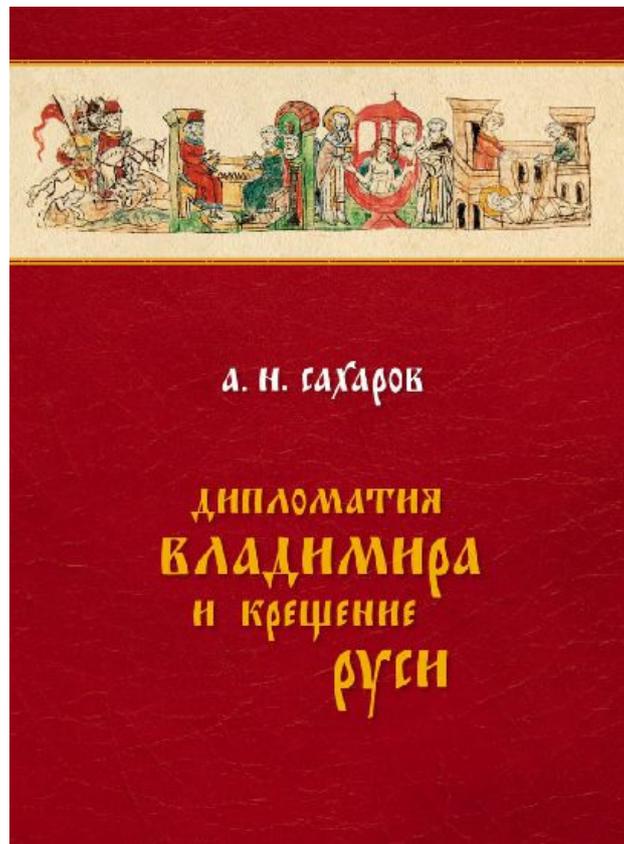
Андрей Николаевич Сахаров успешно сочетал деятельность ученого с административной стезей и трудами на ниве образования. Широкую известность ему принесли многочисленные научные и научно-популярные публикации по истории России, а также работа над предназначенными для средних учебных заведений и вузов учебниками, ставшими «вратами учености» для многих поколений школьников и студентов. Обладая энциклопедической подготовкой, А.Н. Сахаров обращался к исследованию широкому по хронологическому охвату срезу проблем отечественной истории, неизменно добиваясь значимых результатов.

Одним из важнейших направлений исследований А.Н. Сахарова было изучение внешней политики Руси на начальном этапе ее истории. Первые посвященные этой теме монографии вышли в свет в начале 1980-х годов («Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X вв.» и «Дипломатия Святослава»). Автор аргументировано обосновал в них концепцию непрерывности развития отечественной дипломатии и внешней политики в IX-X столетиях. Данная проблематика и в дальнейшем находилась в фокусе внимания А.Н. Сахарова. До последних дней жизни ученый продолжал работать над своим многолетним исследованием и написанием глав книги «Дипломатия Владимира и Крещение Руси». К сожалению, уход из жизни не позволил А.Н. Сахарову завершить подготовку рукописи к печати. Издательство, осуществляя подготовку книги к публикации, полностью сохранило научный подход Автора, его идею и замысел книги, структуру и авторский стиль.

В фокусе внимания А.Н. Сахарова – Крещение Руси, которое видится ученому не только важнейшим культурным событием той эпохи, но и результатом серьезных усилий князя Владимира, направленных на то, чтобы, с одной стороны, добиться принятия новой веры народом, а с другой – сделать так, чтобы греческое влияние, проникавшее на Русь вместе с проповедью, оставалось под контролем местных властей.

Издание дополнительно содержит:

- предисловие редактора-составителя Романа Александровича Соколова (д.и.н., заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до начала XIX в., директор института истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена);
 - научно-справочный аппарат (именной и географический указатели, список изданий/публикаций А.Н. Сахарова);
 - иллюстрации: «Княжение Владимира Великого» по миниатюрам Радзивилловской летописи.
- Книга предназначена для специалистов и всех, кто интересуется историей России.

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

В соответствии с требованиями ВАК и наукометрических баз данных РИНЦ и Scopus, в международном научном журнале «Исторический формат» вводятся следующие правила публикации.

Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Плата за публикацию в международном научном журнале «Исторический формат» не взимается. Авторский гонорар не выплачивается, не оплачивается рецензирование статей. Для обеспечения широкого доступа материалы журнала размещаются в Интернете: на сайте журнала, в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», в наукометрической базе данных РИНЦ и т.д.

Авторы статей, принятых к публикации высылают на электронный адрес редакции скан-копию бланка согласия, в котором дают разрешение на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам, при условии соблюдения их неимущественных авторских прав, извлечение из статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора/правообладателя, аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью включения в базы данных РИНЦ и Scopus, и подтверждение, что материал ранее не был опубликован и не находится на рассмотрении и/или не принят к публикации в каком-либо ином издании. Бланк согласия должен быть подписан автором и заверен в организации, в которой он работает или обучается.

В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать поступившие статьи. Журнал не публикует авторские материалы, ранее напечатанные в других изданиях; материалы, не соответствующие тематике журнала; статьи, не содержащие новой информации либо содержащие фактологические, исторические или иные ошибки, которые не могут быть исправлены; статьи, содержащие утверждения и гипотезы, прямо противоречащие установленным научным фактам; литературно-художественные и публицистические произведения любого содержания, в том числе и на научную тему; любую информацию и объявления, не имеющие непосредственного отношения к научной деятельности; материалы, содержащие сведения, которые составляют государственную либо коммерческую тайну; материалы, содержащие оскорбления, клевету либо заведомо ложные сведения в отношении граждан и организаций.

ПОРЯДОК СДАЧИ МАТЕРИАЛА:

Статья оформляется в соответствии с требованиями к оформлению материалов и высылается вместе со скан-копией заверенного бланка согласия на электронный адрес редакции: mail@histformat.com

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, IvanovStatya, IvanovBlank). Рукописи принимаются к рассмотрению непрерывно в течение года. Материал не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы, список литературы и прочие компоненты статьи), сообщения — 0,5 п.л., рецензии — 0,2 п.л.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию. Внутреннее рецензирование осуществляется редколлегией. Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала и осуществляется специалистом соответствующего профиля, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ:

Редколлегия журнала «Исторический формат» принимает только материалы, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму (формат Word, файл с расширением .doc, .docx, .rtf). Статья должна быть оформлена строго в соответствии общими требованиями к оформлению научных публикаций и тщательно вычитана.

Рукописи, направляемые в журнал, должны содержать следующие разделы:

1. Индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК).

2. Название статьи, ФИО автора(ов), сведения об авторе, адресные данные (полное юридическое название организации, адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора), авторское резюме и ключевые слова на русском языке, адрес электронной почты. Объем аннотации должен включать от 100 до 250 слов. Ключевых слов и словосочетаний должно быть не более 10.

3. Те же данные, указанные на английском языке, в той же последовательности, что в п. 2. Авторское резюме на английском языке (Abstract) может отличаться от русского аналога, но обязательно должно быть максимально подробным, чтобы выполнять функцию независимого от статьи источника информации. Информация резюме на английском должна быть понятна и интересна англоязычному читателю, который мог бы без обращения к полному тексту получить наиболее полное представление о тематике и уровне исследования.

4. Полный текст статьи, оформленный в соответствии с действующими требованиями журнала, приме-

чания, список использованной литературы (название «Литература»), список литературы в романском алфавите (название «References»).

Параметры оформления статьи: выравнивание — по ширине листа; первая строка — отступ 1,25; межстрочный интервал — одинарный; шрифт — Times New Roman; размер — 14; без автоматической расстановки переносов.

Иллюстрации (фотографии, рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) должны иметь сквозную нумерацию согласно их положению в тексте и дополнительно прилагаться в виде отдельных файлов. Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpeg (разрешением не менее 300 dpi).

При оформлении статьи используется «гарвардский стиль» — оформление библиографии, когда список литературы выстроен в алфавитном порядке, а отсылка в тексте оформляется через фамилию автора (или фамилия первого автора, если авторов несколько), год издания и по необходимости номер страницы.

5. Список литературы с последующей английской транслитерацией. Автоматизировать процесс транслитерации можно, воспользовавшись программным

обеспечением, которое доступно по адресу <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке «Варианты» выбирать BGN). После автоматического транслитерирования необходимо вручную проверить правильность полученного результата и внести необходимые коррективы. Транслитерированные ссылки должны содержать только значащие для аналитической обработки элементы (ФИО авторов, название первоисточника, выходные данные). В списке литературы названия работ на языках, использующих нелатинизированные алфавиты, должны быть переведены на английский и заключены в квадратные скобки; названия источников должны быть транслитерированы, в конце следует указать язык оригинала в квадратных скобках. В случае цитирования книги название издательства (если это название учреждения) должно быть переведено на английский язык, во всех остальных случаях — транслитерировано, место издания — переведено.

Примером оформления публикации может служить любая статья в последнем опубликованном номере журнала. Просим авторов обратить на это внимание и следовать принятым правилам оформления материалов.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

2023, № 3-4

* * *

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Дата выхода номера: 05.06.2024

Формат 210x297

Электронный файл PDF

Гарнитура «Source Sans Pro»

Издатель: Редакция журнала
«Исторический формат»

Верстка: Жих М.И.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей, не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

* * *

Е-mail редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: <http://histformat.com/>

© Исторический Формат, 2023-2024
ISSN 2411-9415

[вернуться к оглавлению](#) ▲

<http://histformat.com/>